

Муса Бакаров

**Воспоминания
об Абреке Зелимхане**

Муса Бакаров

**Воспоминания
об Абреке Зелимхане**

2023

УДК 82-3
ББК 84-4
Б19

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Бакаров Муса
Б19 Воспоминания об Абреке Зелимхане / Муса Бакаров. —
[б. м.] : [б. и.], 2023. — 306 с.
[б. н.]

УДК 82-3
ББК 84-4

16+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

1925 — 25.10.1995

Долгий и тернистый путь к мечте

Муса Бакаров, мой отец, трагически погиб 25 октября 1995 года: гражданский автомобиль, в котором находились он и его товарищ Цуку Хумаидов, в упор был расстрелян с вертолета. Символично, что они возвращались из города Грозного, куда ездили для участия в примирении двух враждующих сторон.

Отец мой рано познал несправедливость, унижения, бедственное положение односельчан, и его не по годам рано взрослевший разум задавался извечными вопросами: «Кто виноват?», «Что делать?» С детства он интересовался историей села, прошлой жизнью его жителей. Его постоянными собеседниками и учителями жизни были дед Бакар и старожилы села Харачой.

Бакар рассказывал Мусе о Шейхе Мансуре, Байсангуре Беноевском, Бейбулате Таймиеве, Алибеке-Хаджи Зандакском, Тозу Акмурзаеве и особенно много — о Зелимхане Харачоевском. Бакар близко знал деда Зелимхана — Бехо, часто к нему навещался, а сам Зелимхан рос на его глазах, поэтому свежи были в памяти деда воспоминания об абреке, о его жизни и борьбе за справедливость.

Отец Мусы, Усман, был одарен Всевышним незаурядным умом. Он, как никто другой из сверстников, видел пользу учебы, понимал, какие блага и преимущества приносят различные науки. Усман не знал русского языка и тем не менее сумел съездить в город Тавду Свердловской области, куда в 1931 году по ложному доносу отправили в тюрьму его отца Бакара, который был тогда в должности председателя сельсовета (кстати, его вскоре освободили за недоказанностью вины).

Усман всегда поощрял стремление Мусы к учебе и наказал описать путь героической борьбы Зелимхана

за справедливость против царской власти и против ее местных служителей из числа сородичей, и происходили эти беседы еще до выселения чеченцев. Муса уже тогда начал общение с очевидцами событий начала 1900-х годов и продолжал собирать рассказы свидетелей тех времен и их потомков вплоть до 1990-х годов.

К созданию книги воспоминаний о Зелимхане Муса шел долгим и тернистым путем. У него было огромное желание изложить устные рассказы очевидцев о времени и событиях, связанных с абреком. Годы коллективизации, вечная нужда и отсутствие специальных знаний не позволили ему в 30-е годы собрать еще свежие в памяти людей сведения обо всех героических поступках Зелимхана и изложить их на бумаге.

Затем в 1941 году началась война, а в 1944-м произошло выселение целого народа в степи и горы Казахстана и Киргизии, за которым последовали голод, лишения, бесправие, унижения. И, несмотря на все это, долгие 13 лет надежды. Потом — возвращение, собирание разграбленного и разрушенного, восстановление домов и хозяйств.

— Что было самым трудным, так это видеть и понимать, как высшие партийные и советские чиновники в первые годы восстановления республики не признавали за чеченцами их конституционных прав на свою историческую родину, на память о своих национальных героях, на лучшие традиции и обычаи народа. И это все в том числе тормозило выполнение наказа моего отца Усмана о создании книги про жизнь и борьбу Зелимхана Харачоевского, — говорил мне отец уже позже, когда я многое и сам начал понимать.

В начале 1960-х годов благодаря смелым и светлым умам ярких представителей чеченского народа наступило потепление в общественно-политической, социально-экономической, культурной, образовательной, духовной

жизни республики; свой маленький вклад вносил в этот процесс и мой отец. Он писал письма и обращения в партийные и советские органы с предложениями о том, чтобы Зелимхана Харачоевского признали национальным героем чеченского народа. К примеру, в письме на имя первого секретаря Чечено-Ингушского обкома КПСС Титова и второго секретаря Чахкиева от 16 апреля 1965 года Муса писал следующее: «9 января 1957 г. Чечено-Ингушская АССР восстановлена в тех же правах, как и все автономные республики СССР. Каждый народ имеет право гордиться своими национальными героями, несмотря на давность их подвигов...»

...Мечта Мусы сбылась в 1990 году, когда вышла в свет его книга «Воспоминания об абреке Зелимхане». Изданная тиражом в 15 тысяч экземпляров книга очень быстро разошлась и имела положительные отзывы. Отлично, что даже спустя многие годы Гилани Индербаетов — писатель и литературный критик, заслуженный учитель и преподаватель ЧГПУ — в своей статье «Жизнь, продолжающаяся в легендах и преданиях» в журнале «Вайнах» (2013, №9) отметил следующее: «Сегодня большой интерес, на мой взгляд, представляет книга М. Бакарова „Обарг Зеламахх дагалцамах“ („Воспоминания об абреке Зелимхане“, 1990 г.). В этой книге собраны новые свидетельства тех, кто его знал, встречался и помнил, знал членов его семьи».

Конечно, жанр самой книги, отмеченный уже в самом ее названии — «воспоминания», — не предполагает строгой документальности изложения, поэтому вполне допустимы некоторые неточности из жизни абрека Зелимхана и погрешности иного характера. Любой рассказчик — это индивидуум со своим характером, своими эмоциями, своим отношением к тому или иному национальному герою, который может от себя что-то добавить или убавить. Поэтому хотелось бы обратиться к наиболее

щепетильным читателям: все написанное в данной книге не есть истина в последней инстанции. Для могущих и желающих оспорить какие-либо изложенные здесь факты или события из жизни Зелимхана и его семьи совет: сегодня есть все возможности дойти до истины и отразить свое мнение — доступны архивы, документы из открытых источников. Исследуйте, пишите...

Но одно могу сказать совершенно точно: Муса Бакаров как человек, записавший эти воспоминания современников Зелимхана, ни одного факта из жизни героя не менял, от себя не добавлял и честно и добросовестно донес до читателя свидетельства каждого рассказчика.

Следует отметить, что в настоящую книгу добавлены еще один, третий по счету, рассказ Саида Гумхаджиева, а также рассказ автуринского старца Магомеда, которые публикуются впервые. В первое издание книги, 30 лет назад, они по понятным причинам не были включены. Кроме того, в настоящую книгу добавлено Прощение Зелимхана на имя Председателя Государственной Думы. Оно было опубликовано в документальной повести Дзахо (Константина) Гатуева, вышедшей в свет в 1930 году.

Ныне произошло второе рождение книги, уже на русском языке. Всемерно благодарен Хаважу Цинцаеву за бескорыстный и скрупулезный, точный перевод, Таус Сергановой — за такой же бескорыстный ответственной редакторский труд.

Выражаем отдельную благодарность художнику Рустаму Яхиханову за предоставленные работы для оформления книги.

Мухтар БАКАРОВ

Зелимхан Харачоевский

в воспоминаниях

Мусы Бакарова

Есть книги, которые занимают и в жизни вообще (то есть в истории), и в жизни читателя особое место. В чеченской литературе тоже есть такие книги. Правда, их немного, но они есть. В далеком 1990 году, когда «страну рвало — она, согнувшись пополам, искала помощи» и не за горами был тот день, когда танки будут давить не только лотки и овощи, но и людей, в Чечено-Ингушском издательско-полиграфическом объединении «Книга» огромным по меркам нынешнего времени тиражом в 15 тысяч экземпляров (тогда это был скромненький тираж) вышла книга «Обарг Зеламхех дагалецамаш» («Воспоминания об абреке Зелимхане»), облаченная в тоненькую мягкую обложку, которая от частого «ношения», то бишь перечитывания, превращалась в лохмотья. Автор — Муса Бакаров.

Книга эта в читательских кругах нашей республики вызвала (и до сих пор вызывает) живой интерес. Во-первых, впервые в истории чеченского народа один из лучших его сыновей показан не со страниц литературно-художественного произведения и не в сказаниях народного эпоса, в коих вымысел порой преобладает над правдой: Зелимхан Харачоевский предстает перед читателем во всей той исторической достоверности, что донесла до Бакарова память людей, которых ему посчастливилось интервьюировать и которые знали народного героя лично. Во-вторых, «Воспоминания об абреке Зелимхане» демонстрируют безупречный чеченский язык, где гибкое сочетание простых слов вызывает абсолютно физическое

восприятие повествования, тем самым превращая речь рассказчиков в факт высокой литературы. И, как мне кажется, впервые в нашей словесности стиль и язык книги Бакарова вырывается за «красные флажки» языка литературы социалистического реализма, сознательно наложенного или бессознательно заимствованного чеченскими писателями. И все это в совокупности есть тот редкий случай, когда автору в своей книге удастся выходить за рамки собственных намерений.

В 1990 году у меня за плечами был зачитанный буквально до дыр роман Магомеда Мамакаева «Зелимхан» с известным и ставшим в наши дни крылатой фразой первым предложением (неким аналогом французскому «шерше ля фам» — «ищите женщину»): «Дерриге а доладелира Харачуьра Хушаллин хаза йо1 Зезаг бахьна долуш» («Все началось из-за дочери Хушаллы из Харачоя — красавицы Зезаг»). Была еще пара илии об абреке из Харачоя, вычитанных в фольклорных сборниках; временами попадались газетные статьи, в которых, собственно, ничего нового и не было, лишь изредка встречалось странное словосочетание — «благородный разбойник». Задавался вопросом: неужели это все, чем мы располагаем о Зелимхане? Неужели ничего больше (и более) подлинного не дано узнать о жизни и трагической судьбе этого человека? Неужели факты кончились, полностью предоставив поле деятельности воображению?..

Век старый уходил — до его кончины оставалось совсем немного. Век старый умирал — никто не догадывался, что закат одного века и рассвет нового будут обагрены кровью чеченского народа. Никто не догадывался, что век, длившийся для чеченского народа целую вечность, не собирается сбавлять свою кровавую поступь и в последней агонии изрыгнет столбы красного огня. Никто не догадывался... Шел 1990 год. Вышла последняя

чеченская книга XX века «Обарг Зеламахех дагалецамаш» («Воспоминания об абреке Зелимхане»).

Автор книги Муса Бакаров родился в 1924 году в горном селении Махкеты Веденского района. Заканчивает семь классов Сельментаузенской средней школы. До выселения работает почтальоном. В годы ссылки меняет множество профессий: был заведующим магазином, аппаратчиком на заводе в Актюбинской области Казахской ССР, заготовителем. С 1957 по 1959 год — председатель колхоза имени Орджоникидзе, затем — инспектор райфинотдела. По возвращении на родину, с 1966 вплоть до 1989 года, работает начальником районной станции защиты растений Веденского района. Имеет незаконченное высшее образование по специальности «агроном». Награжден юбилейными медалями, медалью «За доблестный труд», почетными и похвальными грамотами. Избирается народным депутатом Махкетинского сельского Совета. Многие годы является внештатным корреспондентом газеты «Колхозная жизнь». Публикуется в республиканской печати.

Вот так пишется книжно-газетно-журнальная биография, где за холодным и расчетливым порядком букв, слов и цифр теряется подлинная человеческая жизнь с ее частыми печальями и редкими радостями. А вместе с тем Мусе не было и года, когда его отец Усман разошелся с его матерью Умидат. У малыша было несколько кормилиц, каждую из которых впоследствии взрослый Муса будет любить и уважать как родную мать, а детей их считать братьями и сестрами.

После развода с матерью Мусы отец Усман женится еще несколько раз, и не всегда отношения пасынка с мачехами складываются удачно. С восьми лет он воспитывается дедом Бакаром, человеком поистине большого ума, чести и справедливости. Бакар был другом известного на всю Чечню ученого-богослова шейха Су-

гаипа-Муллы¹ Гайсумова и, будучи неординарной личностью, не смог спастись от жерновов сталинских репрессий: в начале 30-х годов прошлого века его в должности председателя сельского Совета села Сельментаузен арестовывают за то, что он не проводил на местах политику раскулачивания. Повторный арест заканчивается трагически — в 1939 году Бакар Ильясов был расстрелян в Грозненской тюрьме (реабилитирован в 1990 году).

Юному Мусе на тот момент 14 лет, но он уже смотрит на мир глазами взрослого человека. Уже в этом возрасте прекрасно разбирается в людях, оценивает человека не по богатству и привилегиям, а только по нравственным качествам, терпеть не может лжи, лицемерия, высокомерия и трусости. В детские и юношеские годы ему приходится вступать в частые драки со сверстниками, защищая слабых детей. Характер парня, закаленный в трудностях и лишениях, проявляет себя с лучшей стороны: так как со словами «тяжелый физический труд» Муса знаком не понаслышке, с 13–14 лет ему приходится «выходить в люди»; с огромной любовью изучает он историю своей родины, слушает и собирает предания и легенды о национальных героях. Главной страстью Мусы Бакарова становится сбор фактов о жизни Зелимхана Гушмазукаева из Харачоя. Хотя Муса и начал интересоваться и расспрашивать о Зелимхане еще в раннем возрасте, но официально точкой отсчета принято считать 1940 год — год, когда Муса, несмотря на феноменальную память, начинает записывать свои беседы на бумагу. Одним из первых его рассказчиков был старейшина из села

¹ Шейх Сугаип-Мулла (1837–1932) — чеченский святой суфий, один из почитаемых в Чечне религиозных лидеров.

Махкеты — Шабаз, сын Суаипа. Шабаз был женат на матери Мусы — Умидат Хаджимурадовой; в марте 1944 года они оба погибают от голода в казахстанской ссылке.

Книга длиною в жизнь... Вряд ли пятнадцатилетний Муса, когда он только-только начинал записывать свои беседы с людьми, знавшими Зелимхана и о Зелимхане, думал о том, что в будущем его труды выльются в отдельную книгу. А с годами, поставив перед собой твердую задачу сдать рукопись в типографию, Бакаров начинает сомневаться в реализации этого проекта: советская идеологическая система в только что возрожденной Чечено-Ингушской АССР предпочитает замалчивать о Зелимхане, а в некоторых случаях даже очернять его. Муса пишет письма во всевозможные инстанции. Среди прочего он обращает внимание партийных чиновников на лживый пасквиль, опубликованный в газете «Красное Знамя» за №41 от 4 апреля 1965 года под заголовком «Конец жизни Зелимхана». Также он не скрывает своего возмущения по поводу того, что после возвращения чеченцев на родину из краеведческого музея республики исчезли экспонаты, связанные с Зелимханом, которые там находились до февраля 1944 года, в частности большой портрет абрека, где он изображался в полный рост, и его военное снаряжение. И даже после того как некоторые экспонаты чеченского музея были возвращены из сопредельных республик обратно в Грозный, «коллекция Зелимхана» долго еще пылилась на складе — кто-то очень не хотел выставлять это на всеобщее обозрение.

Язык книги (и снова язык) — живой и яркий, звучит без всякой натуги: живописно, но вместе с тем без излишней живописности, предельно кратко, афористично. Ощущение такое, как будто читатель присутствует и слышит речь стариков-рассказчиков, так как в их словах нет ни одного или почти ни одного лишнего слова — отжи-

мают жир, оставляя одни лишь мышцы. Кажется, перед тобой сидит Саид Гумхаджиев и, протирая старческие слепые глаза, рассказывает о том, как он входит в пещеру, где находится Зелимхан, окруженную со всех сторон бесчисленным количеством царских солдат, в числе которых есть предатели и доносчики чеченской национальности. Живой картиной встает перед глазами сцена диалога Зелимхана с Саидом, где нас, читателей, словно бы ставших очевидцами, поражают мужество и спокойствие человека, обреченность которого не вызывает сомнения: вход в ущелье (он же и выход) держат под прицелом ружей сотни и сотни солдат.

Саида засылают в пещеру с ультиматумом от русского офицера:

— Говорят, что этот враг государя, бандит Зелимхан, который уже сидит в моем «кармане», из харачоевцев больше всех доверяет тебе. Ты сейчас зайдешь в пещеру и расскажешь ему все, что ты здесь видишь: скажи, что пещера взята в тройное кольцо; скажи, что стоят две цистерны с керосином, чтобы его оттуда выкурить; также скажи, что на рассвете подоспеют еще войска. Как есть расскажи ему все, и пусть он сдастся живым, иначе я разорву его на мелкие кусочки.

Грустный и удрученный, Саид, проклиная того, кто донес на него как на «человека, которому Зелимхан доверяет больше, чем кому-либо из харачоевцев», направляется в сторону пещеры. Зелимхан встречает его с распростертыми объятиями. Саид рассказывает все, что ему пришлось увидеть за пределами каменных и сырых стен. Зелимхан начинает расспрашивать Саида... Расспрашивает о том, как тот справляется с хозяйством, удалось ли приготовить на зиму сена; расспрашивает о здоровье жены и о многом другом, вплоть до того, что интересуется младшим сыном своего незваного гостя: «Вырос ли Аббаз?»

Саид даже через 50 лет после тех событий в беседе с Мусой Бакаровым не перестает удивляться стойкости духа человека, за которым долгие годы петляла смерть и которая, кажется, сейчас настигла окончательно.

— Можно было подумать, что я пришел к нему в гости совсем при других обстоятельствах, — рассказывает Саид Гумхаджиев, — так, как обычно приходят в гости. Я был поражен его безмятежностью, его спокойствием, тем, что он нисколько не был потерян или растерян.

Говоря о языке книги «Воспоминания об абреке Зелымхане», о том, что это яркий, живой, колоритный, краткий и афористичный язык, в котором рассказчики вылущивают золотые слова-зерна, отбрасывая кочерыжки, в доказательство всему этому можно привести хотя бы переведенные мной последние слова из рассказа старика Саида. В чеченском тексте вместо этих «безмятежностей», «спокойствий», «нерастерянностей» и «непотерянностей» старец приводит одно емкое словосочетание — «дог меттахь». В буквальном переводе это звучит как «сердце на месте». Да, действительно, только человек, у которого «сердце на месте», мог расспрашивать своего несчастного собрата про будничные и хозяйственные заботы, пытаясь тем самым успокоить его, хотя над ним самим в эти часы кружила смерть. Только человек, у которого «сердце на месте», мог, провожая в эту ночь своего гостя, попросить того передать чеченцу Хаджи, находящемуся в русском стане, «запомнить этот день». Только человек, у которого «сердце на месте», мог на рассвете уйти из пещеры, из которой практически невозможно было выйти, оставив с носом такое огромное войско. А ровно через три года после той ночи, 26 сентября 1913 года, старый (не по количеству прожитых лет — ему только-только перевалил четвертый десяток, — а по состоянию души), немощный и больной, похоронивший за столь долгие 13 лет абречества убитыми

отца, двух братьев, самых верных своих друзей и товарищей, потерявший родной кров и лишенный всякой возможности мирной и спокойной жизни, с неизбывной тоской по своей семье — жене, двум сыновьям и двум дочерям, покинутый всеми и оставшийся в полном одиночестве, Зелимхан, сын Гушмазуки из Харачоя, читая самому себе отходную молитву — суру «Ясин», — вступит в свой последний бой...

Приведенный мной выше фрагмент из книги Бакарова является больше вольным пересказом и «интерпретацией», чем тем, что принято называть литературным переводом, и может в лексических и стилистических деталях отличаться от перевода Хаважа Цинцаева (в том и заключается феномен подобного творчества: оригинал существует в единственном экземпляре, а вариантов перевода — сколько угодно). Но почему я сделал акцент именно на этом фрагменте? Несмотря на то что вся книга Мусы Бакарова — это свидетельство нестигаемой воли, мужества и отваги Зелимхана из Харачоя, именно эти слова, это словосочетание — дог меттахь (сердце на месте) — как мне кажется, являются квинтэссенцией и философией жизни и смерти этого доблестного воина.

В книге Мусы Бакарова приведены уникальные факты из жизни абрека. Бакаров ведет беседы с Бехо из Ачхой-Мартана, с Дики из Малых Атагов, с Ахмадом Башировым из Аксая, с немцем Адольфом Миллером из Моздока, с дочерью Зелимхана — Медни, с аварцем Али... Старец Исал из селения Малые Атаги делится с Бакаровым доселе неизвестной историей о скандальной встрече Зелимхана с нефтяным магнатом Тапой Чермоевым. А случай, рассказанный Саиду Гумхаджиеву самим Зелимханом о своем «противостоянии» с другим Зелимханом — смелым и горячим джигитом из Гельдыгена — фантастическая история отчаянной храбрости и человеческой мудрости.

Речи Зелимхана завораживают. В них столько философии, юмора, тонких и острых житейских наблюдений, что на ум приходят слова поэта в перефразированном виде: если не был бы он абреком, то, наверно, был...

«Доблесть, смелость, отвага — вещи приходящие, уходящие, мой друг. А хочешь знать, в чем заключается мой секрет храбрости? Я никогда не вступаю в заведомо обреченную схватку».

«Сколько бы ты ни советовался с учеными и мудрецами, это тебе не поможет, если у самого нет ума».

«Угостивший тем, чем богат, — щедрый; ударивший противника тем, что подвернется под руку, — храбрый».

«Если знающие люди будут говорить на чистом чеченском языке, не может не наступить перемирия между враждующими сторонами».

«Знай же, что час твоей смерти не оттянуть ни на день вперед, ни на день назад — от предначертанного не уйти».

Книга длиною в жизнь — это не фигура речи. Муса Бакаров действительно писал ее всю жизнь. Сбор и компоновка материалов для будущей книги заключались не только в том, чтобы искать и находить людей, знавших Зелимхана лично, но и во многих случаях носили этический характер: собеседники Мусы были людьми преклонного возраста, и порой после многочасовой беседы, когда, казалось, всё исчерпывающе сказано и рассказано, Муса обязательно вспоминал, что забыл спросить что-то, что для него было очень важным. И только своим природным обаянием и порядочностью ему удавалось каждый раз зажигать слабо тлеющие огарки старческой памяти.

В 1990 году книга наконец увидела свет. Если применить модное сейчас слово «бестселлер», то о «Воспоминаниях об абреке Зелимхане» вполне можно сказать как о книге-бестселлере, второй после «Долгих ночей» Абузара Айдамирова.

...В скором времени на просторах некогда всесильной коммунистической державы заговорили о парадах суверенитетов. Затем развал СССР; революционные настроения в Чеченской Республике. Первая военная кампания в Чечне, и эта война станет для Мусы Бакарова той болью, которой так и не суждено зажить в его душе. Двадцать пятого октября 1995 года, находясь в салоне легкового автомобиля своего товарища, Муса Бакаров попадает под вертолетный обстрел федеральных сил.

Навряд ли автор книги «Воспоминания об абреке Зелимхане» отдавал себе в полной мере отчет о величии замысла, что скрывало в себе это произведение. Но если от автора мы это воспринимаем как природную скромность и порядочность, то наш долг заключается в том, чтобы эта книга, в которой сошлись две тени — великая тень Зелимхана Харачоевского и скромная тень Мусы Бакарова, — заняла достойное место в нашей литературе.

P.S. Сколько нами прочитано книг зарубежных авторов? Почему я делаю акцент именно на зарубежных авторах, поймете чуть ниже. Так вот, сколько всего прочитано: и «авантюрный» Александр Дюма-отец, и «тяжеловесный» Оноре де Бальзак, и «фантастический» Жюль Верн, и «мифический» Хорхе Луис Борхес, и «магический» Гарсиа Маркес, и «ужасный» Эдгар По, и... Можно перечислять долго, но для нашего «эксперимента» этого вполне достаточно. Со страниц книг вышеперечисленных авторов мы в какие только миры не погружались, иной раз долго не выныривая: нас будоражили эти сюжеты, нас волновали эти страсти; словом, мы жили и дышали той самой книгой, которую на данный момент читали. Когда мы от графа Монте-Кристо переходили к д'Артаньяну, от отца Горио — к капитану Немо, от полковника, которому никто не пишет, — к первому в истории литературы сыщику Огюсту Дюпену, от нас ускользала одна очень

важная деталь, один очень важный момент, одна очень важная составляющая. А именно то, что за всеми этими увесистыми томами зарубежных авторов стоял, помимо автора, еще один человек — переводчик.

Литературный переводчик — человек без лица, без имени, без «здравствуйте», «до свидания» и «спасибо» от читателя. О существовании литературного переводчика как бы и не задумываются, а порой и не догадываются; а когда натыкаешься на последней странице на фразу «перевод такого-то» — просто натыкаешься, и всё. Литературный переводчик — это боец невидимого фронта от литературы. Но перед ним стоит не менее ответственная задача, чем перед автором, и даже больше: его ответственность усиливается во сто крат, ибо автор уже создал произведение, пользуясь инструментарием родного для себя языка, а моральная (и юридическая) обязанность переводчика заключается в том, что он должен максимально верно и точно передать мысль, форму и гармонию речи текста оригинала.

Насколько книга «Воспоминания об абреке Зелимхане» в переводе Хаважа Цинцаева соответствует данным критериям — судить, конечно, читателю, но то, что переводчик посчитал своим гражданским долгом дать этой книге второе рождение, уже на русском языке, выше всяких похвал.

*Редактор отдела публицистики
журнала «Вайнах» Саламбек АЛИЕВ*

Предисловие от автора

*Своим мужеством и отвагой,
стойкостью и умом на одном уровне
с имамом Шамилем были у чеченцев
такие национальные лидеры
и религиозные авторитеты, как первый
имам горских народов Кавказа Шейх
Мансур, Таймин Бейбулат Алибек-Хаджи
и чеченский национальный герой
Зелимхан.
Их жизнь, их судьба оказались
трагичными.*

А. Айдамиров. Калужский пленник

Образ Зелимхана Харачоевского занял мои мысли в семилетнем возрасте. Мой дед Бакар был знаком с Зелимханом с детства, как и с его отцом и дедом, и часто навещал их. По его словам, харачоевские мальчишки в свободное время, разбившись на две группы (правобережные и левобережные), постоянно устраивали разные забавы, соревновались в перетягивании каната, в поднятии тяжестей, в борьбе и в других состязаниях. Если Зелимхан участвовал в этих играх, то его команда с правобережной стороны непременно побеждала.

Дед рассказывал:

— Зелимхан, с мальчишеских лет отличающийся от своих сверстников смелостью, мужеством и справедливостью, защищал слабых и беззащитных. Он был физически сильным, стройным и красивым парнем, и его уважали как в своем, так и в соседних с Харачоем аулах. Не мог терпеть обмана, лицемерия, трусости, подхалим-

ства и заискивания перед богатыми и чиновниками, уважал честных и совестливых.

...Апрель 1940 года. Во время школьных каникул я попросил отца отпустить меня в Грозный погостить у Заурбека Шерипова. Их семья жила по соседству с краеведческим музеем, и в один из своих свободных дней Заурбек повел меня туда. Больше всего мне понравилось в музее художественное полотно с изображением в натуральную величину полностью экипированного и вооруженного до зубов Зелимхана, сидящего на коне и смотрящего в бинокль куда-то вдаль. Он был как живой. Под картиной были разложены в виде музейных экспонатов предметы, использованные Зелимханом в качестве оружия, а также седло, переметные сумы, лошадиные подковы, при помощи которых он запутывал следы, уходя от преследователей, и многое другое.

Тогда-то я прочитал слова, поразившие меня в самое сердце:

«Не верится — убит Зелимхан! Мы видим в нем героя... Он любил свободу, был храбр, благороден... Те, кто убил его, — черные люди. Они останутся неизвестными. О них ни сказок не расскажут, ни песен о них не споют. А о Зелимхане будет сложена поэма, может быть, опера. Пушкин и Лермонтов восхищались такими горцами. Не хочется верить в смерть Зелимхана». Это цитата из статьи «Убит герой» в газете «Отклик Кавказа» за декабрь 1913 года. Я удивился смелости людей, написавших и опубликовавших такие правдивые слова о враге царя. Но они оказались пророческими, и их подтвердила жизнь — самый строгий и квалифицированный экзаменатор.

Прошли 20 лет, которые вместили в себя Великую Отечественную войну, незаконную депортацию чеченцев и их возвращение на родину, в течение которых мне, естественно, не удавалось посетить музей снова. Я смог

это сделать лишь через некоторое время после восстановления Чечено-Ингушской АССР и возвращения многих чеченцев на землю предков.

Однако впечатлившей меня когда-то картины с изображением Зелимхана и его вещей, которые я видел в прошлый раз в качестве экспонатов рядом с картиной, в музее уже не было. На мой вопрос об их судьбе работник музея ответил, что портрет Зелимхана и другие принадлежавшие ему вещи вывезены.

Как бы там ни было, при следующем моем посещении музея в 1960 году с таким же вопросом о судьбе исчезнувших экспонатов я обратился к завхозу учреждения. Он рассказал, что все экспонаты, связанные с именем Зелимхана, возвращены Грузией и находятся на складе музея, пока не решится вопрос об их выставлении для публичного показа. После этого я и загорелся желанием узнать о том, кем был Зелимхан и почему власти в только что восстановленной республике скрывают историческую правду о нем.

В том же 1960 и в следующем за ним 1961 году я узнал, с каким почтением и уважением относились у нас к личности Зелимхана до упразднения республики в феврале 1944 года. Мне стало известно, что его имя носили колхоз в Шалинском районе и улица в Гудермесе, что снимался фильм о Зелимхане, широкий показ которого прошел во многих кинотеатрах Советского Союза, что по радио звучали илли¹, воспевающие его: «Не забудут Зелимхана чеченские и ингушские молодцы! Не забудут, Зелимхан, подвиги твои!..» Я также узнал о том, что старший сын Зелимхана Магомед, бу-

¹ Илли — жанр героической песни из чеченского устного народного творчества.

лучи сотрудником НКВД, возглавлял отряд чекистов и погиб в селе Махкеты при подавлении антисоветского мятежа и что второй сын Зелимхана Умар-Али, начальник Веденского НКВД, в 1947 году пал в борьбе с абрами.

Собирая и исследуя сведения об этом отважном характере, мне доводилось слышать от некоторых людей: «Оставь ты этого Зелимхана! Он же был бандитом, зачем тебе он нужен?!»

В те годы я не знал, что еще в 1930 году вышла документальная повесть осетинского писателя Дзахо Гатуева «Зелимхан», что классик чеченской литературы Магомет Мамакаев еще в пору своей молодости задумал написать книгу о Зелимхане (его роман «Зелимхан» выйдет намного позже — в 1981 году).

И тогда я рассказал своему 75-летнему отцу Усману Бакарову о своем желании установить правду о Зелимхане, так как находятся люди, которые считают его злоумышленником. Отец рассказал мне, что в хуторе Октябрьском¹ проживает один старец, которому больше ста лет, он, как никто другой, знает о Зелимхане все и расскажет о нем только правду. «Вот к нему и обратимся», — сказал отец. И еще добавил, что в свое время Саид (так звали старца) отсидел вместе с семьей три года за укрывательство Зелимхана.

И вот в майские праздники 1961 года мы с отцом посетили этого старца — Саида Гумхаджиева, нас сопровождал еще Магомед Чолтаев из селения Махкеты. Плохо видящий старец лежал, прикованный к постели, а его преклонных лет жена, несмотря на возраст, суежилась

¹ Хутор Октябрьский — ныне село Октябрьское (чеч. Зеламхин-кӀотар) в составе Веденского сельского поселения в Веденском районе Чеченской Республики.

по дому. После обмена традиционными приветствиями отец обратился к старцу:

— Саид, рассказывают, что ты из-за Зелимхана три года находился в ссылке в Сибири. Некоторые считают его отважным, как никто другой, борцом за справедливость, другие же, наоборот, — обыкновенным бандитом. Я знаю, что ты скажешь только правду. Если тебя не затруднит, расскажи нам о Зелимхане!..

Начав с воспоминаний Саида Гумхаджиева, я настолько увлекся поисками людей, хоть что-нибудь знавших о жизни и борьбе харачоевского Зелимхана, что сложилась более-менее цельная картина о народном мстителе и герое.

Каждый из этих рассказов я по свежим следам подробно записывал и складывал, как говорится, в ящик стола. И никому не показывал, ибо хрущевская оттепель сменилась иной политикой. В результате абрек Зелимхан в исторической науке постепенно превращался из борца за справедливость в обычного бандита. Но, несмотря на это, я продолжал по крупицам собирать осколки памяти очевидцев и современников Зелимхана Харачоевского и в благодатные в некотором смысле годы так называемой перестройки конца 80-х решил вынести на суд читателей то, что успел и смог собрать: начал публиковать в веденской районной газете «Колхозан дахар» («Колхозная жизнь») воспоминания об абреке Зелимхане, которые в конечном счете сложились в настоящую книгу.

Рассказывает Саид, сын Гумхаджи

— Это было в самую холодную пору зимы. Зелимхану, как оказалось, оставалось прожить на земле всего три года. Как-то вечером я ухаживал за лошадьёю и быком, когда меня окликнули с улицы:

— Саид, выйди!

Перед домом стоял всадник с запасной оседланной лошадьёю. Со взмыленных от пота лошадей валили клубы пара. «Неспроста ты приехал, да еще с запасной лошадьёю», — подумалось мне. Открыв калитку и подойдя ближе, я узнал во всаднике Али, сына Заки из Харачоя.

— Ты, смотри, неспроста приехал? — спросил я его.

— Да, — был ответ, — неспроста. Сегодня третий день, как Зелимхан скрывается у нас в горах в пещере, подходы к которой оцеплены тройным кольцом солдат. Никто не осмеливается зайти в эту пещеру. Всех самых уважаемых жителей Харачоя начальник Веденского округа держит под стражей, среди них Абдулхаджи — сын Кибби, Зайпулла — сын Гонуки, Хаджи Атабай — сын Аласхи и другие. К тому же начальнику стало известно, что ты с Зелимханом в более доверительных отношениях, чем кто-либо другой из харачоевцев. Поэтому если ты сейчас не поедешь со мной, стражники принудительно доставят тебя к нему.

— Да отсохнет язык у того, кто называл мое имя! — с тихой яростью процедил я.

Не возвращаясь в дом, в своей грязной одежде для хлева я взобрался на запасного коня и поскакал с Али в горы.

Генерал¹ полулежал в тулупе на расстеленной на сене бурке у большого костра. Он приподнялся, подал мне руку и повел свою речь, стоящий рядом с ним толмач переводил:

— Я узнал, что находящийся сегодня у меня в «кармане» враг государя абрек Зелимхан не доверяет никому из харачоевцев так, как тебе. Сходи в пещеру и расскажи ему обо всем, что здесь делается. Посмотри: вокруг пещеры кольцо тройного оцепления, состоящего из сотен солдат, казаков и охотников. Вон там стоят две бочки с керосином, чтобы выкурить его из пещеры. Наместник сообщил, что ночью к нам прибудет подкрепление еще из нескольких сотен штыков. Расскажи ему обо всем как есть, и пусть твой друг лучше сдастся живьем, если не хочет, чтобы я разделал его на мелкие кусочки!

Я не мог возразить начальнику округа. Но чтобы мои односельчане знали, что я в курсе того, что меня сдали они же, ответил:

— Зелимхан и мои стоящие здесь односельчане знают, что я ни при каких обстоятельствах не стану доносить на кого бы то ни было. Даже под угрозой оказаться между мельничными жерновами! Тот, кто осведомил вас обо мне, рассчитывал, наверное, на вашу благосклонность и особые привилегии. Я вынужден подчиниться вашей воле и готов исполнить ее.

— Иди! — сказал генерал, похлопав меня по спине и слегка подтолкнув, но затем крикнул: — Стой! — и позвал к себе толмача: — Иди, продемонстрируй ему всю нашу силу.

¹ Генерал — так называли чеченцы в те времена все высшие военные чины.

Толмач, пока показывал мне внушительное войско, которое подтянули сюда, и другие приготовления, добавил от себя:

— Он, как лиса, задохнется там в дыму, и его мертвого выволокут из пещеры. Лучше пусть он живым сдастся. Это зависит и от тебя...

С тяжелым сердцем, неохотно поднялся я к пещере и стал громко звать:

— Зелимхан! Зелимхан!

В ответ, словно львиное рычание, донеслось:

— Стоять! Кто ты?!

— Я Саид, сын Гумхаджи! — отозвался я.

— Иди, иди сюда! — радостно встретил меня Зелимхан, оставив в сторону сноп осоки, которым закрывал вход в пещеру, и повел внутрь.

Я увидел разложенные курдюк, краюшку хлеба, сосуд из небольшой полой тыквы с водой, холодное и огнестрельное оружие; тут же на обрубке бревна, приспособленного для изголовья, лежала черная бурка, которой Зелимхан укрывался.

— Ты для меня самый дорогой гость. Говори, с чем пришел! — начал он.

— С горькой вестью пришел я, Зелимхан, горестнее и не может быть на свете. По словам генерала, сегодня вот уже третий день, как подступы к пещере заблокированы и окружены тройным кольцом солдат. По чьей-то наводке к нему доставили сейчас и меня, как самого надежного и близкого тебе человека. К пещере подвезены солома на двух санях и две бочки с керосином. Кроме того, в рядах, осаждающих пещеру, находятся три вооруженных человека из числа твоих личных врагов. Сегодня ночью, как сообщил генералу наместник, должно подойти дополнительное воинское подкрепление еще из сотен человек.

Зелимхан выслушал меня совершенно спокойно, без малейшей тени тревоги, и начал задавать мне совершенно неподходящие к создавшейся ситуации вопросы, касающиеся моей семьи и хозяйства, вплоть до заготовленного сена. Поинтересовался, не подрос ли Аббаз, справился о его здоровье и здоровье его матери, хозяйки моего дома. Можно было подумать, что я пришел к нему в гости совсем при других, не вызывающих тревогу обстоятельствах. Он не выглядел растерянным. Я очень удивился его хладнокровию и спокойствию.

— Саид, что я должен сделать, по-твоему? — спросил Зелимхан.

— Пойдем со мной к ним, — попросил я его.

Зелимхан ответил коротко:

— Знаешь, Саид, что ты должен сказать генералу? Пусть он доставит мне сюда в пещеру письмо с подписью и печатью главного наместника в Тифлисе. Я подожду здесь, пока он не доставит его; как только он сделает это, я выйду к нему. В этом письме наместник должен взять на себя обязательство освободить из-под стражи всех заключенных, которые по той или иной причине сидят из-за меня и моих товарищей. Во-вторых, в письме должно быть заявлено, что у богатых и бедных одинаковые права. Вот тогда я и мои товарищи готовы будем выполнить их требования!

Генерал вскипел, когда я передал ему требования Зелимхана. Он повелел мне немедленно вернуться к Зелимхану и передать ему следующее: «Ты, как лисенок, у меня в кармане! Или я тебя поймаю, или вместе с тобой отправлю в поднебесье эти гранитные скалы!» Было явно, что в случае поимки Зелимхана он надеется на свое продвижение по карьерной лестнице. Беспокоило его и то, что благодаря его обещаниям поймать Зелимхана живым

израсходовано немало денег из государственной казны и их надо оправдать.

Нехотя, в ужасном расположении духа я возвратился в пещеру. Передал Зелимхану слова генерала, сменив их жесткий тон на более мягкий; добавил от себя, что тот обещает не применять физического насилия и сохранить ему жизнь, ограничившись четырьмя-пятью годами тюрьмы.

— А письмо он дает? — спросил Зелимхан.

— Нет. Он дает нам слово.

— Эти слова, Саид, мы слышали много раз. Они похожи на обещания, которые голодный волк дает овце. Давай не будем больше говорить о том, чему не бывать.

Зелимхан громко засмеялся и продолжил:

— Знаешь, Саид, что ты должен сказать этому большому начальнику? Ты ему скажи, что он не поймает меня, если даже призовет на помощь всю армию царской России! Пусть он остерегается меня! Одного офицера, который преследовал меня, я трижды (!) просил не трогать людей, не издеваться над невинными, не произносить угрожающих речей; обещал убить его, если не послушается меня. Но он не внял моим просьбам. Мне пришлось его убить. Я убью и генерала, если он не снимет оцепление!

Я снова стал уговаривать Зелимхана не губить себя и сдаться. Сказал, что у меня и у наших родственников есть более тысячи голов овец, свыше ста голов крупной скотины, которые мы продадим, чтобы вырученные деньги использовать на смягчение его наказания.

— Хорошо, Саид, — сказал Зелимхан. — Тебе достаточно того, что я уйду отсюда невредимым, а утренний намаз совершу на холодной речке, расположенной на нашей с макакоевцами границе? Когда я буду уходить, дважды выстрелю; звук выстрела моей винтовки генерал

знает. После этого не пройдет много времени, как он отпустит всех участвовавших в оцеплении, не станет держать их на холоде. И еще. Виноват я, не виноват, но если среди тех трех моих врагов, о которых ты упомянул, находится Хаджи, передай ему мои слова: «Ты видишь этот день». А с генералом я буду иметь разговор у него дома или же постараюсь встретиться с ним на дороге, ведущей в Грузию.

— Всевышним тебя заклинаю: скажи, брат мой, каким образом ты надеешься выйти из этого трудного положения? — спросил я с недоумением.

— Конечно, Саид, я не шейх, как ты знаешь, — ответил Зелимхан, пытаюсь успокоить меня. — Вчера ночью я, очень уставший, прилег отдохнуть (кто мог знать о месте моего нахождения?) и заснул. Во сне явился ко мне отец Гушмаца и говорит: «Ну что, сын? Ты не растерян? Ты знаешь, что тебя окружили?» Я тут же проснулся, направился к выходу из пещеры и четыре раза выстрелил из своей пятизарядной винтовки в четыре стороны. В ответ вокруг раздалась оружейные залпы и началась оживленная стрельба; вот тогда я и понял, что окружен. Если отпущенное мне Всевышним время истекло, тогда мне не уйти, конечно. Сомнений в том, что когда-нибудь мы покинем этот мир, нет, но если мы сделаем это недостойно, нашим детям придется из-за нас краснеть перед людьми.

— Ты потерял отца, двух братьев, надежных и верных друзей. Я знаю, что ты выходил с честью из многих переделок, когда за тобой охотились, делали на тебя облавы. А в такую тяжелую ситуацию, как сегодня, ты попадал когда-нибудь? — спросил я Зелимхана.

— Нет, ни в ту ночь, когда я совершил побег из тюрьмы, проделав за месяц отверстие в каменной стене, ни в ночь, когда окружили село Старая Сунжа, ни в день, когда были убиты в джугуртинском лесу под Бачи-Юр-

том мои отец, брат и друг, ни в день, когда мою семью увозили в горы Ингушетии, мне не было так неимоверно тяжело, как в тот день, когда я не смог в полной мере выполнить просьбу плачущей навзрыд молодой женщины, которую я встретил в мелхистинском лесу.

Как-то, получив одобрение своих товарищей, я решил провести свою семью в Ингушетии, для чего выбрал кратчайший путь через лес. По дороге я наткнулся на громко рыдающую молодую женщину. Сначала попросив у меня прощения за слезы, она стала умолять меня помочь по-братски в ее беде и рассказала, что двое неизвестных только что силой отобрали у нее пятишестимесячного дитя и исчезли в лесу, бросившись вниз по склону. На коне я не смог бы спуститься по этому склону, поэтому я оставил лошадь с этой женщиной и бросился догонять беглецов по их следам на инее.

У небольшой поляны я догнал их и окликнул:

— Эй, вы двое, положите младенца и уберите!

— Какое твое дело? — грубо ответил один из них.

Я рассказал им о мольбе матери ребенка, но это их не тронуло. Трижды именем Бога попросил я их вернуть малыша, потом поклялся убить их обоих, если они не отдадут его. Однако моя угроза не подействовала на них. Один, словно мяч, подбросил вверх тельце младенца, а другой взмахом сабли разрубил его надвое, и они побежали, чтобы скрыться, но я уложил их обоих наповал. Когда я, завернув в свой башлык, отнес матери разрубленное на две половинки тельце ее малыша, мне было, как никогда в жизни, невыносимо горько, — закончил свой рассказ Зелимхан, отвечая на мой вопрос.

Зная, что на улице холодно, а у костров места хватало только офицерам, я не торопился покидать пещеру; не похоже было и на то, что Зелимхан хотел бы, чтобы я уходил. Вот так за нашим разговором наступила полночь.

— Саид, спасибо тебе, что пришел ко мне в гости. Ты можешь идти, а я хочу немного отдохнуть. Если генерал спросит тебя, почему так долго находился в пещере, скажи ему, что я не отпускал тебя...

Я не стал говорить генералу об угрозе абрека убить его, сказал ему только, что Зелимхан отказывается сдаваться живым. До рассвета оставалось совсем немного времени, я очень замерз, как и все люди, находившиеся здесь.

Вспомнив о поручении Зелимхана, касающемся Хаджи, подошел к нему и сказал:

— Хаджи, Зелимхан просил тебе передать следующие слова: «Хаджи, ты видишь этот день!»

Он тут же встал и позвал двух своих спутников:

— Пошли отсюда! Все кончилось! Да поможет Зелимхану Всевышний! — И они ушли втроем.

Когда до рассвета оставалось совсем ничего, в районе пещеры наверху неожиданно прозвучали два выстрела. Тут же началась беспорядочная ответная стрельба. Тысячи пуль полетели в сторону Зелимхана, а он стоял в своей бурке и папахе как ни в чем не бывало. Вдруг он сорвался с горы, а его тело, подсвечиваемое вспышками винтовочных выстрелов, ударяясь о выступы скал, полетело вниз и скрылось из виду.

— Ура-а-а!!! Бе-е-ей! — завопил генерал.

Он ринулся в ущелье по склону вниз, чтобы посмотреть на тело убитого абрека. Через некоторое время солдаты на руках подняли генерала вверх — у него прихватило сердце. А все потому, что вместо разбившегося Зелимхана он увидел... обрубок бревна, на который была натянута бурка абрека! Многие, в том числе солдаты, обрадовались такому развитию событий.

Когда генерала привели в чувство, он зарыдал, как женщина. И его можно было понять: подгоняемый жела-

нием продвинуться по службе, он, оказывается, послал телеграммы во Владикавказ, Тифлис и Петербург с сообщением о том, что Зелимхан у него в руках; теперь же его понизят по службе! Хуже того, он знал, что Зелимхан уничтожает таких, как он. Несмотря на то что, уходя, Зелимхан оставил отчетливые следы, ни дагестанский офицер Муртаз-Али, ни полковник Вербицкий¹ не стали его преследовать.

Меня с семьей отправили в Сибирь в бессрочную ссылку, как будто Зелимхан ушел из осажденной пещеры по моей вине. Но через три года после описываемых событий «близкие люди» Зелимхана подло напоили его ядом и убили. А нас отпустили.

После небольшой паузы Саид продолжил снова:

— Несмотря на то что хлебнул в ссылке немало горя, я не жалею. Но я видел, что чиновники, приставы и старшины аулов из числа чеченцев и ингушей старались не допускать перегибов в работе с населением, зная, что Зелимхан, пока живой, не потерпит несправедливости по отношению к бедным. Это я точно знаю. Также я хорошо помню и расстрел на грозненском рынке горцев, среди которых были женщины и старики. Они привезли на продажу излишки топленого масла, творога и других продуктов и, сидя в одном ряду, торговали своим товаром. Подъехал один генерал со своими подчиненными и сказал: «Сейчас я покажу вам, как они умирают»; по его приказу было убито из пулемета семнадцать человек из числа чеченцев и ингушей. Через некоторое время, когда этот генерал со своей свитой направлялся

¹ Г. В. Вербицкий — войсковой старшина (атаман) Кизлярского отдела Терского Казачьего Войска. В 1909 году назначен командиром специального «охотничьего отряда», на который возлагается уничтожение «разбойничьих шаек».

на поезде в Кизляр, на эшелон напала группа абреков; Зелимхан, возглавлявший нападавших, высадил с поезда семнадцать офицеров и тоже расстрелял.

Еще я помню, как на второй же год после побега Зелимхана из тюрьмы насилие и несправедливость, которые власть имущие чинили в аулах над бедным и бесправным населением, были приостановлены.

— Слушай, Саид, а Зелимхан выделялся чем-то у вас в селе, когда был молодым человеком? — спросил мой отец Усман.

— Зелимхан был очень порядочным юношей, всегда вежливым и благородным, он никогда ни с кем из односельчан не конфликтовал, — рассказывал Саид. — В селе и молодые, и люди постарше говорили: «Если Зелимхан сказал, значит — правда!» А старший брат Зелимхана постоянно сдерживал своего отца в разных складывающихся ситуациях: «Дада, не торопись же ты, спешка ни к чему хорошему не приведет!»

Правда, доносы людей и некоторые конфликтные ситуации вынудили Зелимхана встать на путь абречества, хотя он ни в чем не был виноват. И напоследок подумайка: из каждой переделки, в которой он участвовал, Зелимхан выходил победителем. Это говорит о том, что он был на правильном пути. Однако он не сумел противостоять подлости и коварству людей, которым глубоко доверял, — закончил свой разговор Саид.

Это был мой первый рассказ о Зелимхане, который я записал в точности так, как услышал. Саид много чего еще рассказал нам о жизни и борьбе прославленного абрека.

Встреча Зелимхана с Лусу Султановым, состоявшаяся в дни его побега из тюрьмы, и их беседа

— В полдень в небольшой долине у склона горы Гезги отара овец, которых я пас, расположилась на отдых. Я тоже прилег на траву, и легкая дрема стала одолевать меня, когда я услышал над собой знакомый голос Зелимхана:

— Ассалам алейкум, мой дорогой брат и односельчанин!

— Ва алейкум салам! Приходи с миром, мой дорогой брат, к тому же ты и зятек мой! — ответил я шутя и с удивлением, а затем быстро вскочил и обнял его. — Зелимхан, неужели это правда? Как велика милость Аллаха, позволившего мне вновь увидеться с тобой! Да избавит тебя Всевышний от тысячи невзгод!

Мы сели за кустарником так, чтобы нас никто не мог видеть. Он расспросил меня о новостях в ауле, его интересовали любые, даже мало-мальские события. Я ответил на все его вопросы, а затем выразил Зелимхану соболезнование в связи со смертью его деда Бехо. Крупные слезы брызнули из его глаз:

— Да будет тобой доволен Аллах! Лусу, деды бывают у всех, и все они также уходят из жизни, ничего удивительного в этом для меня нет. О кончине Бехо я узнал еще в тюрьме. Смерти не боюсь и не противлюсь воле Всевышнего, не ропщу. Никогда в жизни не забуду того морального потрясения, которое испытал дед в связи с неудачным сватовством Солтмурада. Когда нас, беззащитных, посадили в тюрьму, а вслед несло: «Навряд ли они еще увидят Харачой!», никого не заботило, виноваты мы или нет, хотя в ауле знали всю правду о случившемся.

Но осуждать сельчан за это не приходится, потому что истина сегодня никому не нужна, тем более — начальству. Не знаю... Как будто какое-то Божье наказание нас преследует из-за этого сватовства.

Правда, дед всегда надеялся, что я стану настоящим мужчиной, и очень хорошо относился ко мне. Правда и то, что в тот день, когда мы расставались, я обещал ему: наша пока еще несостоявшаяся сноха по имени Зезаг обязательно вступит в наш дом. Лусу, я не признаю клятвы без видимой причины. Ты можешь верить мне: слова, данного мной Бехо, я не забывал ни на минуту. В другой раз я расскажу тебе о своих злоключениях в Ведено и в грозненской тюрьме.

В последние три дня я не ел ничего, кроме щепотки толокна, которую запивал водой. Ты вот что сделай: сходи-ка домой, и если у матери-старушки найдется, принеси мне чего-нибудь поесть, а я тут присмотрю за твоими овцами.

Тут же быстрым шагом я пошел домой, и сказал матери, что у меня остановился со своими овцами очень проголодавшийся и уставший человек в возрасте из числа наших родственников в Бачи-Юрте, и попросил ее приготовить поесть на скорую руку. Мать быстро налепила кукурузных галушек, приготовила в большой миске кIалд-дайтта¹. Я взял все это, а еще небольшую кукурузную лепешку с сыром и почти бегом помчался к Зелимхану.

Он несказанно удивился моему быстрому возвращению:

— У Салихат все готово было, что ли?!

¹ КIалд-дайтта — блюдо чеченской кухни, состоящее из соленого творога и топленого масла.

— Да, Зелимхан, сегодня я первый раз в жизни соврал ей — сказал, что меня прислал наш родственник из Бачи-Юрта, который перегонял отару овец в горы на альпийские луга.

Услышав это, Зелимхан слегка усмехнулся и продолжил свой прерванный рассказ:

— Да, Лусу, я прекрасно осознаю, что волею судеб взвалил на себя тяжелейшую ношу. Подумай хорошо: нашему деду за сто лет. Так вот, он, его отец и братья поклялись как-то перед аулом, что не пропустят имама Шамиля в Чечню через Харачой. Они не стали изменять своему слову, несмотря на все усилия Шамиля, и тогда он со своими людьми вынужден был уйти в сторону Чеберлая, а оттуда повернуть на восток и через аулы Чобаккхинче, Дай, Шатой выйти на равнину. Правда, когда имам окреп и обосновался в крепости Ведено, он в отместку поиздевался над моими отцами: их уложили лицом вниз на землю, сверху бросили на них плетеные щиты, и по ним маршем прошли все воины Шамиля. Прикрываясь шариатом, он доставлял всем чеченцам неисчислимые страдания. Так, весь наш род был выслан Шамилем в дагестанский Каякент, и только благодаря многочисленным просьбам местных жителей, которые пожелали выставить чеченцев из их аула, почти все наши люди вернулись в Харачой.

Дед всегда повторял:

— Смотрите, дети мои, не произносите нигде ни одного лишнего слова, не подумав прежде! Но если вы уж произнесли его, то не отступайте от него ни при каких обстоятельствах! Если люди не будут прислушиваться к вам да еще и вы дадите им повод не доверять вашему слову, считайте, что вы покойники.

Такие наставления дед делал нам постоянно.

Лусу, и еще одну истину дед часто произносил, и я нашел, что это верно.

— Если посторонний человек затеет с твоим братом спор, и при этом твой брат будет не прав, осаждай своего брата, останови его, — говорил он, — и поддержи того, с кем он спорит. Знай, что настанет время, и тот может стать для тебя названным братом. Но если ты в их споре поддержишь своего родного брата, заведомо зная, что он неправ, от тебя отвернется весь аул, тебя словно выплюнут за ненадобностью.

Короче говоря, дед и отец, сколько я себя знаю и помню, всегда призывали и учили нас жить по справедливости. Они говорили так:

— Не можешь сам удержать в ладонях горячие угли — не протягивай их другу!

Вот такие дела, мой брат.

Правда, Лусу, я был очень голоден, но теперь я наелся и могу рассказывать долго. Спасибо за кIалд-дайтта и галушки. А про деда я могу тебе рассказывать бесконечно долго, хоть целые сутки.

Да, я обещал тебе, что попозже расскажу о своихключениях в Грозном. У меня никак не выходило из головы, никак не мог забыть, как Добровольский¹ обошелся с моим дедом. Когда Бехо пошел к этой собаке с просьбой отпустить невиновных, тот схватил его за бороду со словами: «Ты зачем ее, козел, носишь?!» Я очень тяжело перенес это унижение и поклялся отомстить обидчику.

В грозненской тюрьме я не спал ни одной ночи. Делать незаметно для надзирателей подкоп, пробивать метровой толщины кирпичную стену было для моего обеспокоенного организма очень тяжело. Затея эта была еще

¹ Речь идет о помощнике начальника Грозненского округа подполковнике Добровольском, которого 4 апреля 1906 г. застрелил Зелимхан Гушмазукаев.

и опасной, но я сделал это! Мои сокамерники были порядочными и мужественными людьми, и я доверял им. Я рассказал им о слове, которое дал деду в том, что несмотря ни на что приведу Зезаг в наш дом; рассказал, как Бехо ходил к полковнику просить отпустить нас из тюрьмы и как его там унизили; рассказал, что поклялся отомстить Добровольскому, когда узнал о его грязном поступке.

Мои сокамерники были опытными людьми, повидавшими много чего на своем веку. Они договорились, что будут исполнять различные песни, религиозные песнопения, зикр, чтобы караульные не слышали посторонних звуков, когда я буду под нарами выдалбливать отверстие в кирпичной стене. Их поддержка мне здорово помогла. Прошло более двух месяцев, как я начал делать в стене пролом. Когда оставалось совсем немного, чтобы довести начатое дело до конца, я обратился к своим сокамерникам:

— Ребята, как бы и что бы там ни случилось, я собираюсь уйти отсюда, чтобы исполнить задуманное в отношении Зезаг и Добровольского, я рассказывал вам об этом. Потом не говорите, что я вам не предлагал: желающие совершить побег могут сделать это со мной. Кто не хочет, может остаться, но есть одно «но»: вас могут привлечь к ответственности за то, что не донесли о моем намечаемом и совершенном побеге. Однако вы знаете и они знают, что я один спал под нарами. Говорите, что вы так же, как и сами стражники, не знали, что я творю там под нарами. Слова «не знаю» дорогого стоят. Вот и вы говорите: «Мы не знали».

Правда, Лусу, вслед за мной из тюрьмы через сделанный мной пролом ушли еще трое моих сокамерников, но ты их не знаешь — из Шали, Шаами-Юрта и еще откуда-то. В камере со мной сидел харачоевец из Старой

Сунжи. Так вот, чтобы исполнить одну его просьбу, мне пришлось идти в это селение. Каким-то непонятным мне образом властям стало известно, что я нахожусь там; мы с хозяином дома, в котором я остановился, узнали, что аул окружен и оцеплен. Но если суждено, выход можно найти из любого положения. Мое спасение было неправдоподобным.

Случилось это так. Мне повезло — густой туман окутал аул ночью. Я из дома перебрался в сарай, находящийся у самого берега Сунжи, поросшего множеством деревьев. Они стояли и далеко от берега в воде. Совершенно не умея плавать (а вода доходила мне до горла), я, цепляясь за ветки деревьев, сумел уйти подальше и выскользнуть из окружения. Правда, это было два дня назад; надеюсь скоро узнать, что натворили там мои преследователи, когда не нашли меня.

Вернусь туда после небольшого отдыха. У меня нет никакого сомнения в том, что они не знали, в каком доме я находился, потому что в этот дом я заходил не с улицы, а с задних дворов, но мои преследователи знают, что я был в самом ауле, потому что недалеко от него мне накануне пришлось убить огромную собаку, которая упорно преследовала меня.

Лусу задает Зелимхану вопросы

— Расскажи, Зелимхан, что ты собираешься делать дальше. Какой же большой груз ты взвалил на себя! Как ты собираешься мстить Добровольскому, у которого всегда под рукой тысяча штыков, когда сам вынужден постоянно прятаться от всех? Ты же видишь, как он бросает в тюрьмы невинных людей, издевается над ними, отправляет в Сибирь!

Помнишь, как он арестовал семь человек из нашего аула, запросил им по три года тюрьмы и они, несчастные, в результате лишились всего? Твоему деду Добровольский только бороду пощекотал, а жен арестантов, пришедших к нему просить за своих мужей, солдаты по его приказу за волосы таскали, об этом все знают. Я не хочу сказать, что у меня больше ума, чем у тебя, но не зря говорится, что знания и разум поделены между людьми. У нас всегда было принято, что даже самый здравомыслящий и рассудительный человек, принимая какое-то важное решение, советовался с другими...

— Лусу, конечно, ты прав по-своему, но волку, даже одному, не страшна и тысяча собак. Ты не переживай, за нами правда. Ложь, несправедливость — не пройдут, а правда всегда восторжествует.

Я сначала трижды обращаюсь к Добровольскому с просьбой выпустить из тюрьмы невинно удерживаемых, прекратить насилие, не издеваться над людьми, поставлю об этом в известность и его начальство. Да, надо признаться: можно что угодно сделать, чтобы не убивать человека, но если полковник не удовлетворит моей просьбы, ты услышишь, Лусу, что он получил пулю в лоб. Тот, кто чинит людям обиды, должен платить за это своей кровью. Я никогда не знал за собой высоко-

мерия, гордыни, потому что знаю: это грех. Но, как говорится, больше дела — меньше слов.

— Зелимхан, но ведь задача привести в свой дом, как ты и обещал деду, возлюбленную брата, которая фактически находится замужем в другом селе, не легче, чем убийство Добровольского!

Откровенно говоря, я не верил, что Зелимхану удастся совершить оба задуманных им дела.

— Лусу, я ничего тебе не скажу, ты — человек толковый. Раз ты не рассказал своей матери, когда я посылал тебя за едой, то я уверен, что ты не расскажешь никому. Сейчас начинает темнеть, ты со своей барантой иди домой. Мои домочадцы не знают о моем побеге. Ты вот что сделай: расскажи Солтмураду и Бици, что мы весь день до вечера были вместе. Про мою клятву им ничего не говори: они будут сильно переживать. Я постараюсь встретиться с тобой через неделю. А пока надо быть осторожным, и в аул заходить мне нельзя, Лусу.

У меня одна просьба к тебе. Постарайся послезавтра прийти сюда же со своими овцами, встретиться с Солтмурадом и принеси под своей буркой мои винтовку, револьвер, патроны и шашку. Пусть они не беспокоятся: отец, брат и другие скоро будут дома. Короче, скажи им, что пока я живой, тяжело им не будет, Добровольский их больше не тронет, а нанесенный нам ущерб, если я останусь жив, эти собаки возместят.

И Зелимхан попрощался со мной.

В тот же вечер я пошел к ним домой. Солтмурада не было, Бици с маленьким ребенком находилась у себя в комнате. Она уже знала о побеге мужа из тюрьмы. На мой вопрос, откуда и как она узнала об этом, Бици ответила:

— Ну как же? Я эти две ночи, считай, не спала. К нам зачастили стражники и старейшины аула, прямо житья

не стало от них. Не знаю даже, что мне делать. Я сказала им: «Вы арестовали моего мужа и забрали. Чего вы теперь от меня хотите?», на что один из них заявил своим товарищам: «Ну что мы ей скажем?! Да и что это даст?!», после чего эти непрошенные гости больше не приходили к нам. Но я знаю, что дороги, ведущие в аул, охраняются.

Лусу, — продолжила Бици, — передай мужу, что Солтмурад по одному делу находится в Анди. Правда, это мы настояли, чтобы он ушел туда, как только узнали о совершенном Зелимханом побеге, — Добровольский и так донимал Солтмурада своими нападками. Пусть он пока поживет там. Но ты не говори мужу, по какой причине отсутствует Солтмурад, хотя он позже узнает об этом и сам.

Когда я узнал, что Бици в курсе побега Зелимхана, не стал скрывать от нее, что мы встречались с ее мужем, имели долгие беседы. Сказал ей и о том, что Зелимхан просил меня принести его оружие. Тогда Бици ответила:

— Лусу, ты передай Зелимхану, пусть он не беспокоится по дому. Мужчина всегда должен оставаться мужчиной. Слово, данное им деду, пусть постарается сдержать. Рано или поздно мы все должны умереть, никто этого не избежит. Ничего страшного не произойдет, если, защищая честь своей семьи, своего рода, погибнут все. Правда, ему не надо было перед тем, как совершить побег, говорить своим товарищам по камере, что он идет мстить, но теперь этого уже не исправишь. Поэтому ты скажи ему, что он должен, не жалея себя, сделать то, что клятвенно обещал.

Верно то, что перед смертью старый Бехо говорил: «Я знаю, что Зелимхан слов на ветер не стал бы бросать. Уверен, что он смоем пятно позора с нашей семьи, рода, аула, поэтому умираю со спокойной душой». Эти слова я слышала своими ушами, — отметила Бици. — Так и передай ему. Надеюсь, я тоже увижу его. И скажи ему, пусть

будет предельно осторожным, иначе ничего из задуманного не сделает.

Что касается его оружия... — Бици немного задумалась. — Однажды, за месяц до моего замужества, мы, родня, шли на сенокос, когда повстречали Зелимхана на коне. А мой двоюродный брат возьми да и скажи ему шутя: «Зелимхан, я отдам за тебя Бици, если твой конь преодолеет вон тот крутой склон». Конь под Зелимханом в прыжке преодолел промоину на месте высохшего родника и поднялся по склону. И тогда, и сейчас на том месте растет ивовый куст, вот в этом кусте он и найдет свое оружие.

— Бици, но конь поднялся по тому склону?

— Лусу, ты доводишься мне братом по тайпу¹, поэтому мне неудобно говорить об этом, хотя ты и не намного старше меня. Да, поднялся, и это было не страшно. Но поднявшись по склону, Зелимхан сразу повернул коня и начал медленно спускаться, скользя по оказавшемуся очень каменистым склону, и вот это уже было страшно. Мы наблюдали за происходящим затаив дыхание, пока он на коне не преодолел благополучно весь спуск. Так он после этого еще и пошутил: «Вы там за моей спиной ничего плохого не говорите обо мне», — и ускакал. Не подумай, что я хвастаюсь, просто вспомнила, что все так и происходило...

Назавтра меня вызвали к старосте аула и долго допрашивали:

— Зачем ты ходил к ним? Знал ли ты, что Зелимхан совершил побег?

¹ Тайп — единица организации чеченцев, самоопределяющаяся общим происхождением входящих в нее людей.

Оказывается, жилище Бици находилось под наблюдением.

Я отвечал:

— Откуда я мог знать? Я каждый день пасу овец.

— А зачем ты ходил к ним?

Как отвечать на этот вопрос, я знал, мы с Бици предусмотрительно обговорили подобную ситуацию. Если бы мой ответ не удовлетворил их, возможно, Добровольский посадил бы меня. Но, как мы и договаривались с Бици, я объяснил допрашивающим меня:

— Я ходил к ним сказать, чтобы они забрали своих овец из аульской баранты, которую мы, владельцы овец, пасем по очереди, или же отработали свою пропущенную очередь.

— И что Бици тебе сказала? — спросили меня.

— Она сказала, что у нее маленький ребенок на руках, попросила подождать пару дней, пока Солтмурад не вернется домой и не отработает свою очередь, — ответил я.

Тут же привели Бици, она дала такие же показания, как и я. Только после этого меня отпустили.

Через два дня я погнал овец на то же место, где мы с Зелимханом расстались и договорились встретиться. После обеденного намаза смотрю: моя отдыхающая баранта что-то зашевелилась; оказывается, овец вспугнул Зелимхан, который подкрался ко мне сзади. Он поздоровался и спросил:

— Ну, что?

— А вот что! О твоём побеге дома знали уже на второй день. Не застав Солтмурада дома, я сказал Бици, что ты просил передать тебе оружие. А Бици, умная голова, велела сказать тебе: «Оружие найдешь через два дня под ивовым кустом, там, где твой конь однажды перепрыгнул через промоину у склона...» И добавила, что ты знаешь это место.

Зелимхан рассмеялся:

— Лусу, а она не упала духом, если помнит прыжок моего коня и всякие веселые случаи из нашей жизни до свадьбы. А что еще? Оказывается, наш аул был под наблюдением...

— Зелимхан, имея такую жену, тебе не должно быть трудно идти по пути, на который ты ступил. Ее уму и мужеству могут позавидовать многие мужчины.

— Добровольский с Черновым¹ были там, куда тебя вызывали?

— Первого не было, а другого я не знаю, не видел. Но там присутствовал какой-то человек, и он не из наших, не из чеченцев.

— Эх, Лусу, а я знал, что ты принесешь хорошую весть! Да, безусловно, не все в этой жизни будет складываться так, как они хотят или как хотим мы; время покажет и все расставит по своим местам. К месту, которое указала Бици, я, конечно, схожу. Но вот андийцы снабдили меня оружием, приодели, как видишь, честь им и хвала; по именам называть их не стану. Лусу, ты не знаешь, что с моим конем? Ты видел его?

— Видел, никуда твой гнедой с белыми ногами не делся.

— Ладно, Лусу, я покидаю тебя. Увидимся еще, если на то будет воля Аллаха. Саиду, сыну Гумхаджи, тоже сообщу, что я выбрался из тюрьмы живым и здоровым. Огромное тебе спасибо за все!

После этого прошло пять-шесть лет. Мы с товарищами как-то перегоняли отару овец на Терек и остановились на ночлег между аулами Цоцин-Юрт и Майртуп.

¹ И. С. Чернов — капитан, пристав Веденского округа

Не успели мы отойти ко сну, как кто-то поодаль окликнул нас (это не был голос Зелимхана):

— Есть ли среди вас человек по имени Лусу?

Я ответил утвердительно и спросил, чего тот хочет. В ответ человек прокричал:

— Подойди сюда, у меня к тебе одно дело. У тебя есть же с кем оставить овец?

Когда я подошел к нему, увидел Зелимхана с тремя товарищами.

Надо сказать правду: в тот день и в моих глазах, и в глазах людей это был уже не тот Зелимхан, что раньше, потому что он исполнил заветы своего деда и своего отца. Да что там говорить, люди вздохнули облегченно! Нигде не было слышно, чтобы пристав или староста вызывали к себе и избивали людей.

Зелимхан попросил меня быстренько зарезать барана, снять шкуру и сварить, а пока я буду заниматься этим, они хотели отлучиться ненадолго в Майртуп.

— Если твои товарищи будут спрашивать, что да как, найдешь сам, что им ответить, — добавил он.

При том, что цена одного барана была один рубль, он вручил мне аж три рубля, и они поспешно удалились. К их возвращению у меня все было готово. Они очень торопились, и, не задерживаясь больше, снова тронулись в путь.

Зелимхан чуть отстал от товарищей, повернул коня и сказал:

— Лусу, мы еще встретимся, если ты пожелаешь, и поговорим обо всем, что случилось в эти последние несколько лет. Дай обо мне знать своему брату по тайпу Саиду — мы с детских лет знаем друг друга. Что нас позвало в дорогу в такой поздний час, узнаешь завтра или послезавтра; если же не услышишь ничего, расскажу при встрече.

Договорив, он пришпорил коня и стал догонять своих усакавших вперед товарищей. Со мной же были люди,

которым я полностью доверял, поэтому я не стал от них утаивать ничего о человеке, которого я только что проводил.

После той таинственной ночной встречи прошел ровно год, но мы с ним так и не встретились. Зелимхан знал, где у нас в Шулуке ирзу¹, вот туда он и приехал. В то время там находились и мои родители. Это была наша третья по счету встреча после его побега из грозненской тюрьмы.

Шла к своему завершению весенняя пахота. В один из дней вечером я пас быков на краю поляны, когда неожиданно появился Зелимхан на черном коне. Я спросил его:

— Надеюсь, сегодня ты не спешишь никуда?

— Да нет, — последовал ответ.

Я попросил его остаться у нас ночевать. Он согласился, и я, задав корм его коню, повел гостя в наше жилище.

Увидев Зелимхана, мои родители подскочили от удивления. Султан, мой отец, крепко обнял гостя и сказал:

— Приходи с миром, сын мой! Иметь такого достойного сына, как ты, — это честь не только для твоих родителей, для нашего аула, но и для всей Чечни.

Отец мой выразил соболезнование Зелимхану по поводу смерти Бехо и некоторых других его родственников. Затем он, несмотря на возражения гостя, усадил его рядом с собой и стал задавать ему вопросы, пока мать ставила вариться мясо в большой кастрюле.

Первый из вопросов был таким:

— Зелимхан, как тебе удалось привести Зезаг в ваш дом?

¹ Ирзу — раскорчеванная лесная поляна

— Видишь ли, отец, Всевышний помогает человеку, проявляющему старание, да и от судьбы никуда не уйдешь. Не из-за моего мужества и отваги это стало возможным, да будет Аллах доволен нашими людьми!

Если знающие люди ведут переговоры на чистом чеченском языке, невозможно не достичь примирения. Я не нашел виноватыми махкетинцев, которые засватали Зезаг за своего представителя. Виноват наш брат-односельчанин, отец Зезаг, который, попросту говоря, купился на большой размер калыма, предложенный родственниками жениха. Он не поставил их в известность об отношениях Солтмурада и Зезаг и, посчитав, что он как отец имеет право распоряжаться судьбой дочери, отдал ее махкетинцам. Спрашивается: в чем тогда вина последних?

Надо сказать, старейшины махкетинцев никогда не заявляли во всеуслышание, что не отдадут Зезаг, они прекрасно знали, что правда на нашей стороне. Когда происходит подобное столкновение интересов сторон, находятся люди, которые вместо того, чтобы искать точки соприкосновения у спорящих, уподобляются мухам, ищущим язвы на теле человека, плетут слухи, интриги и сплетни, все это усложняет дело. Даже считающиеся здравомыслящими люди говорили мне: «Зелимхан, ты чего ждешь? Только кровью виновных ты восстановишь вашу поруганную честь!» Мне такие советы были не нужны, и тех, кто их давал, я грубо затыкал.

Самые для нас дорогие на свете люди — отец с матерью, после них — сестра, которую ты должен любить и жалеть, если у тебя душа на месте. Уважаемый Султан, если я не прав, ты мне так и скажи. Тяжбу с ними я вел миролюбиво только из-за уважения к своей матери из тайпа Чермо. Получается, я их племянник, сын их сестры, а не считается с родственниками матери и жены у нас ведь строго порицается. Кроме того, и моя родная

сестра замужем за известным в Чечне чермоевцем из ветви Ражана. Опять-таки, это не так уж и легко — убить мирного человека, пусть даже не из рода матери или сватов.

Не знаю, известно ли тебе... Однажды я увел коня у одного старца из Махкет по элистанжинской речушке. Правда, старец в это время стоял на молитвенном коврике, совершая намаз. Когда я садился на коня, он молча подскочил, схватился за стремя и... пожелал мне счастливой дороги. Я всю дорогу думал о его благородном поступке. Меня это так тронуло за живое, что я, не доезжая до места, куда направлялся, развернул коня.

Возвращаясь обратно через Элистанжи, я доехал до группы стариков на площади аула, где обсуждаются текущие насущные вопросы. Подошел к ним и поздоровался, и они поведали мне о разговоре, состоявшемся у них со старцем — хозяином коня. Они спросили у него:

— Ты же был верхом на коне, когда уезжал в Ведено. Где твой конь?

— Одолжил нашему племяннику Зелимхану, очень спешившему куда-то. Какой же он ладный, как ловко и красиво вскочил на коня, а тот аж изогнулся под таким всадником! — ответил старец и ушел, не сказав больше ничего.

Мне стало так неудобно, что я готов был провалиться сквозь землю. В ту же минуту я спешился и с одним элистанжинцем отправил коня хозяину с благодарностью и наилучшими пожеланиями. Верно ведь говорится: услышав доброе слово, и змея выползает из своей норы. Вот так благодаря такту и выдержке мне удалось и коня вернуть, и Зезаг забрать к себе. Но надо сказать, что ситуация разрешилась благодаря махкетинскому тамаде.

— Зелимхан, но как получилось все-таки, что такую красивую женщину, прожившую в браке целый год, вдруг отдали вам?

— Султан, махкетинцы, в том числе и близкие родственники жениха, в ходе долгих обсуждений и разбирательств этого дела выяснили, что они привели в дом, по сути, чужую невесту. Они знали, из-за чего мы угодили в тюрьму и с какой целью я бежал оттуда; о том, что я прихожусь им племянником, так как моя мать из тайпа Чермо, а моя сестра является снохой чермоевцев, и так всем известно. Так вот, родственники жениха согласны были отдать нам Зезаг. С этим не соглашался только сам жених, не желающий расставаться с молодой и красивой женой, он даже вооружился и сам готов был уйти в абреки.

И тогда в дело вступил тот самый тамада по имени Юсуп-Хаджи, которого я упомянул выше. Он на площади перед мечетью в присутствии большого количества махкетинцев объявил, что готов отдать за мужа Зезаг свою красавицу-дочь, слава о которой гремела по всей Чечне, в случае если тот согласится расстаться с Зезаг, и делает это ради них, махкетинцев, ради примирения наших двух фамилий, ради Зелимхана, который на протяжении всей тяжбы проявлял исключительное уважение к другой стороне, ради его покойного деда Бехо, отличавшегося мужеством.

В этот самый момент, когда я был готов на самый крайний и отчаянный шаг, находился у самого края пропасти, мудрый Юсуп-Хаджи урегулировал вопрос, пусть и такой ценой. Когда я вместе с Зезаг покидал Махкеты, люди, знавшие о деле все как есть, желали мне доброго пути. Правда, один чермоевец впоследствии заявил мне, что если бы он встретился тогда на нашем пути, не дал бы увести их сноху. На что я ему ответил: «Валлахи, я бы даже патрона на тебя не потратил, сколько бы ты ни дергался!» Эти мои слова, говорят, стали пословицей, а над человеком, к кому они были обращены, рассказывают, посмеиваются до сих пор при каждом удобном случае.

Чермоевцы, заняв земли от Шатоя до Анди, находятся сегодня практически в состоянии войны с четырнадцатью аулами. Они готовы в случае чего оказать сопротивление и царской власти. И если бы я испортил свои отношения с чермоевцами, то мой жизненный путь давно оборвался бы...

Оказывается, если ты дружишь с настоящими людьми, честнейшими из честнейших, то они и из тебя делают достойнейшего человека, невзирая на то, каким человеком ты был до встречи с ними.

Ты слышал, Султан, про нашу вооруженную стычку в Андийских горах, когда от наших рук пали несколько офицеров, а двоих мы захватили живыми: русского инженера и офицера-грузина? В тот день нас стал преследовать на лучших конях карательный отряд стражников, которому за большие деньги была поставлена задача по моей поимке, — оказывается, кто-то (да отсохнет его язык!) донес начальству в Ведено о планируемой нами в Андийских горах засаде и они подготовили войсковую операцию по нашему уничтожению. Как ты знаешь, мы были недалеко от Кезеноя; кругом ни одного куста, чтобы спрятаться, и до леса было очень далеко. Путь от Макажоя до Садоя и Агишты с их лесами длиной в сорок пять — пятьдесят верст в обычное время на хорошем коне можно было преодолеть за полдня. Наше спасение было там, в лесу, и мы устремились в том направлении. Ускакать вперед, бросив товарищей, было невозможно, хотя отпусти я поводья своего резвого коня — мои преследователи остались бы далеко позади, но отстали бы и мои товарищи. Этого допустить я не мог и пока держался сзади них. Товарищами в том бою у меня были достойные ингуши, которые очень уважали меня. Но, вот беда, кони у них были не лучшие.

Мы скакали во всю прыть, отстреливаясь на ходу. Погоня не отставала. Впереди всех скакал офицер. Я целился, стрелял и попадал в офицера. На короткое время в рядах преследователей возникал переполох, но место впереди взамен убитого занимал другой офицер, и погоня возобновлялась. Отступая к лесистым горам Агишты, мы миновали несколько аулов, в каждом из них я представлялся местным жителям, просил укрыть моих товарищей и оказать им соответствующее гостеприимство. Таким образом всех своих товарищей я оставил на попечение жителей аулов, через которые мы уходили. Единственным, кто ни за что не пожелал расстаться со мной, был мой брат Бисолта.

Отстреливаясь, мы с братом продолжали уходить от погони. Конь Бисолты бежал все тяжелее и медленнее. Как только мы миновали Садой-гору, коня под Бисолтой убило. Пришлось посадить его на своего коня, перед собой, чтобы уберечь от пуль преследователей. На границе Агишты и Садоа оружейные залпы наших преследователей усилились. Везти нас двоих моему коню было тяжело, и он заметно замедлил свой ход. Мы остановились, я прицелился и уложил скачущего впереди стражников офицера. Он был уже третьим по счету. В тот момент, когда я собирался вскочить на коня, пуля попала в голову Бисолты, и он замертво скользнул с седла, я не успел даже подхватить его. Враги могли догнать меня, поэтому пришлось оставить Бисолту. Забрав из его кармана Коран, я запрыгнул на коня и поскакал дальше, но недалеко.

Не успел я проехать и сто метров, как ранило моего коня, он отчаянно заржал и повалился набок. Я все никак не мог выбраться из-под него, упирался руками ему в спину и наконец высвободил ногу. Что делать? Понятно было, что безлошадного меня настигнут очень быстро. Я дал себе слово, что живым врагам не сдамся, ибо

догадывался, что они сделают со мной. Дорога, на которой я застрял, проходила по краю очень глубокой пропасти; мне ничего не оставалось, кроме как прыгнуть в нее. Я снял со своего убитого коня седло, призвал Аллаха на помощь, и — будь что будет — шагнул, и, крепко вцепившись в седло, полетел вниз.

Никто не поверил бы, что я прыгнул в пропасть, если бы мои преследователи сами не увидели это. Удивительно и невероятно: пролететь метров двести — триста и остаться живым и здоровым, не считая небольших царапин на ногах. Я знал, что в пропасть солдаты и стражники за мной не прыгнут, только на лошадях они сумеют добраться до меня, окружным путем, и для этого им понадобится минимум час времени, даже если они хорошо ориентируются на местности. Потом я узнал, что командир посылал солдат на дно пропасти найти мое тело и доставить наверх, но был раздосадован, когда те вернулись ни с чем. Я же немного отдохнул и тронулся в путь.

Наступила темная ночь. Недалеко от истока речушки Тениг на небольшом ирзу виднелся маленький огонек. На полянке стояла небольшая лачуга, которая служила жилищем для одной семьи из тайпа Садой. Глава семьи по имени Янá объяснил и показал мне, куда и в какую сторону ехать. Несмотря на мои протесты, он уговорил меня взять его коня. На нем я пересек ирзу под названием Хомце и спустился к руслу речки Вашдар, на берегу которой жили двоюродные братья моей матери Карша, Мурта, Элша и Алихаджи. Я добрался до них на рассвете, когда кукарекали встречавшие зарю петухи. Правда, Янэ я сказал, когда мы расставались, что держу направление на Хаттуни.

С восходом солнца туда прибыл карательный отряд. Обыскав в Махкетах дом родственников моей матери, он под покровом тумана прибыл в Сельментаузен. Ему удалось окружить дом Карши, в котором я прятался.

Правда, я собирался дать бой, но Карша стал уговаривать меня спрятаться в кукурузных стеблях, прислоненных прямо к сараю. Поначалу я отказывался: мне это казалось проявлением слабости и трусости, но когда меня попросили сделать это во имя Аллаха, я нырнул в стог из кукурузных стеблей и затаился. Слышались крики «Выходи!», сопровождаемые выстрелами в воздух, и женский плач; я же стрелять не мог. К тому же меня беспокоило данное мной Янё обещание вернуть коня до вечера. Между тем стражники, осмотрев дом, принялись разбрасывать штыками снопы кукурузных стеблей из стога, в котором я прятался. Я уже видел сквозь стебли очертания фигур стражников и приготовился отстреливаться, когда один из них, заметив меня, крикнул во всю мощь: «Нету! Нету! Всё!» Вот тут я понял, что солдаты меня любят больше, чем своего командира. Убедившись, что в доме меня нет, стражники ушли.

После этого, не теряя времени, я поручил Муртаю отвести Янё его коня.

Оказывается, через два часа после того, как я ночью покинул жилище садовца Яна́, к нему нагрянул отряд моих преследователей с проводником-садовцем. Яна́ сообщил им, что я ушел в Хаттуни, как я ему и говорил. Отряд тут же направился туда, но и там не обнаружил меня. Кто-то подсказал им, что я могу скрываться у родственников матери, вот так и оказались непрошенные гости в Сельментаузене у дома Карши.

Вечером того же дня я направился в Махкеты. От Илеса Чолтаева я узнал, что тело моего погибшего брата, Бисолты, оказалось в доме жителя Махкет по имени Дакха. Я хорошо знал его. В сопровождении достойных махкетинских мужей он отвез тело и передал харачоевцам.

Вот тебе, Султан, лишнее доказательство того, что если ты имеешь дело с достойными людьми, то тебе легко будет идти по жизни.

Отец спросил:

— Зелимхан, ты потерял в бою родного брата, растался с товарищами по оружию, коня под тобой убило, а ты в этой кутерьме снимаешь с него седло и носишься с ним! Что двигало тобой? Зачем, спрашивается?! Ты что, не нашел бы такого седла?

— Как бы там ни было, расскажу тебе правду. С тех пор как я познакомился с ингушским парнем Саламбеком из Сагопши, все мои дела везде и всюду делались с успехом при его непосредственном участии и благодаря ему — надежному товарищу, преданному мне душой и телом; этот парень однажды, жертвуя своей жизнью, спас меня, с головой выданного человеком, когда-то поклявшимся мне не предавать. Вот он, Саламбек, и подарил мне это седло, при этом он именем Аллаха просил меня никогда не садиться в другое седло. А я дал ему слово, что исполню его просьбу; если же я нарушу свое слово, меня могут считать хуже самой падшей женщины. Если бы даже рушился мир, клятвенной просьбы Саламбека нельзя было нарушить. И еще: свидетелями того нашего разговора были многие мои товарищи.

— Что ты сделал после этого, Зелимхан?

— Надо признать, последние события очень утомили меня, надо было отдохнуть, хотя бы неделю. В Хаттуни проживал один тип, услужливый настолько, что клялся мне в верности, но мне было доподлинно известно, что он продан властям в Ведено. Там же, в Хаттуни, проживал еще другой человек, который готов был, если понадобится, отдать за меня жизнь. Вот ему я и поручил следить за каждым шагом того типа. Через него я узнал, что тот сообщил властям о месте моего пребывания в горах Хаттуни. Я сумел тогда уйти от преследования, а этот тип купил себе хорошего коня на деньги, которые он получил за донос на меня. На вторую же ночь как ни в чем не бывало я наведался к нему и сказал:

— Мне понадобился твой конь, срочно оседлай его. Уезжаю на месяц за Терек к кумыкам; если буду задерживаться, забереешь своего коня у Жубана Сарбаева из Бабаюрта.

Сам же я направился в другое место, в аул Нуй, где жили Эска, Даша, Баханаш — верные и надежные друзья Бакара Ильясова, у них я и отдохнул хорошенько.

А дом Сарбаева в Бабаюрте две недели находился под наблюдением властей. Почему я упомянул его? Да потому что он был таким же мерзким и хитрым вороном, как и тот тип из Хаттуни, которому я назвал его имя.

Султан, наверное, я уже изрядно надоел тебе... Правда то, что за эти восемь-девять лет мне много раз доводилось смотреть в лицо смерти. Но всё в жизни человека изначально предопределено, в том числе последний час жизни: пока он не настанет, ничего с тобой не случится. И я это понял.

Простите меня за многословие. Лусу, подай-ка мне коня, оставим стариков отдыхать.

Зелимхан встал, чтобы уйти, и тепло попрощался с моими родителями. Я, взявшись за стремя, помог ему взобраться на коня, и Зелимхан ускакал в темноту.

Вторая часть моей беседы с Саидом Гумхаджиевым

После того как мы поели самое главное чеченское блюдо жижиг-галнаш, которым нас щедро угостила гостеприимная жена Саида, я сказал ему:

— Прошу прощения, ты говорил, что у тебя есть много чего рассказать о Зелимхане. И мы специально приехали из Махкеты послушать тебя...

— Слушай меня внимательно, парень. Нас было трое братьев: Сайдулла, Соьда и я. У Зелимхана ни с кем не было такой верной и теплой дружбы, как с нами, если не считать братьев его отца и его двоюродного брата Алимху. Правда, доверием Зелимхана пользовался еще и известный во всей Чечне Бултиг из Бачи-Юрта, который знал все его секреты, оберегал его семью. Когда в горах Ингушетии арестовали и заключили под стражу во владикавказскую тюрьму семью Зелимхана, заботу о ней взял на себя Бултиг. И когда семью Зелимхана власти вернули из сибирской ссылки в надежде, что он будет искать встречи с ней и его можно будет поймать, о ней снова заботился Бултиг. Зелимхан понимал, что его близкие будут использованы в качестве приманки, поэтому он остерегался встречаться с ними. Зелимхан передал своим домочадцам, что связующим звеном между ними по-прежнему будет Бултиг; если им понадобится что-нибудь или они захотят повидать его, Бултиг знает о его местонахождении.

Зелимхана никто не убивал. Когда он сильно заболел, Зелимхан согласился на то, чтобы его повезли к одному лекарю, который через третьи лица обещал вылечить его чуть ли не ежедневными процедурами. А до этого четыре-пять месяцев больной Зелимхан прожил у Бултига. Ему с каждым днем становилось все хуже и хуже, поэтому его и забрали оттуда с надеждой на успешное лечение. Вот тогда, сын мой, Зелимхана и предали, тем самым накликав на себя проклятье.

Сын мой, никто не миновал смерти на этом свете. Никто Зелимхана не убивал, говорю я тебе еще раз, кроме Всевышнего. Когда закончилось отведенное ему на этом свете время, нашлась и причина его ухода из жизни.

Я спросил у Саида:

— Что послужило причиной ареста твоей семьи и тебя?

— Я и двое моих братьев знали тропы, по которым ходит Зелимхан, знали о том, как он помогает людям. Не каждый поверит в проявление его доблести, если не знать Зелимхана так, как его знаю я. Что он делал? За два-три дня сообщал нам, троим братьям, что в такое-то время он появится в пещере (она находилась в трех верстах от Харачоя). Поздно ночью, когда жизнь вокруг замирала, кто-то из нас, троих братьев, навещал его там, мы ему рассказывали обо всем происходящем в ауле, в округе и в его семье. Самым частым гостем у него был я, мне, с детства его знавшему, он доверял свои самые потаенные секреты. Кстати, его жена Бици была из нашего рода. Она была большой умницей и достойной женой Зелимхана.

Зелимхан скрывал от меня, что любит Бици. Два-три года он ухаживал за ней, и я, зная об их чувствах друг к другу, зная об адатах¹ наших предков, думал о них. Пытаясь вызвать Зелимхана на откровенный разговор, спросил его:

— Расскажи мне откровенно, что тебе мешает жениться на Бици. У нее я не стану этого спрашивать, но я знаю, что ты вот уже два-три года ухаживаешь за ней.

— Другой причины не жениться на Бици, кроме той, что вы являетесь приверженцами особого адата вашего тайпа, я не вижу. Вы запрещаете своим девушкам выходить замуж за лиц, не являющихся потомками вашего предка в седьмом поколении Байгаша. Мне это кажется неправильным, Бици тоже не в восторге от этого.

Я сказал Зелимхану:

— Да, мой друг, что есть, то есть, и ты знаешь, что это не с одной Бици началось. Действительно, этот обычай идет с основателя нашего рода Байгаша, делается это с целью сохранить чистую кровь рода. Но отдать девушку за такого достойного парня, как ты, — честь не только для родителей девушки, но и для всего ее тайпа. Если Бици кто-то начнет предъявлять претензии, я остановлю его, так и передай ей. Считай, что на этом и договорились. Ты, как и Бици, знаешь, что я хозяин своего слова.

Через неделю после нашего разговора Зелимхан забрал Бици. Будучи родственником Бици, на их свадьбе я не присутствовал, как и велит наш адат. Посещение свадьбы своей родственницы считалось в то время большим позором.

Надо сказать, что среди друзей Зелимхана были только те, кто обладал большим умом и пользовался уважением

¹ Адат (араб.) — обычай, привычка.

среди людей. Видишь ли, тогда не было ни сегодняшней телефонной связи, ни автомобильного сообщения. Тем не менее достойные чеченские и ингушские друзья Зелимхана сообщали ему, где бы он ни был, о надвигающейся опасности или угрозе, всячески оберегали его. Что меня больше всего удивляло в Зелимхане, так это то, что он мог заявить в лицо любому: «У тебя глаза бегают. Я тебе не верю!» По его собственному признанию, так он в свое время сказал и некоему Кюри. Как Зелимхан и предполагал, этот самый Кюри и донес властям о том, что семья Зелимхана скрывается в горах Ингушетии; правда, при этом Кюри и сам оказался погребенным под землю.

Таким же образом Зелимхан выразил недоверие и своему другу Борге, Дудару и другим. Факты их предательства, как он и думал, тоже всплыли.

Я затаил ответ на твой вопрос «Что послужило причиной ареста властями твоей семьи и тебя?», так как мне не надоедает рассказывать подробно всю правду о Зелимхане.

Да, сын мой, мне и обоим моим братьям доставалось сполна, потому что наши слова никогда не расходились с делом, мы не умели юлить. Я сейчас вспомнил: операцией по поимке скрывающегося в пещере Зелимхана руководил тогда полковник Моргания, а вторым был начальник Веденского округа полковник Каралов, их толмачом — Аббас, сын Автурхаджи.

Ровно тринадцать дней допрашивал меня следователь. Часто на допросах присутствовал и полковник Каралов. Один из главных вопросов: знал ли я раньше о том, что Зелимхан часто укрывается в пещере? Я отнекивался, рассказывал всякие небылицы, пытаюсь отвлечь их от основных вопросов. Толмач Аббас клялся в том, что они не станут привлекать меня к ответственности, если я расскажу всю правду. Я поверил ему и его клятве, поверил полковнику и сказал:

— Конечно, я знал, что Зелимхан бывает в пещере, об этом знали и мои братья Сайдулла и Соьда. Из хара-чоевцев только мы трое и знали.

Тогда у меня спросили:

— Почему вы раньше и теперь скрывали тот факт, что Зелимхан бывал в пещере?

И тогда я привел им притчу о лисе...

Однажды встретились волк, лев и лиса и договорились, что вместе будут искать добычу. И как-то наткнулись они на завернутый в лист лопуха круг овечьего сыра. Волк промолвил: «Я поделю его нам на три части». Разъяренный от голода лев взял и порвал пасть волку и сказал лисе: «Только ты поделишь сыр». Усмехнулась хитрая лиса и поделила сыр ровно на две части. «Лев, ты большой, а тут на три части и делить нечего. Одну половинку съешь сейчас, а вторую — завтра утром», — произнесла лиса и отодвинулась от сыра. «Ах ты умница, как ты догадалась так мудро его поделить?» — спросил у лисы лев. «О царь зверей! Как только я увидела порванную пасть волка, так сразу и догадалась», — ответила лиса.

Толмач Аббас говорит мне:

— Ты со своей семьей будешь сослан в Сибирь, если не возьмешь на себя обязательство помочь властям в поимке Зелимхана.

Я пришел в негодование:

— Ты убедил меня в том, что буду прощен, если расскажу правду, и теперь, как падшая женщина, говоришь мне такое! И тебе не стыдно?!

Вот тогда, видимо, они и приняли решение о моей ссылке в Сибирь.

Я снова спросил:

— Саид, расскажи: а кто такой этот доносчик Кюри? И при каких обстоятельствах выселяли в Сибирь семью Зелимхана?

— Молодой человек, мне кажется, твоему отцу хочется поспать, — уклонился он сначала от вопроса и показал на примостившегося рядом с нами моего отца Усмана, которого одолевала дремота.

А затем сказал:

— Про Кюри и про то, как семью Зелимхана забрали во Владикавказ, а оттуда отправили в Сибирь, лучше меня знает живущая ныне в Ведено дочь Зелимхана — Меди, спроси об этом как-нибудь у нее. Я старый человек, могу и ошибиться где-то. Она хорошо помнит, как их заключали под стражу, как отправляли в Сибирь, к тому же она прекрасно владеет русским языком и говорит только правду. Если у тебя будет время, в другой раз я расскажу тебе много чего интересного и правдивого о Зелимхане. Как видишь, я со своим слабым зрением ничего не делаю и ничего не могу, кроме как рассказывать о том, что знаю и помню. Можешь приходить ко мне в любое удобное для тебя время, мне очень нравится твое желание узнать как можно больше о таком отважном человеке.

Этимися словами Саид закончил свою речь, а мы попрощались с ним и ушли.

Через некоторое время я во второй раз посетил старика, хотя мне было не совсем удобно. Саид снова не спеша начал свое повествование:

— Если ты хочешь знать, каким был Зелимхан, то я скажу тебе. Он был лучшим другом бедных, слабых и беззащитных, всегда готовым помочь им, независимо от их национальности, ибо не разделял людей по этому признаку. Если к нему обращались за помощью, он считал своим долгом помочь людям. Он три раза мог попросить обидчиков слабых и бедных оказать им снисхождение. Если же и после третьего раза они к его просьбе не прислушивались, их неминуемо настигала суровая кара Зелимхана. Он никогда не искал себе лично каких-либо

удобств, привилегий и никогда не жалел себя. Люди видели в нем своего защитника, и благодаря их молитвам за него Зелимхан выходил победителем из любой ситуации. При этом он никогда не кичился своими заслугами и не подчеркивал их, но всячески восхвалял своих товарищей. Они его уважали, а он умел поступать именно так, чтобы его уважали. Он не говорил просто так, был хозяином своего слова, умел держать его и выполнять обещания; не считал себя умнее других, понимая, что знания и разум поделены между людьми. Всевышний одарил Зелимхана безмерной отвагой, но он никогда не хвастался этим своим качеством. Как говорится, не пил, не курил, довольствовался тем малым, что у него есть.

Он всегда говорил: «Мало проку от того, что ты советуешься с умными людьми, если и сам не соображаешь!» Именно это он и имел в виду, когда однажды в ответ на одну мою просьбу засмеялся и привел мне притчу. Моя просьба заключалась в следующем. В народе знали, что за голову Зелимхана царская власть обещала довольно крупное вознаграждение; некоторые люди, еле-еле сводившие концы с концами, готовы были на предательство ради таких денег. Зелимхан знал это, и для него не составляло труда выявлять подобных людей.

Поэтому я попросил его:

— Зелимхан, я знаю, что ты определил имена некоторых мерзавцев, готовых продать тебя. Я говорю это по праву старшего, годящегося тебе в отцы. Не вздумай убить кого-нибудь из них: тебе это не прибавит чести, но врагов себе наживешь. — Кроме того, я добавил: — Тебе ничего не сделается кроме того, что предначертано судьбой, даже если все эти люди будут стоять на головах.

Зелимхан ответил:

— Саид, а какая польза от того, что все будут зрячими, а я один — слепым? Знай, что скудоумен или вовсе

не имеет ума тот, кто обманывается, считая себя умным. Мудрый человек, прежде чем сказать что-либо, хорошо подумает, а глупый может говорить все, что взбредет ему в голову, а потом, бывает, жалеет о сказанном не по делу и создает себе проблемы.

— Сын мой, — продолжил Саид, — я приведу тебе один пример, свидетельствующий о незаурядном уме, самообладании и выдержке абрека Зелимхана.

Как-то пришел к нему человек, которого тоже звали Зелимханом. Был он высокого роста, крупного телосложения и отчаянно смелым.

— Меня тоже преследует власть, и мне тоже придется скрываться, — сказал он. — Люди везде возносят тебе похвалу. Только и слышишь: «Зелимхан, Зелимхан Харачоевский...» Посмотри на меня! Я из аула Гельдыген; и статью, и ростом, и храбростью могу посоревноваться с тобой. Кроме того, если хочешь, я готов сразиться с тобой, как в рукопашной схватке, так и в бою. Если хочешь, я с этого дня буду с тобой участвовать во всех перделках. Гельдыгеновцы ничуть не хуже харачоевцев. У нас должны быть одинаковые права, на дела будем ходить тоже вместе. Если тебя это не устраивает, мы можем хоть сейчас посмотреть, кто из нас храбрее и кто победит. Ты согласен?

Зелимхан Харачоевский улыбнулся и в шутовском тоне ответил:

— Добро пожаловать, Зелимхан. Я давно искал такого товарища, как ты. Надо хорошо обдумать твое предложение.

Так вот... Ты говоришь, что у тебя есть рост, стать, сила, но про ум ты ничего не сказал. Видишь ли, я не вижу причин, чтобы мы обсуждали гельдыгеновцев и харачоевцев. Есть у нашего народа такая поговорка: «Восхваление потерянными поколениями своих отцов напоминает

рассказы разорившихся о своем былом богатстве». Выслушай меня внимательно, гельдыгеновский Зелимхан.

Если мы с тобой сейчас сойдемся в поединке, неизвестно, кто из нас выйдет победителем: или ты умрешь — я выиграю, или я умру — ты выиграешь. О том, что ты скрываешься от власти и что тебя зовут Зелимханом, знаю я, знает власть и знают люди. Видишь ли, помимо того что мы оба можем погибнуть, у нас есть маленькие дети, и они могут остаться без отцов. Посмотри, сколько бесправия вокруг нас, сколько произвола терпят простые и бедные люди от власти, от ее ставленников на местах, которые обирают народ непомерными сборами и податью! Не лучше ли нам с пользой для дела погибнуть в борьбе со злом, творимым царской властью, чем вот так бесславно закончить свой жизненный путь?

Зелимхан из Гельдыгена на это ответил:

— «Два льва не уживутся на одном ирзу», — говорили наши отцы. Мы с тобой должны с сегодняшнего дня определить, кто из нас будет вожаком.

— Хорошо, я согласен, — ответил Зелимхан Харачо-евский. — Давай сегодня подождем — день клонится к вечеру. Мне сообщили, что завтра из Шатоя возвращается воинский отряд, который был размещен в качестве постояльцев у местных жителей и имел задание поймать меня. Если не завтра, то послезавтра уж точно они достигнут долины, где сливаются реки Шаро-Аргун и Чанты-Аргун. Мы же, каждый в отдельности, встретим их по пути следования. Хочешь — ты встретишь их первым, хочешь — после меня, мне разницы нет.

Зелимхан из Гельдыгена согласился на это предложение. На второй день рано утром абреки встретились в условленном месте южнее аула Дуба-Юрт, обнялись, и гельдыгеновец спросил:

— Ну, рассказывай теперь, как я должен встретить отряд. Что я должен им сказать?

— Если они сегодня будут следовать... В месте, где соединяются два Аргуна, есть две дороги. Обе дороги ведут в Грозный: одна в северном направлении — через Дуба-Юрт, другая в западном — через Чишки. Ты должен выйти из своего укрытия к отряду и приказать ему: «Если не хотите наткнуться на засаду и лечь в бою, идите через Дуба-Юрт! Через Чишки вы не пойдете! Данный приказ вам объявил Зелимхан из Гельдыгена!» Таким образом мы должны направить отряд в Дуба-Юрт, запретив им следовать в сторону Чишки. Это если ты согласен выполнить мои условия.

— Хорошо, харачоевец. Я первым встречу их, а ты — вторым.

Они начали уже расходиться, когда Зелимхан Харачоевский обернулся и окликнул своего тезку:

— У меня одна просьба к тебе. Если по воле случая кто-нибудь из нас погибнет, оставшийся должен рассказать нашим товарищам, ничего не добавляя и не убавляя, о нашем споре.

— Хорошо, — согласился Зелимхан из Гельдыгена.

Затем со своим оружием он спустился к Аргуну, сел в тени кустарника и стал ждать появления на дороге возвращавшегося в Грозный отряда стражников. Вслед за ним, не упуская его из виду, отправился и харачоевец; он расположился недалеко от гельдыгеновца так, чтобы можно было расслышать приказ, который он будет подавать отряду, и притаился. Пока они ждали каждый в своем укрытии, наступило время полуденной молитвы. Харачоевец быстро совершил намаз. Не прошло много времени, как на дороге показался ожидаемый воинский отряд. Они, примерно сто человек, шли колонной по двое. Когда отряд приблизился к нему на расстояние до ста пятидесяти шагов, гельдыгеновец выступил вперед и крикнул:

— Стой! Я — Зелимхан из Гельдыгена. Для вас открыта дорога через Дуба-Юрт. А кто хочет пасть в бою, идите через Чишки.

Между тем отряд еще до встречи с гельдыгеновцем из-за паводка и не собирался переправляться через полноводный Чанты-Аргун, он направлялся в сторону Дуба-Юрта, лежащего на правом берегу реки Шаро-Аргун. Чуть отставший командир догнал замешкавшихся в передних рядах стражников и, не обращая внимания на Зелимхана из Гельдыгена, приказал продолжить марш в сторону Дуба-Юрта, намереваясь переправиться через Шаро-Аргун. И тут перед ними как будто из-под земли вырос харачоевец и громким голосом приказал:

— С вами говорит Зелимхан из Харачоя! Если не хотите погибнуть, поворачивайте и продолжайте свой путь через Чишки! Дорога через Дуба-Юрт для вас закрыта!

Колонна остановилась, и все повернулись к командиру. Тот показал рукой в сторону Чишки и дал команду «Вперед!» Колонна развернулась и ушла в чишкинском направлении.

Подошел гельдыгеновец и, направив ружье на Зелимхана из Харачоя, произнес:

— Ты проявил хитрость. Они повернули после твоего предупреждения, испугавшись, что в Дуба-Юрте их ждет крупная засада абреков. Они не тебя испугались! Попробуй меня испугать!

Говоря это, он продолжал держать наставленное на харачоевца ружье. Тогда Зелимхан из Харачоя засмеялся и успокоил Зелимхана из Гельдыгена:

— Ух ты, как быстро ты забыл наш договор! Погоди, не спеши, время покажет, какие мы с тобой храбрые, когда совершим поход за Терек! Там или по возвращении оттуда. А до этого и во Владикавказе есть дело, и в Грозном есть места, которые надо посетить...

Убедившись в склонности своего тезки к сумасбродным поступкам, Зелимхан Харачоевский понял, что он, конечно, не сделает того своим сотоварищем. Он не стал даже говорить тому, какие дела их ожидают во Владикавказе, в Грозном и за Терекон, не стал с ним ссориться и сказал:

— Зелимхан, я скажу тебе правду. Удадь, отвага, храбрость — это понятия относительные. Эти качества имеют свойство как посещать тебя, так и покидать. Секрет же моей храбрости заключается в том, что я никогда не вступаю в заведомо проигрышную схватку.

— А теперь я расскажу тебе вот о чем, — продолжил Зелимхан из Харачоя. — Видишь ли ты, да продлит Аллах твои дни, мне никак не удастся свести счета с одним моим врагом по фамилии Вербицкий, который является и врагом нашего народа; если ты и не видел его, то наверняка слышал о нем.

Но он является и врагом русского царя. Почему? Видишь ли, он на базарах в Гудермесе и в Грозном расстрелял совершенно невинных бедных людей. Можно подумать, что он представляет царю в Петербург и наместнику Кавказа в Тифлис достоверную информацию о происходящем здесь у нас. Ничего подобного! На базаре в Гудермесе он убил троих и ранил нескольких невинных чеченцев, а наверх доложил, что они стали жертвами перестрелки между абреками и солдатами.

Мне это стало доподлинно известно из рассказа Эти Яндарова, работающего у него. Кроме того, Вербицкий письменно назначил мне встречу; написал, что будет считать меня хуже бабы, торгующей на базаре, если я не приду к нему на эту встречу. Сам же спрятался, а на назначенное место, где я его ожидал, со свойственной ему коварностью прислал вооруженный отряд с целью окружить меня и поймать.

Что больше всего характеризует Вербицкого как врага народа и царя? Когда я ему написал, чтобы он остерегался меня, что я намерен в определенное время посетить Кизляр, он сбежал в Грозный и проводил там время за шахматной доской. Царь назначил его большим начальником, доверил ему целый участок в округе, но он проводит неправильную политику и не осуществляет должного руководства. Всех чеченцев, ингушей, другие народы настроил против царской власти. На мой взгляд, Вербицкий и есть наш первый враг. Помимо всего, похоже, вышестоящее начальство не знает этого человека хорошо. Жалобы на насилие и грабежи, чинимые своими отрядами, атаман Вербицкий объявляет дутыми. Если бы начальство знало все о его проделках на вверенной ему территории, я уверен, оно само и уничтожило бы Вербицкого как своего врага. Правда, он хитер как лиса. Он даже царю враг, хотя именно царь поставил его во главе этого беспокойного края. Да уж, мой друг, даже я, в течение последних шести лет бывший врагом этой власти, не сделал столько вреда авторитету царя Николая, сколько сделал Вербицкий. Он умудрился еще и врагом всех национальностей Северного Кавказа стать. Кроме того, в первый же год своего пребывания в Грозном он — просто так, ради забавы — убил семнадцать чеченских и ингушских женщин и детей. В Гудермесе он убил троих чеченцев, нескольких ранил — тоже ради забавы, чтобы посмотреть, как они будут умирать.

Нет, ты посмотри: Вербицкий трижды про меня писал статьи в газету. Последний раз он написал в газете, что четырежды звал Зелимхана Харачоевского на встречу, но тот боялся приходить, а потому не стоит и женских панталон. На самом деле на назначенное мне Вербицким место встречи я пошел, но увидев, что исход встречи окажется не в мою пользу, покинул это место.

А дело было так... Вербицкий назначил мне встречу западнее крепости Ведено за речкой Ахк у Кошачьего ирзу. Я пришел туда и в ожидании Вербицкого наблюдал из укрытия за местностью, и вот что предстало перед моими глазами: из крепости на конях и в пешем порядке в моем направлении стало выдвигаться много солдат. Когда первые из них достигли речушки Ахк, я выстрелил два раза, как бы давая этой собачьей своре понять, что я на месте, и стал уходить. Меня спасло хорошее знание местности и каждой звериной тропы. Если бы мои преследователи ориентировались на местности так же хорошо, как я, они безусловно поймали бы меня и убили.

Больше всего после этого меня задела за живое его газетная статья под заголовком «Трусливая баба, а не хара-чоевец Зелимхан». В ней Вербицкий, я скажу коротко, написал: «Какие-то идиоты сделали из Зелимхана героя. А я хорошо знаю, что он никто. Он побоялся даже встретиться со мной, когда я позвал его. Когда убивали его отца, брата, он спасал свою шкуру бегством, опережая всех. Когда я однажды окружил его, он укрылся в курятнике и спасся. Мало ли таких примеров?!»

Знай, мой друг, что за отца и брата я оставил десять трупов офицеров прежде, чем бежать. Знай, что в минуты опасности я уходил от погони только последним из своих товарищей. Я еще раз повторяю: моя храбрость заключается в том, что я никогда не вступаю в заведомо обреченную на проигрыш схватку.

И знай одну непреложную истину: только недалекие в умственном отношении люди могут обвинить человека в трусости.

Конечно, число тех, кто говорит: «Этот человек умеет быть осторожным», будет преобладать. Своего ума должно хватать во всем и всегда, но надо советоваться и со знающими, умными людьми. Видишь ли, Зелимхан из Гельдыгена, я знаю, что ты смелый и отважный чело-

век, выделяющийся и большим ростом, и твердой статью, в этом у меня нет никаких сомнений.

Я приведу тебе, Зелимхан из Гельдыгена, два примера. Первый...

Как-то сидел я и отдыхал на Чермой-горé, когда заметил одного человека в возрасте с тяжелой ношей на спине, он шел в моем направлении. Ради забавы я решил напугать его. Дождавшись, когда путник дойдет до меня, а потом и минует, я крикнул ему вслед:

— Эй, ты! Хочешь подраться со мной?

— Ах ты, чтоб твой отец был погребен со свиньей! Ты что говоришь? Ты не нашел другого способа умереть, как только подравшись со мной?! Если тебе так захотелось сгинуть, прыгни вон в ту пропасть! — ответил он и продолжил свой путь.

Я пошел за ним и крикнул:

— Боишься?! Еще раз спрашиваю: хочешь подраться со мной?

Тогда он остановился, снял суконную черкеску, накрывавшую его ношу на спине, и тогда стало понятно, что он нес глиняную ручную маслобойку. Затем он не спеша развязал ремешок для крепления маслобойки на спине, аккуратно, чтобы не упала, поставил маслобойку на ровном месте и сломя голову, стремительно бросился на меня. Вот тут я вспомнил про все свое оружие, с которым никогда не расставался, но на этот раз положил в траву, когда присел отдохнуть; со мной не было даже кинжала и ножа. Путник замахнулся кулаком, как только настиг меня. Уворачиваясь от его летящего кулака, я отскочил в сторону и сам бросился на него. Признаюсь, он повалил меня. Я еле-еле выбрался из-под него, лихорадочно думая о том, что попал в историю по собственной глупости, и отбежал от него на десять-

пятнадцать шагов, к тому месту на траве, где лежало мое оружие. Схватив винтовку, я вставил в нее патроны так, чтобы он это видел, и, наставив на него оружие, рванулся к нему, чтобы напугать его, но не тут-то было. Он с диким гиком бросился мне навстречу. Если бы хоть один из камней, которые он стал швырять, попал в меня, я тут же отдал бы Богу душу.

Отбежав от него со своей винтовкой на приличное расстояние, я стал умолять его:

— Именем Аллаха прошу тебя, иди дальше своей дорогой! Это же была всего лишь шутка.

— А с чего ты взял, что люди тебя боятся?! Сам ты, оказывается, трус! — Он так же аккуратно взвалил на спину свою маслобойку, перевязал ее, как раньше, и продолжил свой путь.

Мне стало интересно посмотреть, куда, в какой хутор идет этот отчаянный и безрассудно смелый человек. Я долго следил за ним, пока он не пришел в хуторок Тинкахой и не скрылся в отдельно стоящей покосившейся лачуге. Дождавшись, пока начнет смеркаться, я ввалился к нему в жилище со словами:

— Ассаламу алейкум, гІайракх¹!

Он ответил на мое приветствие, рванул в смежную комнату, схватил охотничье ружье и наставил его на меня:

— Клянусь Кораном, который читал мой односельчанин Кеди, я задушил бы тебя как собаку, если бы меня, Мусхана, не прокляли люди за то, что я убил гостя, переступившего порог моего дома!

Я уже знал, что он успокоится, если попрошу его об этом именем Аллаха, и обратился к нему так:

¹ ГІайракх (чеч.) — песчаник, точильный камень. В переносном смысле так называют смелого, отчаянного.

— Мусхан, я же пошутил с тобой сегодня. Ни с кем никогда в жизни больше, сколько ни проживу, так шутить не стану. Я теперь понял, что допустил ошибку; прости меня ради Аллаха!

— Ладно, я простил тебя из-за того, что ты гость, — ответил он и поставил передо мной сискал¹ и кIалд-дабтга.

Затем он сделал намаз. Собрав в маслобойку сметану с простокваши, разлитой в большие глубокие глиняные миски, накрытые липовой корой, он снова обратился ко мне:

— Гость, у меня нет товарища, кроме Всевышнего. Буду сейчас сбивать сметану в масло, а полученную пахту мы с тобой выпьем. Ты пока ешь, а я поел еще перед твоим приходом.

Я поел и подумал: «Как же правы были наши отцы, когда говорили: „Как много нужно мудрецу потрудиться, чтобы научить уму-разуму глупца!“ Когда глупец может молчать, люди считают его понятливым, а как много ума надо, чтобы не делать и не говорить того, чего не следует делать и говорить».

Мусхан, закончив сбивать сметану, налил в глиняную чашку пахту и протянул мне:

— Пей, мой гость! В это жаркое время пахта особенно хороша и полезна, как и сыворотка.

Угнетаемый мыслью о своей неудачной шутке, я сказал:

— Мусхан, уже довольно долго я нахожусь в бегах, спасая свою душу. Никогда в жизни я не попадал в такое глупое и неловкое положение, как сегодня. Ты удиви-

¹ Сискал (чеч.) — кукурузный хлеб, чурек.

тельный человек. Прошу тебя не рассказывать нигде про наши, вернее про мои сегодняшние неудачные шутки и приключения.

Хозяин успокоил меня, сказал, что не имеет привычки укорять кого бы то ни было. Меня удивило то, что на протяжении двух-трех часов, которые мы провели вместе, он ни разу не поинтересовался, кто я такой и откуда; правда, я подумал, что он может знать меня. Самому же представляться мне было неудобно. Между тем Мусхан занес со двора в комнату трех-четырех куриц, чтобы лиса не унесла их, расстелил на глиняных нарах войлочный ковер, положил одеяло из овечьих шкур и обратился ко мне:

— Гость, вот твоя постель, можешь спать.

Затем он разложил на полу длинные листья какого-то лесного растения, напоминающего папоротник, кинул на них соломенную циновку и соорудил себе место для ночлега. Но и тогда он не стал спрашивать у меня: «Кто ты? Зачем ты здесь?» «Раз так, я тоже не стану рассказывать ему, кто я. Скажу ему об этом завтра, когда буду уходить», — подумал я, забрался на приготовленную мне постель и тут же заснул.

Помолившись рано утром, Мусхан принялся хлопотать по хозяйству. Первым делом он выпустил кур, подоил не хуже самой хорошей хозяйки трех-четырех коров и одну буйволицу. Чтобы не сидеть сложа руки, я прибрал свою постель, наколот дрова. Во дворе у хозяина стояла маленькая печь, а на ней небольшая кастрюля, из-под крышки которой валил пар. Закончив дойку, Мусхан собрал все молоко в больших глубоких мисках, занес кастрюлю с печи в дом, слил простоквашу из трех-четырех мисок в одну большую кастрюлю и поставил ее на печку во дворе, затем быстро вернулся в дом, выложил из ранее занесенной небольшой кастрюли мясо, курдюк и галушки, вместо пересоленного бульона поставил в чашке пахту, чтобы запивать.

— Мне надо отогнать скотину подальше, в сторону хутора Шамиля, чтобы она не вытоптала поля соседей. А ты пока поешь. «Выложил все, что есть, на стол — щедрый. Ударил тем, что попало под руку, — храбрый», — так говорили наши отцы». — Чем богат, тем и рад! Вкусное дома есть будешь! — сказал Мусхан и спешно погнал скотину со двора.

Я не стал приступать к еде в отсутствие хозяина, но он не заставил себя долго ждать. Вернувшийся Мусхан сразу накинулся на меня:

— Ты чего ждешь? Остывает же все!

— Тебя жду. Неловко как-то начинать есть без хозяйина.

— Бери, ешь. Ты же не сирот объедаешь, в самом деле!

Было заметно, что он говорит это искренне, желая накормить гостя досыта. Тут я должен сказать: никогда, сколько я себя знаю, не ел таких вкусных галушек, как у Мусхана.

Закончив трапезу, я спросил у него:

— Мусхан, какой ты странный человек! Почему ты не спросил меня ни разу, кто я, зачем я здесь, как да что?

— Тебе лучше должно быть известно, зачем ты здесь. Ни у моего отца, ни у отца моего отца никогда не было привычки задавать гостю подобные вопросы, пока не истекут трое суток его пребывания в доме. Так завещал мой предок в четвертом колене, который основал хутор, где мы сейчас находимся. А какой я мужчина, мой гость, если не буду соблюдать заветы своих предков?!

— Хорошо, Мусхан. У твоих и у моих предков, я знаю, есть такой обычай. Хочу спросить тебя: скажешь ли ты мне правду?

— По крайней мере, за все пятьдесят три года своей жизни я ни разу не был уличен во лжи и нечестности, и в роду у нас не было лжецов. Правда, рассказывают, что однажды брат моего дедушки в сердцах сказал членам

своей семьи: «Смотрите, если любая ваша одежонка нечаянно коснется моего брата, то обязательно срежьте на ней место прикосновения, даже если она новая!»

— Ой, и это правда?! Твоему дедушке действительно нельзя было доверять?

— Конечно, неправда! Могу поклясться в этом на Коране, который читали Кеда и Махмад. Просто брат деда не мог перенести, что мой дедушка был уважаемым человеком да и лучше его во всем. Гость мой, — продолжил Мусхан, — некоторых наших людей поедает черная зависть, неприязнь. Они не могут сказать: «Вон Мусхан-то лучше меня...», про меня говорят: «Маслобойщик!» Пусть они попробуют сказать мне это в лицо или пусть заставят меня сбивать сливки в их маслобойках! Брат мой, доить корову, сбивать сливки не должно быть стыдно. Стыдно должно быть, когда у тебя нет ни того ни другого, когда тебе нечем потчевать гостя и ты вынужден бегать по соседям в поисках чего-нибудь съестного.

— Хорошо тогда, Мусхан. Да будет доволен тобой Аллах! Оставайся свободным и счастливым! Пойду я. Заберу на озере у Багаша из Махкетов своего коня, спущусь немного с Чермой-горы и проеду через Элистанжи, Эшилхатой, Ведено, Хаджи-Юрт и Харачой.

— Счастливой тебе дороги, раз ты решил покинуть меня. Ты хоть скажи: кто ты?

— Я ваш сосед Зелимхан, сын Гушмац...

— Ой! — вскрикнул Мусхан и, крепко обняв меня, зарыдал как женщина. — Да хранит тебя Всевышний, как же они несправедливы к тебе! Да покарает их Аллах! Вчера ночью, когда ты сказал, что спасаешь свою душу, я подумал, что ты убил кого-то невиновного и скрываешься от кровников. А ты же знаешь, убийцу невинного человека у нас не жалуют. Вот и я принял тебя за такого убийцу, пока ты не представился.

Я ведь немолодой, Зелимхан; как сегодня, прекрасно помню свадьбу твоих родителей. Ой, ты же считаешься моим племянником, раз твоя мать из нашего рода. Стыдно тебе должно быть шутить так с родственниками своей матери? Ведь слава о тебе звучит по всей Чечне, и Ингушетии, и не только. Нет, ты не должен находиться в бегах. Рассказывают, что ты не убиваешь мирных людей и начальников не убиваешь, пока трижды не предупредишь их.

Мой сын, мы все спасаем свои души. Клянусь святостью и могуществом Аллаха, мы никогда не перепрыгнем предначертанного нам, какие бы усилия мы ни прилагали. Знай: как бы ты ни спасался, ты уйдешь из этой жизни только в тот момент, когда настанет твой час, predetermined Всевышним, будь ты даже великим царем и праведником Зуль-Карнайном. Когда наступит этот самый час, сопровождающие нас ангелы заберут наши души на небеса.

— Я еще раз выражаю тебе, Мусхан, благодарность за оказанное гостеприимство. Ты извини меня, что я вел себя так непринужденно и свободно. Если тебя будут спрашивать обо мне, расскажи о завете своих предков не задавать гостю никаких вопросов в течение трех суток его пребывания, скажи, что и ты не спрашивал у меня ни о чем. Можешь им также сказать, что я ушел вон в те горы, пусть ищут сколько хотят. Счастливо оставаться. Я еще вернусь.

— Хорошо, Зелимхан. У меня к тебе тоже просьба. Смотри, никогда не шути с человеком из-за того, что он одет в рубище, обездолен, слаб, как ты это сделал вчера со мной; это одно. Второе: никогда не обольщайся данными тебе Богом мужеством и отвагой, не бравируй ими. Не проявляй заносчивости и высокомерия.

Не переживай по поводу вопросов, которые мне будут задавать о тебе. Потому что любой здравомыслящий

человек поймет, что такой народный герой, как ты, никогда не остановится у старого холостяка, который сам доит коров, сбивает сливки и еле-еле сводит концы с концами, чтобы как-то прожить.

Хотя ты и торопишься, не могу не рассказать тебе об одном случае. В крепости Ведено был один начальник с большой длинной бородой по имени Муртаз-Али. Как-то он пришел сюда, его сопровождал один русский в пестрых погонах, и он не владел чеченским языком; за был его имя. С ними было около сотни солдат, которые остановились поодаль, а эти двое зашли ко мне. Осмотрев мое хозяйство и дом, они спросили у меня, приходил ли ко мне абрек Зелимхан. Я сказал: «Он не пойдет в такой убогий дом, как у меня. Я слышал, что он свое-нравный человек». Они ушли, и после них ко мне никто не приходил, кроме тебя.

— Хорошо, что ты рассказал, как было. Ладно, Мухан, оставайся! Я пошел, живи свободным. Если на то будет воля Всевышнего и если судьба, увидимся еще, — произнес я и пошел в сторону, где оставил коня.

Это был первый пример Зелимхана из Хараоча.

— Гельдыгеновец, пойми меня правильно. У дагестанцев есть одна пословица: «Трепотней кукурузной галушки не сделаешь — только из кукурузной муки». Видишь ли, ты совершил большую ошибку, направив на меня ружье. Ты заметил, что я изменился в лице, испугавшись, что ты убьешь меня? Я знаю, что стоит только нажать курок, и я умру, если так предопределено. Но больше твоего ружья я испугался камней Мухана, которые он швырял в мою голову, потому что перед ним я был виноват; а перед тобой я не чувствовал никакой вины, поэтому ничуть и не испугался тебя.

И еще. Решение убить моего врага Вербицкого, который к тому же является врагом нашего народа и даже врагом самого русского царя, у меня созрело окончательно. И так и случится, если у него на роду написано погибнуть от моих рук. Правда, если у него не написано так на роду, мои намерения бесполезны.

Под его началом находятся Ведено, Кизляр, Шатой, Грозный, Назрановский округ. Будем делать налеты на почту, банки, ювелирные магазины, расположенные там. Всю нужную информацию о них я получаю от наших хороших и надежных товарищей. Я письменно буду приглашать Вербицкого в каждый из перечисленных пунктов, где мы планируем налет. Письма будут подписаны мной и местными начальниками, а также заверены нашими печатями, кроме того, копии этих писем я буду отправлять в Петербург, в Государственную думу. Если даже ему не суждено погибнуть от моей руки, то по крайней мере он не будет властвовать здесь. Я не говорил тебе об этом ранее, но такое решение я уже принял. Вот там и пригодится твоя храбрость, поэтому побереги ее и не пытайся растрачивать зря.

Зелимхан из Гельдыгена промолвил:

— Станный ты, однако, харачоевец Зелимхан. Говоришь, что не испугался моего ружья, а сам с ружьем в руках бежал от безоружного Мухана.

— Ничего ты не понял. Я же сам затеял эту драку с Муханом и был, конечно, неправ. А ты сам явился ко мне и пытался затеять ссору, предъявляя совершенно необоснованные претензии, тут уже я был прав. Знай, что не надо бояться умереть, если ты прав. Тот же, кто рассказывает всякие небылицы, лукавит, несет ложь, пытается предстать таким бесстрашным парнем, на самом деле является трусливой собакой.

Ты посмотри: этот Мухан, который доит коров, сбивает в маслобойке сливки, то есть выполняет всю жен-

скую работу, поспособствовал тому, что я поклялся не разыгрывать никогда в жизни подобных шуток. Даже под угрозой, что он убьет меня, я не стал бы нажимать на курок своего ружья, потому что ссору начал я, виновным был тоже я. Если бы я убил его, убитым оказался бы мирный невинный человек. А как можно убивать явно мирного человека?

Расскажу тебе про еще один свой промах. Как-то остановился я отдохнуть недалеко от аула Тазен-Кала. Недалеко пас коров житель этого аула, я окликнул его и подозвал к себе. Вот с ним впервые мне и захотелось разыграть ненужную шутку. Я попросил его:

— Друг, Расскажи-ка мне, кто у вас в этом большом поселении самый храбрый.

— Видишь меня, сидящего перед тобой? — не думая долго, постучал он пальцем себе в грудь.

— А храбрее тебя есть кто-нибудь?

— Ох, если бы ты видел моего брата! — сказал он с продолжительным присвистом, а потом закрутился на пятке.

Мне это понравилось, и я велел ему:

— А ну, давай танцуй!

— Сам танцуй, если тебе это надо, — ответил он невозмутимо.

Он не знал, вооружен я или нет. Мой стреноженный конь пасся чуть в стороне, а к седлу были прикреплены винтовка и шашка. В кармане же у меня был пистолет. Я достал его, вставил в него обойму с патронами так, чтобы он видел, затем приставил пистолет ко лбу пастуха и приказал ему танцевать. Он заулыбался и пустился в пляс. Сделав пять-шесть кругов, он спросил меня:

— Хватит?

— Нет, не хватит! Давай теперь женский танец покажи! — приказал я.

— Да ну его! Я и так с самого начала показывал тебе женский танец, — ответил он, и мы оба засмеялись.

Мне даже стало неудобно перед ним. Я вытащил обойму из пистолета и положил ее в карман. Тут уже мой танцор достал пистолет из своего кармана, наставил его на меня и сам приказал мне:

— Танцуй теперь ты, уважаемый гость!

Теперь уже я пустился с неудержимой удалью в задорный пляс и танцевал до тех пор, пока пастух по имени Бугла не остановил меня. Он действительно оправдывал свое имя, означающее «буйвол».

С того времени и пошла гулять в народе крылатая фраза: «Когда принудили, и сам Зелимхан станцевал».

Этому человеку я тоже не мог ничего предъявить. Если бы он даже убивал меня, я не стал бы препятствовать этому, потому что я сам был виноват в случившемся. Короче говоря, в душу каждого человека невозможно заглянуть. Ни в коем случае нельзя относиться к людям с пренебрежением и свысока.

Зелимхан Харачоевский приводит Зелимхану из Гельдыгена второй пример

— Однажды, подыскав в Ингушетии место для размещения своей семьи, я возвращался через горные ингушские аулы. В горах и в лесах лежал снег. На второй день, переночевав по дороге в Соьди-хуторе, я прибыл в Махкеты. Своего уставшего коня оставил у Себира, а на его коне отправился в Бачи-Юрт к своему самому лучшему и надежному другу Бултигу. Он должен был знать обо всех моих делах. На этот раз я поехал к нему посоветоваться по поводу своей семьи, которую намеревался обустроить в Ингушетии.

Бултиг одобрил мою задумку, только посоветовал сделать это не сейчас, а с наступлением весны: «Не переживай, это будет не трудно». На ночь я остался у него, а на второй день тронулся в обратный путь.

Вечером добрался до аула Агишты, завернул к Гобану, помолился, поел-попил. Когда стемнело, поехал верхом в Махкеты, вернул Себиру его лошадь. А переночевать пошел к своему приятелю и родственнику своей матери Товзархе. Себиру сказал, что вернусь от Товзархи утром, еще затемно. Коня своего я оставил у Себира.

Мои гостеприимные хозяева и сельчане крепко спали, когда я услышал сквозь сон какие-то звуки. Выглянув украдкой из маленького оконца, я увидел проезжающих один за другим всадников. Это были солдаты, и не было видно им конца. Я сразу разбудил Товзарху и показал ему ночных проезжающих всадников. Тот, как будто по нужде, вышел во двор, а оттуда выглянул на улицу. И увидел,

что всадники торопливо спешивались, привязывали коней к его и соседской изгороди и заходили в мечеть, находившуюся буквально в тридцати метрах от его дома.

Мне оставалось лишь лихорадочно думать и искать выход из сложившейся ситуации, слушать неохотно и с ленцой орущего иногда в хлеву осла и ждать рассвета. Правда, я приготовил свое оружие к бою. Нельзя же было умирать бесславно, не захватив с собой на тот свет как можно больше вражеских душ. У хозяина дома оружия не было, зато его храбрость и отвага не знали границ. Когда он вернулся с улицы, я сказал ему:

— Товзарха, я слышал, как мои отцы говорили: «Всегда советуйтесь со старшими». Похоже, меня сдали и продали, и этот отряд пришел по мою душу. Если они обнаружат меня здесь, то и тебе достанется по полной. Как ты думаешь, что мне делать?

Товзарха снял висящий на поясе кинжал, достал из-под нар точильный камень и сказал:

— Зелимхан, не переживай! Я не позволю никому войти в дверь, заколю кинжалом; а того, кто полезет в окно, остановит твоя винтовка.

Я широко улыбнулся. Товзарха окончательно развеял мои сомнения на свой счет. Конечно, я и так знал, что он никого не предаст, каким бы нуждающимся он ни был. У меня теплилась надежда, что если кому-то и станет известно, что я нахожусь в ауле, то о том, что я ночую у Товзархи, не узнает никто. Вот такие и подобные мысли посещали меня, когда забрезжил рассвет, отсчитывая минуту за минутой. Отчетливо слышны были крики солдат и их командиров, призывающих первых построиться. В окно было видно их, умывающихся снегом, а затем выстраивающихся в шеренгу, один конец которой находился прямо напротив моего окна. Правда, солдат я особо не опасался, но обычно их сопровождали чеченские, ингушские и дагестанские стражники, которые знали, что

получат за мою голову немалые деньги. Они старались вовсю и стреляли метко, а солдатам было все равно, куда стрелять, лишь бы выстрелы звучали.

Утро неспешно и окончательно вступило в свои права. Солдаты застыли в строю в ожидании приказа своего главного командира. Нам не пришлось особо напрягаться, чтобы услышать его. Приказ был таким:

— Староста аула Одду распределит вас в каждый дом по трое, и вам придется провести здесь какое-то время, пока Зелимхан сам не явится к нам. Содержать вас будет аул. При подселении каждый дом должен быть вами обыскан. Враг царя абрек Зелимхан должен быть обнаружен и обезврежен! Вам понятен приказ? Приступайте!

Офицер закончил, а я вспомнил про осла в хлеву Товзархи. Я спросил у него:

— А на осла сбруя есть?

— Все есть: и сбруя, и хлыст, и хурджины¹, — ответил он и добавил: — Этого осла оставил у меня на время один аварец — сборщик милостыни, так как в горах выпал большой снег. Обещал забрать, как только установится хорошая погода.

— Тогда, Товзарха, пока я буду одеваться, быстро запряги осла, прикрепил хурджины, словом, приготовь его побыстренько.

Я приклеил себе накладную рыжую бороду, которую всегда носил с собой, надел старый стеганный бешмет Товзархи, который доходил мне до самых пят, подпоясался старым узким кушаком, надел на голову такую же старую шапку хозяина. Закончив эти приготовления, я перешел

¹ Хурджин — традиционная восточная сумка, сотканная ковровой техникой из разноцветных шерстяных волокон и украшенная бубенчиками.

из дома в хлев, и, взяв осла под уздцы, вывел его во двор, и сказал Товзархе:

— Если будут спрашивать, скажешь, что я уличный попрошайка из Дагестана.

Я оседлал своего «армака» и как ни в чем не бывало подъехал на нем к толпе военных.

Обратившись на аварском языке к главному из них, попросил подаяния. Он вытащил из кармана серебряный рубль и протянул мне. И вдруг осел вытянул не без моей помощи ушастую голову и завопил, выражая как бы свою ослиную благодарность:

— И-и-и-а-иа-иа-иа!

Когда я был еще маленьким, андийские мальчишки открыли мне секрет, как заставить осла орать. Для этого достаточно было сильно ушипнуть его за холку — часть шеи, смежную с хребтом. Срабатывало безотказно.

Поддавшись почину своего начальника, ко мне подошли еще пять-шесть человек и положили в мою протянутую и сложенную лодочкой руку несколько монет. Под громкие звуки и рев, издаваемые ослом, я покинул площадь перед мечетью. Еще долго вслед мне доносился громкий смех солдат, которые потешались надо мной и ослом. Чтобы не вызвать ни у кого подозрений, я останавливался на улице почти у каждого дома, как бы прося подаяние. Таким образом я достиг окраины аула, спустился к речушке Тениг. Оставил там у мельника Керима осла, чтобы тот присматривал за ним, пока солдаты не уйдут, а потом отвел его к Товзархе. От него я через Мовкинский хребет пошел к своему родственнику Мадашу на Хачароевский хребет.

Мадаш как будто ждал меня: тут же заколол барана, ничего мне не говоря. Четверо суток оказывал он мне всякие почести и знаки внимания, как высокому и дорогому гостю.

После этого, возвращаясь из Махкеты с джума-намаза¹, Мадаш сообщил мне и своей семье радостную весть: солдаты, которые встали на постой в Махкетах, ушли.

Как только я узнал об этом, мы с сыном Мадаша Ахо пришли в Махкеты. Я забрал у Себира своего коня, а у Товзархи — свое оружие и одежду, поблагодарил их обоих и покинул аул.

«Если меня ищут в горах, мне лучше податься на равнину», — подумал я и так и сделал. В тот же день через Шали я достиг Аргунской долины в районе Чири-Юрта. Дождавшись ночи, я, как поджарый волк, обозленный от голода, поехал к своим друзьям Дики и Исалу в аул Новые Атаги. У них я остановился отдохнуть в течение трех-четырех дней.

Зелимхан из Гельдыгена, все это я рассказываю тебе не для того, чтобы похвалиться. Я рассказал тебе это для того, чтобы ты помимо Мухсана знал и несчастного Товзарху. Он готов был в случае, если бы я ввязался в бой со стражниками, умереть, не жалея себя.

...Ты знаешь, Саид, стал бы я говорить правду или нет. Зелимхан из Гельдыгена не поменял своих убеждений и не признал своей неправоты, даже послушав истории Мухсана и Товзархи, тазенкалинского танцора, и даже когда он посрамился в случае с солдатами, которые не послушались его на развилке дорог между аулами Дуба-Юрт и Чишки. Стражники поймали его в Хасав-Юрте, и ему удалось сообщить об этом мне. В Кади-Юрте я буквально снял его с поезда и вырвал из рук солдат. Вот только тогда он покаялся и поменял свои убеждения, признал свою неправоту.

¹ Джума-намаз — обязательная пятничная коллективная молитва мусульман.

Беседа с дочерью Зелимхана Меди

— Меди, расскажи, как вашу семью перевозили в ингушские горы, как отправили в Сибирь, — попросил я.

— Наш отец Зелимхан знал, что из-за нас страдают родственники, односельчане, да и нам самим приходилось несладко. Поэтому он нас и переправил в Ингушетию, в хутор Ерш.

Приняли нас там хорошо, мы жили с хозяйскими детьми как одна семья, очень дружно и беззаботно, вместе пасли овец, коров. И вот однажды прибежал мой брат Магомед и с порога сообщил:

— Солдаты идут! Множество солдат поднимаются в горы! Что бы это значило?

Конечно, первая мысль: «Они идут за нами». Но Бици, которая всегда отличалась самообладанием, приободрила нас:

— Не переживайте: ваш отец никогда не позволял и, пока жив, не позволит издеваться над вами. Тем более какие у них могут быть претензии к женщинам и детям?! Если они у них и появятся, ваш отец не простит им этого.

Между тем, пока мать успокаивала нас, солдаты заняли всю гору и начали окружать весь небольшой хутор. Понятно, что кто-то сообщил им о месте нашего пребывания. Когда окружение закончилось, они стали издали кричать на русском, чеченском и ингушском языках:

— Где Зелимхан? Пусть он покажется! Бици, где твой муж Зелимхан?

Мать с достоинством отвечала:

— Я и сама хотела бы его видеть больше вас, давно же не видела. Вы не найдете его!

Несмотря на то что и самих солдат было много, в до-
полнение к ним привели еще и дагестанский полк чис-
ленностью шестьсот штыков. И это всё — чтобы задер-
жать нас и арестовать!

После этого они стали обыскивать каждый дом и по-
дворья с хозяйственными постройками, используя жите-
лей хутора в качестве живого щита. Конечно, они бы
не появились здесь средь бела дня, не вели бы себя так
свободно и открыто, если бы не были уверены в том, что
Зелимхана здесь попросту нет. Но все равно начальник
Назрановского округа князь Андроников, возглавляю-
щий войсковую операцию, остановился подальше от это-
го хутора, памятуя о том, что Зелимхан в рядовых солдат
не стреляет, он метится только в высших офицеров.
С Андрониковым в операции участвовали четыре полка,
и никто из командиров этих полков не появился в хуто-
ре, кроме командира Дагестанского полка Данагуева.

Осмотрев и обыскав в хуторе все что можно, Данагуев
громким и отчетливо слышным голосом, переходящим
порой в крик, стал докладывать обстановку стоящему
вдалеке со свитой Андроникову:

— Весь хутор обыскан! Зелимхана здесь нет! Его се-
мья задержана и находится в наших руках!

Только после этого доклада подошел Андроников
в сопровождении трех офицеров — Афанасьева, Цыган-
кова и еще одного, фамилию которого я забыла. Он дал
своим подчиненным команду собрать всех жителей хуто-
ра: женщин, детей, стариков. Данагуев ответил, что все
уже собраны, и стар и млад, а хутор окружен тройным
кольцом солдат. Андроников выступил чуть вперед
и громко начал свою речь:

— Смотрите, я сегодня пленил вас, семью Зелимха-
на: его детей и жену, а также жену его брата. В то же са-

мое время этот трус, а не Зелимхан, прячется, как крыса в норе. Где он сегодня? Почему не покажется? Это о нем же идет слава в Петербурге, Москве, Харькове, по всей России и даже за рубежом. Посмотрите, мол, какой герой! Даже русский царь, под началом которого находится одна шестая часть планеты, не может нейтрализовать одного Зелимхана. Какой позор для чеченского и ингушского народов, что собственная жена Зелимхана и жена его брата попали в плен! Разве не так? Я думал, что он вылезет сегодня из своей норы и со своими товарищами даст нам бой. Если этот чечено-ингушский герой не подойдет сегодня ко мне (пусть даже с войной), буду считать его хуже старой базарной бабы, продающей иголки с нитками!

Речь полковника, в которой он в основном очернял отца, затянулась. Наступило время обеденного намаза. Когда Андроников закончил, мать, которая поняла, о чем говорил полковник, обратилась к нему с убедительной просьбой:

— Эй, начальник! У тебя дома, вероятно, есть своя семья, может быть и родители у тебя есть. Ты не старый еще мужчина, тебе еще жить и жить, а мой муж, понимая, что ему не приходится ждать милости от царской власти, скидывается по лесам и горам. Он поклялся, что до конца своих дней будет бороться за справедливость, защищать бедных и слабых, что никогда не станет преклоняться перед сильными и богатыми и, пока он живой, не сдастся власти.

И еще добавила мать:

— Не веди эти неприличные и бесстыдные речи в присутствии женщин и детей, если твое начальство не заставляет тебя это делать. Настоящие русские офицеры такого себе не позволяют.

Полковник возмутился:

— Ты кто такая?! Как тебе не стыдно рассказывать об этом хомяке под названием «муж»?! Когда он еще со-

бирается прийти к вам на помощь, защитить вас, бедных и слабых, если не сегодня? В день, когда я веду вас на виселицу убивать, он, как крыса, прячется где-то!

Мать не ступевалась и ответила:

— Сам ты мерзкая и трусливая крыса! Чувствуя, как крыса, свою близкую и неизбежную кончину, ты и стал, видимо, таким развязным. Буду очень удивлена, если ты живым дойдешь с нами до Владикавказа. Я все сказала!

Андроников приказал посадить маленьких детей — Умар-Али, Магомеда и Энисат — на арбу, меня и Зезаг посадить на коней к двум офицерам за их спинами, а Бици — на его лошадь, позади него. Видимо, так они нас рассадили в целях своей безопасности на случай, если Зелимхан устроит засаду. Приказ начальника был выполнен, и в окружении огромного числа солдат мы тронулись в путь. Самым первым ехал Андроников с Бици, за ним — Данагуев со мной сзади, за ними один за другим Афанасьев и Цыганков. Князь Андроников не умолкал ни на минуту, всю дорогу поносил моего отца. Не знаю, то ли он выпивший был, то ли чуть не помешался. Мы достигли уже Ассинского ущелья, когда князь обернулся к сидящей сзади него моей матери и сказал:

— Как перейдем вон тот мост, сделаем привал, а тебе придется станцевать со мной.

Бици через толмача ответила:

— Скажи ему, чтобы не кричал. Клянусь Богом, я ни за что не станцую с ним, хоть он тресни. Но, если хотите правды, я прекрасно знаю, что в такой день, когда его жену и детей, жену брата везут вот таким образом, мой муж не станет отсиживаться в укрытии. Если это не так, пусть я буду базарной бабой!

— Ха-ха-ха! Станцуеть ты или нет, мы посмотрим, как только перейдем вон тот мост, к которому подъезжаем! — смеясь, прокричал он в ответ.

Когда передние ряды солдат достигли моста, прозвучала команда остановиться. Первой на мост ступила лошадь Андроникова с хозяином, напевающим какую-то веселую песенку, и Бици, сидящей позади него. Следом за ними на мост взошли и наши с Зезаг лошади. Вдруг неожиданно прозвучал выстрел, князь грохнулся с лошади навзничь, перевернулся два-три раза на мосту и свалился в протекавшую внизу реку.

Издалека донесся голос отца, который обращался к нам:

— Смотрите не теряйтесь!

Он был метким и хорошо знал, в кого стрелять. В ущелье разносился его громовой голос:

— Русские и дагестанские солдаты хорошо знают, что я в них не стреляю!

Еще два офицера, сраженные пулями нападавших, свалились с лошадей и остались лежать на мосту. Дагестанский офицер Данагуев, который вез меня, тоже, как мертвый, кубарем полетел с коня на мост. Оказывается, он притворился убитым. Правда, его сильно ранило. Четыре раза в Данагуева точно попадали, я сама видела и знаю.

Газета «Терек» написала, что много солдат погибло в том столкновении. Я своими глазами видела четырех убитых офицеров. И ни одного солдата. Но надо сказать, что около двадцати лошадей были ранены, четыре из них, я сама видела, умерли.

Бой продолжался восемь-девять часов. Мы и наши дети все это время находились в гуще событий. Стражники и солдаты пытались оказаться как можно ближе к нам, так как это увеличивало их шансы выжить. Раненого Данагуева подняли и специально положили в арбу, на которой находились дети.

Но отец не позволял никому перейти мост. Он зычно кричал:

— Если хотите выйти из этой переделки живыми и здоровыми, оставьте мою семью и отойдите от них на расстояние!

Бици именем Всевышнего просила отца не стрелять. Она взяла под уздцы лошадь, запряженную в арбу, в которой находились наши дети и раненый Данагуев, и стала переходить мост. Как только она оказалась на той стороне, отец приказал:

— Останови арбу!

И крикнул солдатам и стражникам:

— Всем стоять! Если кто-то из вас предпримет попытку последовать за арбой, я убью его!

Наш брат Магомед стал громко плакать в арбе. Хорошо, что маленький Умар-Али не последовал его примеру. Ему не было и года, и он не понимал происходящего вокруг.

Раненый Данагуев, лежащий на арбе, стал успокаивать Магомеда елейным голосом (оказывается, он в совершенстве владел чеченским языком):

— Не стоит тебе плакать! Иметь такого отца — большая гордость для тебя...

Это был страшный день как для нас, так и для офицеров, которые пришли за нами.

На место боя пришло много ингушей со всех окрестных аулов и хуторов. Они просили Зелимхана ради них и их семей не препятствовать стражникам доставить нас во Владикавказ. Они боялись, что царские сатрапы сожгут их селения.

Зелимхан ответил им так:

— Передайте генералу, сидящему во Владикавказе: если он позволит наказать мою семью, издеваться над ней, я клянусь закопать его в землю.

— Так и передадим, — заверили ингуши.

И нас вместе с трупами офицеров, которые погрузили на телеги, увезли во Владикавказ.

— Не знаю, — сказала Меди в завершение нашей беседы, — я была удивлена тем, что в такой большой перестрелке, продолжавшейся целый день, не пострадали ни мой отец, ни его товарищи. Этого просто не могло бы случиться, если бы солдаты и стражники не стреляли в воздух. Правда, я потом узнала, что отец через своих верных друзей предупреждал солдат, призванных против их воли в армию на двадцать пять лет службы: «Я, Зелимхан, ваш товарищ. Но нет у меня мира с царскими генералами и их приспешниками, которые сосут кровь народа. Не бойтесь моего оружия. Мы вместе!»

Листовки с этим обращением, заверенные своей именной печатью, он распространял среди солдат. И они как могли берегли его.

Рассказ старца Шабазы, сына Суаипа из селения Махкеты

— Нас было пятеро братьев. Два раза над нами нависала угроза кровной мести. Нам пришлось спешно покинуть свой дом, аул и пятнадцать лет скитаться по чужим хуторам и аулам. Если от твоих рук или от рук твоего брата погибал односельчанин, ты должен был со своей семьей покинуть это место. Таков был обычай, и наперекор ему идти было нельзя, иначе бы общество обвинило вас в неуважении. И потом, если кровники узнали бы твое местонахождение, они тут же пришли бы и убили тебя. Бывали случаи, когда вместе с кровником убивали и его жену с детьми. Пострадавшими от нас были самые уважаемые и знатные в ауле люди. Время было такое, что кругом торжествовала вопиющая несправедливость. Какие бы незаконные действия ни творили местные начальники, вышестоящая власть закрывала на них глаза. Никто не пытался различать понятия «право» и «несправедливость», «правда» и «неправда». Короче говоря, тот, кто выиграл в несправедливости, смеялся и радовался, а ее жертва плакала и страдала.

Кроме того, скрывающийся кровник должен был иметь лучшее оружие — без него просто нельзя было жить. Но если ты недостаточно обеспечен, найти и приобрести хорошее оружие было очень трудно. Учитывая то, что в эти трудные времена у нас не было возможности купить оружие, мы, братья, посоветовались и решили записать меня в стражники. В основном я находился в крепости Ведено. Нас, чеченцев, было четыре-пять человек, остальные — русские и дагестанцы. В каждом ауле начальник Веденского округа брал со старшин и с тайных

доносчиков расписки, в которых они, небезвозмездно, брали на себя обязательство не укрывать Зелимхана, а при его появлении тут же сообщать властям в Ведено.

Однажды, кажется в зимнее время тысяча девятьсот пятого года (называю эту дату, потому что в том году рассказывали о революции), получив информацию, что Зелимхана видели в Дарго, нас в составе трехсот человек по большому снегу перебросили туда. В тот же день мы вернулись в крепость очень уставшими и крепко спали, когда нас снова подняли по тревоге. Прозвучала команда: «Седлать коней!» Мы неохотно, но все же выполнили приказ. Нас построили в колонну по три всадника. Я оказался в шести-семи метрах сзади нашего командира (забыл его имя).

Он громко крикнул:

— Слушайте меня! Смотрите, вот этот человек пришел с доносом, что Зелимхан находится в данное время в Сельментаузене у Чагараева Амхада!..

Осведомителя мы по очереди везли на своих лошадях, которые выделялись среди других своей силой и выносливостью. Его лошадь изнемогла, когда он спешил к нам с важным сообщением, и пришлось оставить ее в Элистанжи. Ночь выдалась очень морозной, так что даже плевков замерзал в воздухе на лету. А солдаты что делали? Они набирали полный рот слюны и плевали прямо в лицо доносчика. Ехавший впереди командир не оглядывался и поэтому не видел ничего. Он от холода укутался в бурку и башлык и двигался вобрав голову в плечи, полусогнувшись. Получив в лицо очередной смачный плевок, доносчик молча вытирал его рукавом черкески и ничего не предпринимал. Правда, он был не из нашего аула, мы его не знали. А если и знали бы, то не могли бы раскрыть его имя, так как нас, четверых чеченцев, обязали при приеме в стражники дать шариатскую клятву, что не будем разглашать

подобные секреты. Доносчик — чтоб его отец лежал со свиньей в одной могиле! — не ради славы старался и не потому, что Зелимхан был его врагом. Все дело было в сотне золотых монет, которые были ему обещаны властью в Ведено за донос в случае успеха дела. Но пока в его адрес сыпались только триста наших проклятий.

Когда стало рассветать, мы увидели удивительное зрелище! Можно было подумать, что перед нами мельничный деревянный столб, покрытый толстым слоем льда: до того стукач был оплеван солдатами, слюна замерзла прямо на нем. И все из-за того, что по его милости их не вовремя подняли с теплых постелей и отправили на задание, несмотря на студеную ночь.

Я спросил у Шабазы:

— Ну, а Зелимхана вы нашли?

— Оказывается, это был не Зелимхан, а дагестанец из Дарго — кровник, который бродил повсюду с ружьем за спиной. Мы окружили хижину, на которую указал доносчик, и стали ждать, когда окончательно рассветет. Увидев Амхада, вышедшего из дома по нужде, я сказал своему начальнику, который полулежал на животе чуть вдалеке от нас на небольшой возвышенности, что хочу окликнуть его.

Тот приказал мне:

— Быстро подойди к нему и узнай, что к чему!

Я подбежал к Амхаду и объяснил ему цель нашего пребывания здесь.

— Нет, это не Зелимхан, — сказал он. — Его я и в глаза не видел. Правда, в доме у меня лежит почти полностью раздетый гость, которого вши одолели. Из-за них он не спал почти всю ночь и только под утро заснул. Немного подозрительный тип. Говорит, что он с гор, но диалект не горский.

— Хорошо, — ответил я и пошел докладывать своему командиру.

Тот выделил мне пятерых солдат, приказал доставить гостя Амхада к нему и добавил:

— Смотрите, свяжите ему руки! А то еще выкинет чего-нибудь. Кто его знает, может он и есть Зелимхан? Хозяин же сказал, что он подозрительный.

Во главе со мной мы зашли в каморку Амхада. Если честно сказать, я уверен был, что гость — не Зелимхан. Иначе не стал бы туда и заходить. Изможденный человек лежал полураздетым, как и говорил хозяин, на войлочном ковре, с которого наполовину сполз. Солдаты разбудили его и, посмеиваясь над его видом, заставили одеться, связали и повели к нашему командиру.

Командир спросил:

— Откуда ты?

— Из Дарго. Дагестанец, сорок пять лет. Из-за кровной мести не живу на одном месте, — последовал ответ.

После этого мне и еще четверем солдатам приказали их обоих — доносчика и кровника-даргинца — пешком отконвоировать в Ведено. Строго запретили сажать обоих на лошадей. Давя лошадьми, как собак, мы погнали их в Ведено к Добровольскому.

Что с ними потом стало, не знаю. Но в ту ночь и впоследствии я понял одно: русские солдаты, которые должны были отдавать службе лучшие двадцать пять лет жизни, любили Зелимхана больше, чем своих командиров, которые обращались с ними как с собаками. Для них хорошими вестями становились сообщения, что Зелимхан, опустошая почту, банк, убивая офицеров, не убил ни одного солдата. Они рассказывали друг другу, что Зелимхан поклялся не стрелять в солдат. Я сам видел письма Зелимхана к ним. А он обращался к солдатам не только Веденского округа, но и соседних округов. Он писал им: «Не бойтесь меня, я ваш товарищ». А старшин аулов Зе-

лимхан заставлял скреплять эти письма своей печатью. Солдаты читали письма, передавали друг другу, а затем, пока командиры не увидели, уничтожали.

Зелимхан много раз уходил из окружения, от погони благодаря тому, что солдаты не стреляли в него, предпочитая палить в воздух.

Мне трижды доводилось участвовать в операциях по поимке Зелимхана по доносу информаторов. Однажды весной, во время пахоты, пришел очередной сигнал, что Зелимхан находится в Махкетах у Берснака, его родственника по материнской линии. С наступлением сумерек мы с солдатами (я был единственным чеченцем среди них) поскакали туда, окружили дом, в котором, по поступившей информации, скрывался абрек. Солдаты, стоявшие в кольце, были расставлены на расстоянии минимум в десять метров друг от друга так, чтобы каждый из них видел рядом стоящего. Мы до самого утра простояли в тишине, нарушаемой только собачьим лаем. И, как в случае с кровником-дагестанцем из Дарго, командир приказал мне взять с собой десять солдат и пойти в дом.

Очень тяжело было выполнить этот приказ. Наш командир сам находился подальше от дома, в укрытии у обрыва, ибо хорошо знал, что Зелимхан стреляет только в обладателей пестрых погон. Я потихоньку подошел к двери дома и спросил:

— Есть кто внутри?

— Конечно есть! — донеслось оттуда, и ко мне вышел Берснак, которому я объяснил, почему мы здесь.

— Пожалуйста, смотрите везде сколько хотите! Вот уже пять лет, как меня мучают из-за этого Зелимхана!

Мы осмотрели всё и никого не обнаружили. Правда, в доме лежал, издавая стоны, один тип — по словам Берснака, его родственник.

А Зелимхан, оказывается, незаметно ушел ночью, спрыгнув в тот самый обрыв, где прятался наш командир. Узнав, что его окружили в доме, Зелимхан определил, что это могло произойти только по доносу этого типа, который сидел, как ни в чем не бывало, вместе с ними. Вот и надавали ему тумачков. Об этом я узнал, когда мы ни с чем вернулись в Ведено, а я отправился в трехдневный отпуск домой. Позже я узнал, кто этот тип и кто его избил. Узнал также, что власти заставили его вернуть под строжайшим секретом денежное вознаграждение, которое он получил за ложный донос.

С того самого случая у нас в ауле любили поговаривать: «Чтобы каждого доносчика постигла такая же „лицеприятная удача“, как нашего стукача».

В третий раз нас подняли ночью и направили в горы на границу Элистанжи и Ригахоя, тоже по доносу, что якобы Зелимхан скрывается там. На этот раз нас сопровождал самый главный начальник Добровольский со своим помощником-дагестанцем, забыл его имя. По разбитой горными потоками дороге мы с трудом поднялись наверх. Осведомитель показал нам стоящую внизу на лесной поляне и носящую имя своего владельца Чими одинокую хижину, в которой скрывался Зелимхан. Как и в двух предыдущих случаях, мне поручили пойти к хижине на разведку. Но на этот раз не с кем-нибудь, а с самим доносчиком, хорошо знавшим местность и указавшим, что Зелимхан находится здесь.

Еще издали мы увидели через открытую дверь хижины огонь. Никого не было видно. Ночь выдалась достаточно светлая, лунная. Мы шли по дорожке, которая выводила нас прямо к хижине. Вокруг были высокие заросли крапивы, которые едва не скрывали нас, сидящих на лошадях. Мы — впереди мой напарник и я за ним, немного осмелевшие от отсутствия кого-либо, — при-

близились к хижине. Вдруг кто-то выскочил из-за нее и крикнул, обращаясь к моему спутнику:

— Ой, неужели это ты?! Слезай быстро, слезай!

Мой спутник в бурке прыгнул с коня, а тот продолжал:

— Кто с тобой?

— Шабаз из Махкетов...

— Значит, он гость. Но ты уже давно — нет! Привяжите своих лошадей...

Зелимхан, а это был он, достал из кастрюли вареный курдюк и вместе с кукурузной лепешкой положил перед нами. И стал допрашивать моего спутника:

— Слушай, ты! Я прекрасно знаю, что ты охотишься за мной, доносишь на меня; знаю, кому, где и что ты сказал; знаю, как ты стал старшиной. Я знаю, сколько денег тебе обещали в случае моей поимки! Чтоб ты и твой отец были погребены со свиньей! Я кого-нибудь убил у тебя?! Отца твоего убил, брата?! Или я водил шашни с твоей матерью, женой, сестрой?! В чем я провинился перед тобой?! А ну, рассказывай сию же минуту, мразь!

Мой напарник дрожал от страха. Зелимхан велел ему быстро раздеться. Тот торопливо скинул с себя одежду и остался в одном нижнем белье. Но абрек на этом не остановился и, прикрикнув на него, заставил еще и белье скинуть и остаться в чем мать родила. Затем он приказал ему набросить на себя бурку, отвел туда, где крапива росла наиболее буйно. Скомандовал лечь на живот, затем поднял его на четвереньки и заставил ползать по всему участку, где росла крапива, пока она вся не полегла.

Я спросил Шабазу:

— А зачем Зелимхан заставил доносчика накинуть на себя бурку, а затем ползать в ней?

— А затем, чтобы крапива обожгла все части его тела, — был ответ.

Затем Зелимхан продолжил «воспитательную работу» с моим спутником:

— Ты, собака безродная, я не убиваю мирных людей; выкуп за меня, тигра, такой мрази, как ты, недозволен! Клянусь Аллахом: если я отныне узнаю, что ты сделал хоть один шаг, чтобы выследить меня, я убью тебя в качестве жертвоприношения вашему аулу!

К этому времени уже совсем рассвело. Зелимхан хотел отправить моего напарника к своим нагишом, но я попросил его вернуть тому одежду.

— Хорошо, раз ты первый раз гостишь у меня, я удовлетворю твою просьбу, — сказал Зелимхан и разрешил своей жертве надеть нижнее белье.

Когда тот распахнул бурку, мы увидели на всем его теле такие страшные ожоги, что и врагу не пожелаешь.

Самым удивительным было то, что Зелимхан сказал доносчику:

— Иди зови своих хозяев. Я — здесь.

Мой напарник не мог произнести толком ни слова. Мы побаивались подойти к нашему отряду — они ведь могли спросить, почему мы заставили их так долго ждать. Но он придумал такую легенду. Когда мы обошли вокруг хижины и поняли, что Зелимхана нет, решили возвращаться. В этот момент лошадь под ним испугалась чего-то, резко рванулась и понеслась; от неожиданности он упал, зацепился ногой за стремя, и лошадь поволокла его по крапиве, пока не порвался ремень, на котором держится стремя. Потом долго не могли поймать лошадь, пока не загнали ее в тупик на речке близ Элистанжи. Так и объяснил мой спутник причину нашего долгого отсутствия, а я подтвердил его рассказ. Всю правду о случившемся доносчик рассказать не пожелал.

— Хорошо, Шабаз. А как так получилось, что Зелимхан тебя не тронул? — спросил я.

— Сын мой, он прекрасно знал, как и почему я попал в стражники. Знал, что я на него никогда не донесу, а вот помочь — помогу. Когда мы с братьями вынуждены были покинуть аул и скитались по разным местам, мой старший брат женился на сестре Зелимхана. Сына моего брата, племянника Межида, родила его сестра. Был у них еще и старше Межида сын по имени Эски, но он умер.

Меня посадили на три месяца, а по истечении этого срока уволили. Моего старшего брата — зятя Зелимхана — арестовали и судили. Но надо сказать, что даже под угрозой казни через повешение мы, братья, не сдали бы властям Зелимхана. И он это хорошо знал. Кроме того, Зелимхан мог оставить у нас для сохранности или спрятать все, что он пожелает. Во время моей службы в стражниках форма у меня должна была быть черной. Зелимхан знал, что на мне всегда черный суконный бешмет, черная шапка, а в строю я стою по росту третьим. Так продолжалось до тех пор, пока кто-то не донес властям о наших с Зелимханом взаимоотношениях.

Если сказать, что было потом, то власти узнали, что на самом деле произошло в ту ночь в горах на границе Элистанжи и Ригахоем. А как не узнаешь, если сам Зелимхан написал им: «Я же присылал к вам вашего информатора с предложением посетить меня. Но вы не пришли. Вы не абрека ищите, а поедаете задаром чермоевских овец».

Прошло около недели, как мы вернулись оттуда, когда сельчане выгнали из своего аула без права проживания в нем ставшего уже известным всем доносчика. И остался он с теми, кто любит власть царя Николая, и в разлуке со своими односельчанами, которых он и не жаловал.

Сын мой, раньше говорили так: «Чтоб у всех доносчиков была такая же слава, как у того типа, который напрасно прокатился на лошади, пытаясь помочь поймать Зелимхана!»

Когда я вел эту беседу с Шабазом, мне было пятнадцать-шестнадцать лет, а он был прикованным к постели старцем.

Рассказ старца Дики из Сельментаузена о Зелимхане

— Зелимхан, Бехо и Гушмаца были нашими близкими людьми. Когда мы жили в Черми, Бехо часто бывал у нас. Он и Гушмаца хорошо знали, что от нас не стоит ожидать коварства, измены и нечестности.

Зная о добрых отношениях наших старших, Зелимхан тоже часто навещал меня.

А находящийся в крепости Ведено полковник тоже хорошо знал, с кем Зелимхан поддерживает дружеские отношения. Кажется, полковника звали Добровольским. Как-то вечером он прислал ко мне старшину нашего аула Серби, который сообщил, что я вызван завтра утром к восьми часам к полковнику в крепость Ведено. И строго добавил:

— Явиться обязательно!

— Хорошо, пойду, — ответил я и проводил его.

Правда, я очень беспокоился, переживал, не зная, что хочет мне сказать такой большой начальник. Утром следующего дня я пошел в Ведено. Накануне всю ночь я не сомкнул глаз, потому что знал, что в любое время тебя могут без видимой причины забрать и посадить в тюрьму, откуда ты мог и не вернуться.

Спросив разрешения начальника, меня ввели в его кабинет. Он пошел мне навстречу и принял с радушием, как своего старого друга, взял под руку и подвел к стулу. И сразу принялся за дело — начал беседу со мной через толмача:

— Мне рассказали, Дики, что ты в приятельских отношениях с Зелимханом. Это правда? Если будешь врать, знай — ты пойдешь в тюрьму.

— С момента рождения не врал и говорил только правду.

— Хорошо. Как вы стали друзьями? — последовал вопрос.

— Пока вчера мне не сказали, что ты вызываешь меня, я не знал, кто ты. Не видел тебя, хотя был наслышан. Весть о том, что я вызван к тебе, зажгла у меня в груди огонь, из-за которого я не спал всю ночь. Потому что ты — начальник, а я — маленький человек, который от неустроенности жизни ушел на хутор, поставил хижину и перебивается там кое-как. Видишь ли, вчера в позднее время ко мне явился не кто иной, как сам Зелимхан, с ног до головы обвешанный оружием. Уселся и заявил: «Придется тебе делать то, что я тебе скажу!» Я не стал скрывать от него, что побаиваюсь власти. А он мне: «Я без твоего ведома пришел сказать тебе. Если ты или члены твоей семьи допустите предательство, вероломство по отношению ко мне, то знай: мои товарищи — опасные люди, и вам несдобровать...» Я не посмел возразить что-либо этому непрошеному гостю.

Рано утром ко мне пришли по своим делам три человека, и они узнали в моем госте абрека Зелимхана. Уезжая от меня, он обратился ко мне прямо с лошади:

— Дики, я у кого попало на ночь не останавливаюсь. Еще мои старики рассказывали про тебя как про одного из самых надежных и достойных среди чермойцев, поэтому я так свободно пришел к тебе и переночевал. Если у тебя или у твоих домочадцев вдруг когда-нибудь появится ко мне дело, вот тогда и посмотрим. А так произносить сейчас громкие речи не хочу.

Поблагодарив меня, моих жену и детей, Зелимхан уехал.

Ты сказал: «Говори правду». Я тебе ее сказал.

— Хорошо тогда. За то, что ты рассказал правду, полковник прощает тебя, — сказал толмач. — Ты должен

знать, что он не оставляет безнаказанным человека, который оказал Зелимхану гостеприимство. Почему он тебя вызвал? Ему надо сегодня попасть во Владикавказ. Но он опасается ехать и туда, и в Грозный. Зелимхан прислал ему сообщение, чтобы полковник остерегался его. Это после того, как полковник сделал громкие заявления, озвучил угрозы в адрес абрека и они дошли до него. Между нами говоря, полковник сам виноват, конечно. Твои же люди рассказали ему о ваших с абреком добрых отношениях, и он хочет, чтобы ты сопровождал его, пока он не проедет Шали, так как в твоём присутствии будет чувствовать себя в безопасности. Через два дня полковник будет возвращаться. Ты можешь подождать его в Шали, можешь уехать — лишь бы через два дня в два-три часа пополудни ты прибыл на пост стражников в Шали, чтобы сопровождать его в Ведено.

Я очень удивился тому, что рассказал мне толмач, и спросил:

— Это что такое?! Он же начальник округа! У него же целое войско в подчинении! Почему он должен опасаться одного человека?

— Оставь, Дики. Он очень хорошо знает, как метко стреляет Зелимхан. Что толку с этого войска? Говорят, абрек поклялся.

— Хорошо тогда. Скажи ему, что я готов ехать с ним, — сказал я, вспомнив слова Зелимхана о его готовности помочь мне в случае чего.

Я уселся рядом с кучером в фаэтон полковника, и мы тронулись в путь. Не доехали мы до Беноя, как нам преградили дорогу. Прозвучала команда на русском:

— Стоять! Кто такие?!

Это был Зелимхан.

Спрыгнув с фаэтона, я подошел к нему. Он узнал меня и удивленно спросил:

— Ты куда это собрался? Кто с тобой?

Я ответил, что со мной едет полковник Добровольский.

— Дики, я стараюсь всегда отвечать за свои слова. Из-за этого порой и страдаю, — сказал Зелимхан. — Смотри, Дики, в другой раз не оказывайся рядом с этим кровопийцей. Нехорошо, если я подведу тебя сегодня и мне придется нарушить свое слово. А этого злодея я найду в другой раз. Знаю, конечно, что это произойдет лишь тогда, когда настанет его час. Счастливого пути, Дики!

— Зелимхан, через два дня мы вернемся в Ведено. Прошу тебя, не омрачай нам дорогу, не предпринимай ничего. Я не по своей воле еду с ним. Когда мне сообщили, что меня вызывает полковник Добровольский, я даже не думал, что вернусь к своей семье. Кто-то — чтоб у него язык отнялся! — донес ему, что мы с тобой друзья.

— Хорошо тогда. Даю тебе слово, что не появлюсь на этой дороге через два дня. Но в другой раз, даже если ты поедешь с ним, коли у меня хватит сил, живым он от меня не уйдет. Не говори потом, что я не предупреждал тебя, — сказал Зелимхан и скрылся.

А мы поехали дальше. Через два дня я встретил полковника, как мы и договаривались, и сопроводил его в Ведено.

Не успел я дойти до дома, радуясь, что избавился от них обоих, как ко мне снова пришел наш старшина Серби:

— Тебе завтра снова надо в Ведено к полковнику.

«Да чтоб он сгорел синим пламенем!» — подумал я и снова утром пошел в Ведено.

В приемной я спросил разрешения и зашел к Добровольскому.

Полковник улыбался и был даже более приветлив и словоохотлив, чем в прошлый раз. А у меня гулко сту-

чало сердце, словно хотело выскочить из груди. Я же не знал, что они приготовили мне на этот раз.

Толмач сказал:

— Ты приглашен сегодня полковником, чтобы он сообщил тебе радостную весть.

Я удивился, не зная, что он собрался мне сказать. Полковник усадил меня рядом с собой и начал говорить. Толмач переводил:

— Он говорит, что в знак особого уважения решил сделать тебе подарок — назначить твоего сына старшиной аула.

— Не надо! — возразил я.

— Он говорит, что дарит тебе десять десятин земли.

— Не надо! — снова сказал я.

— Потом он говорит: у тебя есть дочери, для них он дарит двадцать аршин ткани и золото на изготовление ювелирных изделий.

— Не надо ни золота, ни серебра!

— Ты посмотри на него! Наверное, денег хочешь?

— И денег я не хочу!

Весь наш разговор толмач перевел полковнику.

Тот сказал:

— Говори, чего желаешь. Все сделаю!

Если коротко, он хотел сказать, что я его спас от неминуемой смерти. Но он не знал про запрет, который вынес абрек: «В другой раз не окажись рядом с этим мерзавцем».

Я попросил:

— Слушай, толмач, передай ему ровно то, что я тебе скажу. Я бедный человек, беднее меня не бывает. Я мог бы попросить его об одном деле, хотя он не готов выполнить это. Я попросил бы его сделать так, чтобы Зелимхан не приходил ко мне больше, но он не в состоянии сделать так. И еще я хотел бы... Если осведомители вдруг донесут ему, что Зелимхан у меня, пусть он знает, что я

абрека не приглашал. Буду считать, что полковник дал мне золота, серебра, денег, десять десятин земли, буду считать, что он поставил моего сына старостой, если он не пожелает, чтобы я его сопровождал еще куда-нибудь. Передай ему, что это и есть моя самая заветная просьба!

Добровольский очень удивился:

— Почему он так говорит?!

— Не имею права лгать: Зелимхан предупредил меня, чтобы я больше не ездил с вами и что больше он не пойдет мне навстречу.

От удивления полковник изменился в лице. Он дал мне слово, что больше не позовет меня. Я вернулся домой в приподнятом настроении.

Но надо признаться, что я не расслаблялся. Опасался, что снова позовут к полковнику или кто-то донесет на Зелимхана, когда тот остановится у меня, и тогда произойдет вооруженная стычка с неизбежными в таких случаях последствиями.

Зелимхан, как будто чувствовал мое состояние, ко мне больше не приходил. Но в горах я не раз оказывал гостеприимство этому храбrecу.

Да, сын мой, смелым, благородным и достойным человеком был Зелимхан! — закончил свое повествование старик Дики из Сельментаузена.

Рассказ Адольфа Миллера

— Мой двоюродный брат и сосед Арнольд Шиллер, глава большого многодетного семейства, был очень бедным человеком. В долине реки Терек у него имелись в пользовании две-три десятины пахотной земли, но половину урожая с нее забирал в виде налогов станичный старшина. Такая же ситуация с землями была и у остальных станичников, но самое бедственное положение было у Арнольда. У него была в хозяйстве рабочая лошаденка, но она имела очень жалкий вид: маленькая, хребет торчит, ребра так выпирают, что их легко пересчитать; одним словом, кожа да кости. Люди запрягали для вспашки двух лошадей, а Шиллер в один из весенних дней пытался вспахать свой участок этой костлявой клячей, когда неожиданно к его полю подъехал всадник, которого он раньше здесь не встречал. Оказывается, тот проезжал мимо и увидел тщетные попытки Шиллера и его изможденной лошаденки попасть в борозду.

Всадник подозвал Арнольда к себе и обругал его:

— Ты зачем мучаешь это бедное животное?! Оно же вот-вот отдаст Богу душу! Распряги ее сейчас же!

— А что мне делать?! Я же должен семью из десяти детей-ртов как-то прокормить! Пятьдесят процентов прошлогоднего урожая забрал старшина в доход государства. Все остальное ушло на прокорм детей. Скармливать лошади я его не мог — тогда не хватило бы детям. К тому же жена болеет второй год. Вот я и пытаюсь хоть что-то сделать тем, что имею: по одной, по две борозды...

Наездник полез в один из карманов переметной сумы, достал оттуда деньги и, отсчитав тридцать рублей, протянул их Шиллеру:

— На, возьми!.. Купишь себе на эти деньги хорошую ломовую лошадь для поля. Я буду возвращаться, и если увижу на пахоте этот скелет, тебе несдобровать! И еще... Знай, что я ненавижу в людях ложь и несправедливость, и со мной они не пройдут. Если хочешь знать, кто я, то я — абрек Зелимхан!

После той встречи Шиллер купил себе хорошую лошадь, а на оставшиеся деньги купил детям одетаться-обуться.

Об этом случае в нашей станице узнали, и все жители Моздока выразили Зелимхану огромную благодарность.

Наша станица, расположенная в двух верстах от Моздока, насчитывала триста дворов, и большинство населения слыло мастерами рыбной ловли. Земельные наделы были очень маленькими, к тому же половину урожая приходилось отдавать власти, поэтому приходилось туго. Несмотря на запреты и штрафы, люди вынужденно промышляли незаконной ловлей рыбы, благо свободного времени у них для этого было достаточно.

По совету старшины сто сорок человек станичников, в том числе и я, поехали как-то летом на заработки на Каспий. Почти четыре месяца мы ловили рыбу, а потом двадцать дней сидели и ждали, когда хозяин произведет расчет и выплатит нам заработок. В конце сентября мы узнали, что трудились всё это время задаром. Тогда мы в течение недели безуспешно пытались попасть на прием к большому начальнику в Порт-Петровске.

Под конец, когда стало совсем невмоготу, нас, десять человек, посадили за решетку и предупредили:

— Вам не положено ни копейки выплат. То, что вы заработали, вы съели, поэтому хозяин с вами в расчете. Если вы по-быстрому не уберетесь домой, вас отправят на каторгу.

Через шесть суток нас выпустили, предварительно заставив подписать бумаги о том, что мы не имеем никаких

имущественных претензий к человеку, который нас принимал. Пришлось возвращаться домой ни с чем. Железной дороги в Моздок тогда не было, и мы три дня пешком добирались до дома.

Пока мы работали на Каспии, а потом добивались расчета и в результате ничего не добились, оставшийся дома Шиллер не сидел сложа руки. Лошадь, приобретенная для него Зелимханом, вспахала его участок, и он вырастил на нем хороший урожай, заготовил много сена и теперь припеваючи сидел дома.

И тут в станице произошло довольно интересное событие. Поздно ночью пришли какие-то неизвестные люди и вместе с нашим старостой скрылись в неизвестном направлении. Станичники недоумевали и не понимали, что происходит. Но на второй день после обеда старшина пришел домой. На вопросы «Где ты был, что делал?» он неохотно отвечал, что отлучался по своим делам; мол, никто его никуда не забирал. Но станичники заподозрили неладное.

В то время, когда мы еще находились на Каспии, к Шиллеру приезжал Зелимхан и застал его очень грустным. Абрек поинтересовался причиной его печали.

Арнольд ответил:

— Да, Зелимхан, благодаря тебе я одел и обул всех своих детишек, и они стали похожими на людей; благодаря тебе у меня самая лучшая в станице лошадь. С этой лошадью я заготовил много сена и беззаботно могу теперь перезимовать. Не стану скрывать от тебя: я на радостях рассказал кое-кому о нашей встрече на поле, обо всем том, что ты мне тогда сказал, о том, как ты дал мне денег, заставил распрячь и отпустить ту старую лошаденку. Сегодня старшина вызывал меня к себе и стал нагонять страх, угрожать. Вот и тревожно у меня на душе и тоска гложет...

Когда между Зелимханом и Арнольдом состоялся этот разговор, мы были на море, как я отметил выше. Но мы

были дома, когда старшина исчез ночью с какими-то людьми. Оказывается, это Зелимхан «пригласил» тогда старшину показать ему во всей его красе седой Терек, который катит свои могучие темные волны, а заодно высказать ему свои претензии:

— Если ты еще раз кому-то (о Шиллере и говорить не приходится) упомянешь наши с Арнольдом имена, знай, что твой труп будет сброшен в воды Терека, который ты сейчас видишь. Знай, что я делал с такими, как ты, несправедливыми старшинами и старостами в Чечне, Дагестане и Ингушетии. Смотри, остерегайся моего суда!

С перепуганного старшины, который жалел, что и на свет родился, Зелимхан взял еще и расписку о том, что тот не будет упоминать попусту их с Арнольдом имена. А на прощание сказал:

— Если ты нарушишь наш договор, то эта бумажка отправит тебя в Сибирь.

С этим условием и отпустил абрек старшину, заставив его таким образом замолчать.

Шиллер рассказывал, что после этого старшина заметно изменился в лучшую сторону. Он да и мы знали, что абрек когда-нибудь вернется. Шиллеру понятно было, что Зелимхан встряхнул старшину из-за него. Абрек дал ему слово: «Больше старшина к тебе придирааться не будет». Все эти подробности Арнольд рассказывал мне потому, что мы являлись двоюродными братьями и он мне полностью доверял.

Я попросил брата сообщить мне в следующий раз о приезде Зелимхана. После этого, снова в апреле месяце, Зелимхан с пятью своими товарищами навестил Арнольда на его поле. «Гости были очень веселыми», — рассказывал тот.

Вот тут он и сказал Зелимхану:

— Мой двоюродный брат очень просил меня сообщить ему о твоём приезде.

— Ну так привези его сюда быстро, — послал тот Арнольда ко мне.

Мы как можно быстрее поскакали к ним в долину Терека.

Обменявшись с Зелимханом (я его сразу узнал по описанию Арнольда) рукопожатием, я поприветствовал его, поблагодарил, как умел, за помощь, которую он оказал моему брату. А затем попросил его хорошо выслушать меня и рассказал ему о беде, связанной с невыплатой нам в прошлом году за работу.

— Подожди, — остановил он меня. Достал пять рублей, вручил их Шиллеру и попросил его съездить в станицу, купить одного-двух индюков, сварить их и привезти.

Арнольд стал отказываться брать деньги, сказал, что у него у самого есть в хозяйстве индюки и нет необходимости покупать их. Но Зелимхан настоял на своем:

— Оставь! Делай быстро, что тебе говорят, если хочешь оказать нам гостеприимство. Немецкий кофе бывает хорошим, и хлеб у них вкусный! Так что разговоры — в сторону! Давай быстрей!

Затем абрек обратился ко мне:

— Вот теперь рассказывай свое дело быстренько!

И я подробно изложил ему нашу общую со станичниками беду:

— В прошлом году мы, сто сорок человек, четыре месяца работали на Каспии, ловили рыбу для хозяина. Производить с нами расчет он не стал, заявил, что мы больше съели, чем заработали. Мы хотели попасть на прием к большому начальнику в городе, но нам не удалось это сделать, наоборот, некоторых из нас даже посадили.

— Хорошо, Миллер, мы сделаем так, что расчет с вами произведут. Ты только не упоминай своим товарищам моего имени. Ты вот что сделай. Составь два списка тех,

кто работал с тобой, и отдай мне. Укажи суммы, которые вам были обещаны. Я напишу вашему хозяину, на которого вы работали. Если он живой, он отдаст ваши кровные заработанные деньги, если же он отдал Богу душу — тогда у нас ничего не получится. Письмо я заверю печатями: своей и старосты того поселения, где живет этот ваш должник. Кроме того, он не узнает, что я стараюсь ради вас, что состоялась наша встреча. Хотя он меня и не видел, он должен знать, что я в меру своих сил всегда помогаю обездоленным и бедным. Если и не знает, то мы сделаем так, чтобы он знал, — сказал абрек, посмотрев на своих товарищей.

— Ты посмотри на этих львов! — добавил он. — Миллер, знай: письмо, которое я напишу вашему хозяину, возымеет свое действие. Ты вот что еще сделай. В середине мая наведайся к нему со своими товарищами, с которыми провел в заточении шесть дней, и потребуй, чтобы он отдал ваши деньги. Даю тебе слово: если он воспротивится, то или заплатит вам в двойном размере, или попросится со своей головой.

Как Зелимхан мне и сказал, мы вдесятером отправились в Каспийск и застали нашего обидчика на месте. Он был очень грустен. Мы потребовали у него, чтобы он произвел с нами расчет. Он выплатил наш заработок и взял с нас расписки в двух экземплярах. Я хорошо знал, что второй экземпляр расписки нужен для Зелимхана.

Самое удивительное — это просьба, с которой к нам обратился наш, теперь уже бывший, должник. Он попросил нас не жаловаться на него больше. Дал слово своевременно выплачивать заработанное нами, если мы согласимся поработать у него еще, и к тому же разрешить нам в конце сезона взять по одному мешку вяленой рыбы, чтобы обрадовать дома своих детишек.

— Вот таким, сын мой, славным был Зелимхан, — закончил свой рассказ Адольф Миллер.

Как познакомились Тапа Чермоев и Зелимхан. Рассказ Исала из Новых Атагов

— Аюб из Старых Атагов — симпатичный молодой человек — был другом моего брата Дики. Благодаря отцу, в свое время отдавшему его в русскую школу, он был образован, прекрасно владел устным и письменным русским языком. Аюб знал и видел, как представители царской власти проявляют беззаконие и несправедливость по отношению к чеченцам и ингушам, угнетают их. Он отсидел срок только за то, что не мирился с подобными фактами, требовал от местного начальства и приставов прекратить произвол, чинимый ими над населением. Не успел он вернуться домой после отсидки, как его снова захотели посадить. Аюб каким-то образом узнал об этом и присоединился к абреку Зелимхану, став одним из его самых верных друзей. Саламбек и Аюб — это два «крыла» Зелимхана. Никому он не доверял так, как доверял им.

Однажды — а дело было в осеннюю пору, когда повсеместно шла уборка кукурузных полей, — у нас проходил белхи¹ по очистке початков. Трудились в основном молодые девушки, а парни наблюдали за их работой, поднимая всем настроение своими безобидными шутками и взглядами. Вдруг откуда ни возьмись появился скрывающийся от власти Аюб. С ним были еще двое мужчин, нарядно одетых и на красивых лошадях. Не по-

¹ Белхи (чеч.) — помочь, коллективная поддержка одноаульца или родственника в выполнении какой-либо работы.

казываясь участникам белхи, Аюб подозвал к себе Дики и сказал ему: «Пусть гости, пока готовят есть, посидят на белхи, на девушек посмотрят, а потом мы уедем». Примерно через час они, как и собирались, поели и ускакали в ночь. На мой вопрос: «Кто был с Аюбом?» — Дики рассказал мне, что это были ингуш Саламбек и абрек Зелимхан из Харачоя. Он тоже знал о них до сегодняшнего вечера лишь понаслышке. Аюб как-то рассказал Зелимхану о нас как о самых лучших и надежных друзьях, и тот попросил познакомить его с нами. И вот Аюб сделал это при первом представившемся случае. После той первой встречи мы подружились с абреком, часто встречались, делились сокровенным. Через некоторое время Зелимхан как-то высказал моему брату мнение:

— Дики, того, что о человеке отзываются хорошо, для меня недостаточно. Может, у меня это и плохая черта, но для своего удовольствия я не сближаюсь с человеком, не подпускаю его к себе близко, пока не встречу с ним лицом к лицу, не определю своими глазами цвет его глаз. Да, Дики, благочестие на лице дорогого стоит. Аюб много рассказывал мне о тебе и о твоём брате Исале. И вот теперь я могу сказать с полной уверенностью, что он не ошибался в вас.

До самой смерти Зелимхана у нас сложились с ним самые близкие, можно сказать, братские отношения. Он умел вести себя, был очень чистоплотным и одевался хорошо. Правда, никто из наших домочадцев и родственников не знал, что он — Зелимхан. Мы его называли Ахмедом, с которым познакомились на Тереке, куда отгоняли овец на зимние пастбища.

Как-то ночью меня разбудил стук в окно. Я быстро выскочил на улицу: стоит Зелимхан на своём черном коне. После обмена приветствиями он спросил:

— Нет ли у нас гостей? Что нового в ауле?

— А ничего нового. Мы живы-здоровы. Слезай, — ответил я и решил помочь ему, подержав стремя.

— Не надо, — отказался он от помощи, — не такой уж я и старый. Даже на вечеринке сегодня побывал.

Зелимхан спрыгнул с коня. Проводив его в комнату для гостей, я поухаживал за его конем, задал ему корм. Разбудил Дики и сноху, чтобы она приготовила чего-нибудь поесть. Когда мы втроем уселись в ожидании, когда сноха принесет еду, я спросил у абрека:

— Зелимхан, а как ты попал на вечеринку?

— Случайно, — ответил он. — Мне надо было встретиться с одним человеком из Суьйр-Корта. Когда я поднялся туда, откуда-то издалека до меня донеслись очень красивые звуки гармони. Я не смог проехать мимо и направил своего коня к дому, откуда слышались эти переливчатые звуки. Решил послушать немного гармонь и поехать дальше. Подъехав к дому, я заглянул в окно. Стояли четыре девушки, там же находилось еще и двое молодых людей. Я не удержался, связал путами ноги своего коня и зашел в комнату, где проходила вечеринка. На мое «Ассалам алейкум!» гармонистка оторвалась на миг от инструмента и привстала, а те двое не только не ответили на мое приветствие, но и даже не посмотрели в мою сторону. По правде говоря, я ожидал, что они скажут: «Ва алейкум салам!», возьмут у меня бурку и повесят; короче, думал, что они проявят свойственное нашим людям гостеприимство. Здесь этого не было. Я постоял немного в нерешительности и, подложив под себя полы своей бурки, присел позади этих двоих молодцов. После довольно длинной грустной мелодии один из молодых людей велел гармонистке сыграть танцевальную мелодию и вытолкнул в круг своего товарища.

Тот стал легко и живо отплясывать, лихо перебирая ногами. Следом вышла в круг девушка со слегка опущенной головой и кокетливой стыдливостью. Товарищ танцора бурно поддерживал его, хлопал в такт музыке. «Это все, что ты можешь?! А ну, давай покажи всю свою мощь!» — подзадоривал он его. И ноги воодушевленного танцора двигались еще быстрее, а девушка ускорила свой плавный ход. И вот когда танец достиг верхней точки, напарник танцора вытащил свой семизарядный браунинг, отвел руку с ним назад между стулом, на котором он сидел, и полкой моей бурки, и нажал на курок. Но произошла осечка, еще два-три раза нажал — то же самое! Я подумал: «Он может так опозориться». Взял и выстрелил три-четыре раза из своего пистолета в то самое место на полу, куда целился мой сосед. Танцор чуть ли не в экстаз вошел от выстрелов, произведенных мной. А в эту самую минуту мой сосед, у которого браунинг дал осечку, настойчиво начал требовать у меня разрешение на право ношения револьвера. Я попросил его успокоиться и сказал:

— Считаю, что это ты произвел выстрелы! Я же это сделал не от бахвальства, а чтобы ты не опозорился, хотел выручить тебя. У нас же считается большим позором неисправное оружие.

Но он не хотел даже слушать меня. Велел гармонистке прекратить играть, как только его товарищ закончил танцевать. Я думал, что он не станет выдавать присутствующим наш короткий разговор. Моя просьба повисла в воздухе. И он опять принялся за меня:

— Давай быстро разрешение на пистолет!

Тогда я рассказал о случившемся находившимся на вечеринке. Надеялся, что они успокоят его, но из них никто ни единым словом не обмолвился. Лишь гармонистка еле заметно ухмыльнулась. Я своим рассказом только раззадорил молодого человека, и он уже стал по-

вышать на меня голос, настойчиво требуя предъявить разрешение на оружие. По заветам моего дедушки Бехо у меня заведено как правило трижды просить человека. Поэтому я и в третий раз попросил его:

— Оставь, ну прекрати, пожалуйста! Мы же мужчины! Нам должно быть неудобно перед этими девушками. Ну провинился я! Прости...

— Ты что несешь, как сумасшедший? Пришел сюда и еще стреляешь из своего пугача! Ты знаешь, с кем имеешь дело?! Дай сюда разрешение!

Мое терпение лопнуло. Я достал свой десятизарядный позолоченный пистолет, который висел у меня на груди под буркой, ткнул его ему в нос и начал высказывать ему все то, что думаю о нем:

— Вот тебе документ на мой пугач, о котором ты говоришь! Ты невоспитанный и неблагородный тип, не стал даже скрывать тот факт, что у тебя неисправное оружие. Ты должен был уgomониться сразу, как увидел, что я прошу тебя, словно младший старшего.

В группе девушек послышались легкое волнение, шумок. Я успокоил их:

— Я не тот человек, о котором вы подумали, и даже в ваше отсутствие не стал бы конфликтовать с этими двумя. Поэтому будьте спокойны и не переживайте, мы только поговорим.

А затем обратился к молодым людям:

— Пойдемте на улицу, здесь, в присутствии девушек, все-таки неудобно.

Тот, у которого пистолет дал осечку, клятвенно попросил меня:

— Скажи мне: ты Зелимхан?

— Он самый, — вынужден был признаться я.

— А я генерал Тапа Чермоев — сын Орци. Прошу тебя простить меня...

Я ответил:

— Живи долго. Видишь ли, я — ни на что не претендующий, обездоленный и несчастный бедолага. А ты — человек, которому царская власть дала чин генерала, можно сказать, ты — маленький царь в Грозном, у которого дела идут в гору. И не мне тебя учить, конечно. Правда, мне кажется, что в твоей голове ума мало. С твоим высоким положением ты должен был стараться соблюдать элементарные правила приличия по отношению к слабым, — продолжил я. — По твоему отношению к себе я понял, что голова у тебя не на месте. Ты хочешь сказать: «Я не знал, что ты Зелимхан». Ой, но ты же видел нездешнего гостя, который зашел к вам, поприветствовал и примостился за тобой в самом углу. Если ты ответил бы на мое приветствие, встретил и усадил, как должно быть, у меня хватило бы ума посидеть десять минут и уйти. Понимал, что это не мое место. Это показывает, какое «гостеприимство» оказал бы ты мне, окажись я каким-нибудь слабодушным заморышем, неспособным постоять за себя. А ведь наши отцы считали гостя самым уважаемым и почитаемым человеком!

Я попросил девушек извинить за то, что из-за меня вечеринка оказалась прерванной. Все время, пока продолжался наш разговор, молодые люди стояли, как и девушки.

— Ладно, товарищи, закрываем тему; я думаю, мы поняли друг друга.

Тапа протянул мне свой стул. Правда, я не стал садиться ни на него, ни на стул его товарища. Мне принесли другой стул и предложили сесть впереди на почетном месте.

Я на это сказал:

— Не имею права. Вы — старше, вы — начальники. Если вы не против, если не против эти девушки и гармонистка, я еще послушал бы гармонь, специально для этого и пришел. Хотелось бы, чтобы наши девушки

присели тоже, иначе мне неохота будет и гармонь слушать.

— Девушки присели. Но, Дики, Исал, после этого гармонистка играла по-другому. Я не понял сначала; она и песню спела, посвященную мне. Многие слова настолько были правдивы, что у меня душа плакала. Пришлось сделать усилие над собой, чтобы не пустить слезу.

От души насладившись сладкими звуками гармонии, я ввел в танцевальный круг Тапу. Его товарищ в знак поддержки танцующей пары стрелял из пистолета. Когда танец закончился, я пошутил:

— Ребята, пистолет ваш все равно делает осечки. В другой раз будете собираться на вечеринку — приглашайте не четырех девушек, чтобы они стояли зря, а двух; их будет достаточно.

Поблагодарил, как умел, гармонистку. Оказывается, ее привезли специально из Мартана усладить слух Тапе и его товарищу. Я попрощался со всеми и вышел, двое товарищей тоже вышли проводить меня. Когда я сидел на лошади, Тапа рванулся поддержать мне стремя, но я опередил его и мигом взобрался на коня. Взявшись за уздечку коня, Тапа еще раз сказал, что ему очень неудобно передо мной, и еще раз попросил простить его и не рассказывать никому о случившемся.

— Хорошо, — сказал я, — только у меня встречная просьба. Ты можешь мне очень сильно помочь. В чем? Я знаю, Тапа, что один раз в год сюда приезжает из Петербурга представитель царя. Доведи до него, что безграмотные чеченцы и ингуши терпят насилие и гнет от незаконных действий со стороны местной власти, прикрывающейся именем царя. Я не прошу тебя, чтобы ты помог мне лично. А если и просил бы, был бы неправ. Если ты не можешь помочь своему славному чеченскому народу в нужное время и в меру своих воз-

можностей, знай, что ты не можешь называться генералом.

Правда, я тоже был не совсем прав. Потому что если в комнате находились четыре девушки и двое молодых людей, я не должен был туда заходить. Но увидев, что четыре девушки стоят, я подумал, что это неправильно по чеченскому адату, поэтому и зашел. Я слышал, как наши отцы поговаривали, что человеку трижды можно простить его проступки или содеянное им зло. Кроме того, тот, кто рассказывает о недостатках кого-либо, уподобляется мухе, которая садится только на трупы. Дики, Исал, братья, я сегодня доверился вам и рассказал про оплошность этих двоих товарищей на вечеринке. Так мне понравилась наша стычка, которая, по сути, началась между незнакомыми людьми, а закончилась, когда мы узнали друг друга: царский генерал и царский враг. А потом и повеселились вместе. Это было видно по тому, как преобразилась в лучшую сторону игра гармонистки. Да, неожиданно все произошло...

Как только абрек закончил свой рассказ о том, как он побывал на вечеринке, Дики сказал:

— Исал, Зелимхану надо отдохнуть.

— Не очень-то я и устал. Завтра вечером сюда должны подойти два моих товарища, вы их знаете, это Аюб и Саламбек. Я завтра до вечера свободен, мы можем посидеть целый день, если вы будете дома.

Мы с Дики ушли, оставив абрека отдыхать в гостевой комнате.

Утром Зелимхан встал пораньше, сделал намаз, прибрал постель и сидел, поглядывая в окно. Я думал: почему Зелимхан сказал нам, что вечером должны прибыть Аюб и Саламбек? Действительно они должны приехать или Зелимхан сказал об этом, опасаясь предательства

с нашей стороны, давая своим друзьям знать, где его искать, если что? Тут у меня были сомнения.

Но я не стал рассказывать Дики о своих сомнениях. Утром мы приготовили поесть-попить, поухаживали за лошадьми и скотиной и освободились от утренних забот. К этому времени и солнце заметно поднялось. Мы с Дики обратились к Зелимхану:

— У нас в саду стоят пчелиные ульи. Если ты не против, мы немного позанимаемся ими.

— Ой, как давно я не наблюдал за работой пчел. Мой дедушка Бехо с пятнадцатилетнего возраста занимался ими, я постоянно помогал ему. Давайте я тоже с вами пойду.

Только мы втроем приступили к работе с ульями, как послышались истошные крики:

— Дерутся! Убивают!

Представители двух родов сошлись в драке. Одни из них были нашими родственниками.

Дики сказал:

— Придется вмешаться.

А Зелимхан, опередив нас, уже пулей рванул к дерущимся. Когда мы подоспели на место, увидели в руках у Зелимхана кинжал. Оказывается, он отобрал его у одного из рьяных участников драки, который кидался с ним даже на тех, кто прибежал разнимать дерущихся.

Тут подоспело еще пять-шесть человек. Со стороны размахивавшего кинжалом было семь человек, с нашей стороны — пятеро и мы с Дики. Одним словом, если бы не мы — разнимавшие, могла бы разыгаться страшная бойня. Один из разнимавших, Зелимхан, стал разъяренно кричать во весь голос:

— Послушайте меня, драчуны! Я не знаю никого из вас, потому что я не из вашего аула. Продолжать стычку дальше вы не можете! Видите, сколько людей прибежало сюда вас разнимать, в том числе женщины. Разой-

дитесь, те, кто начинал драку, и те, кто присоединился к ней позже. Расходитесь по своим домам!

А ты иди сюда, заberi свой кинжал и вставь его в ножны! — обратился он к хозяину оружия.

Возразить незнакомому человеку было нечем, и все прислушались к его увещеваниям и остановились. Кроме одного. Тот не хотел никак уговориться и все рвался в бой. Зелимхан предупредил его:

— Счита́й тогда, что ты имеешь дело со мной! — Он схватил его за плечи, встряхнул хорошо и сказал его родственникам: — Присмотрите за ним! Человек, похоже, переел кукурузной муки...

Тот сразу притих, как и обладатель кинжала чуть раньше. Да, хватка у абрека была волчья и голос тигриный.

Когда Зелимхан собрался покинуть место драки, старшие стали приглашать его к себе в дом. Но он отказался, сказал:

— Я путник и здесь оказался случайно.

Попрошавшись со всеми и ушел. Раз он представился нашим односельчанам путником, мы с Дики не могли ему ничего сказать при людях и нам ничего не оставалось, кроме как вернуться в свой сад к пчелам. Надо сказать, что сад наш находился на западной окраине аула и выходил к реке Аргун. Примерно через час из кустарника со стороны реки к нам подошел Зелимхан и продолжил вместе с нами прерванную работу. Трудился он не покладая рук до самого заката солнца, прерываясь только на намаз и на чаепитие.

Зелимхан раскрыл нам кое-какие секреты пчеловодства:

— Если хотите, чтобы ваша пасека увеличилась, надо учитывать, что в начинающемся пчелином рое бывает три или пять молодых пчеломаток. Определив их количество в новом рое, надо разделить его на три-четыре части

и разместить их в отдельные ульи. Затем надо узнать, в каком из ульев наибольшее количество пчел. Определив такой улей, надо достать рамы с личинками и поместить их в ульи, куда поселили молодых пчеломаток. Во-первых, пчелы будут множиться и роиться. Во-вторых, у вас всегда будут молодые пчеломатки. В-третьих, увеличится ваш медосбор, потому что пчелы не будут отвлекаться на подготовку к роению, а будут добросовестно добывать мед.

Позже, когда я стал применять его советы на практике, сбор меда у меня увеличился почти в два раза. Кроме того, мы еще и продавали пчел на сторону. Никогда не забуду слова Зелимхана:

— Братья мои, запомните: пчеловод прежде всего должен быть честным и безгрешным! Иначе никакого прока не будет!

Когда мы вернулись домой с пасеки, Зелимхан рассказал нам о том, что он познакомился в тюрьме с Чолтой — сыном Маси из нашего аула. Он тогда спросил у него:

— Есть ли у вас в Новых Атагах гостеприимные, надежные и хорошие люди?

И Чолта ответил на его вопрос так:

— Такими людьми в нашем ауле являются братья Дики и Исал из тайпа Беной. У них и отцы были такими же достойными и уважаемыми людьми. Я-то сам отношусь к тайпу Мелардо. И, как однажды сказал один дуба-юртовец, если вдруг мне суждено будет выйти отсюда, то я и сам буду готов оказать тебе гостеприимство по высшему разряду.

Зелимхан продолжил:

— Так вот, во-первых, свидетельство Чолты, а во-вторых, рассказ о вас Аюба способствовали тому, что я сблизился с вами и подружился. Мало в Чечне и Ингушетии мест, как у вас, где я могу, запрятав в сарае своего

коня, сбросив оружие, чувствовать себя спокойно и без-
опасно. В тюрьме со мной были мужественные люди
из многих аулов и поселений, и я, готовясь к побегу,
многим из них задавал тот же самый вопрос, что я задал
и Чолте из вашего аула. Но из опасения, что из-за меня
могут пострадать люди, мне часто приходилось коротать
ночи под открытым небом. Надеюсь, сегодняшнее мое
пребывание у вас обернется большой пользой для нас,
ведь, направляясь к вам, я попал на вечеринку в Суйыр-
Корте, где и познакомился с Тапой Орцуевым. Уверен,
что мы извлечем пользу от знакомства с ним. Словом,
вся благодать — от вас, братья мои. А что будет — пока-
жет время.

Мы с Дики с интересом слушали Зелимхана, хотя
время было уже позднее, и уже подумывали лечь спать,
когда в окно постучали. Это были ингуш Саламбек
и Аюб из Старых Атагов. Я проводил их к Зелимхану,
в комнату для гостей, привязал их лошадей, задал им
корм и вернулся в дом. Гости крепко обнимались с Зе-
лимханом.

Дики пошутил:

— Вы, оказывается, давно не виделись, что так обни-
маетесь.

На что Саламбек сказал:

— Ничего удивительного, мой друг! Когда мы расста-
емся, прощаемся так же тепло, желаем друг другу всего
самого наилучшего. Многие в Чечне, Ингушетии и Даге-
стане охотятся на нашего друга, да и на нас двоих.

— Саламбек, — обратился к нему Зелимхан, — Дики
и Исал — наши надежные друзья, и нет необходимости
скрывать от них что-либо. Можешь рассказывать...

— Хорошо тогда. Семеро наших товарищей завтра
в это самое время будут в Новоатагинской долине реки
Аргун, на том самом месте, где мы ранее дважды встре-
чались. Правда, у двоих из них патронов мало, а так всё:

кони, винтовки, сабли, кинжалы — имеется. А этот товарищ, про которого ты рассказывал вчера, сказал, что съестные припасы в нужный момент будут готовы. Денег он у меня не взял ни за что, но Аюб детишкам дал три-четыре рубля. Может, и не надо было об этом упоминать, но говорю как есть. Я тебе передаю то, что мне рассказал наш товарищ из Грозного. Вот Аюб тоже слышал: этап арестантов, среди которых и те пять человек, о которых ты говорил, будет отправляться из Хасав-Юрта во Владикавказ завтра в два часа ночи. Сколько арестантов будет в этапе, точно неизвестно, но сомневаться в том, что среди тех пятерых будет находиться Зелимхан из Гельдыгена, не приходится. В этом уверен наш товарищ из Грозного.

Мы с Аюбом передали ему слово в слово то, что ты велел передать. Правда, он не одобрил задуманного нами. На поезде будут ехать десять офицеров во главе с зятем Михеева¹, минимум сорок — шестьдесят солдат, кроме того, каждый разъезд будет охраняться. Солдаты будут в третьем с хвоста вагоне поезда, в следующем за ним вагоне — охраняемые ими арестанты, и замыкать поезд будет вагон с офицерами.

Мы поклялись нашему товарищу, что даже под угрозой расстрела не сдадим его, в случае если нас захватят живыми. Видимо, наш друг опасается, что в случае успеха нашей операции Михеев будет рвать и метать, так как этапом руководит его зять.

— Жаль, — прервал его разговор Зелимхан, — что не Михеев¹ с Вербицким сопровождают этот этап. Мы им такое устроили бы...

¹ А. С. Михеев — генерал-лейтенант, начальник Терской области в 1908—1912 гг.

Аюб спросил:

— А что мы с ними сделали бы? Убили бы обоих?

— Кто его знает! Вербицкого можно было бы допросить и пристрелить, а генерала Михеева можно было бы обменять на наших незаконно пострадавших людей. Вот такие мысли у меня были, Аюб. Похоже, если все обстоит так, как вы говорите, мы и от зятя Михеева сможем какую-нибудь пользу извлечь для себя.

Затем абреки стали советоваться о месте нападения на поезд. Один назвал Гудермес, другой — Самашки, но Зелимхан сказал, что напасть нужно в Кади-Юрте.

— Почему в Кади-Юрте? — спросил Саламбек.

— Назло Михееву и Вербицкому, — ответил Зелимхан. — Помнишь, как мы там же, в Кади-Юрте, расстреляли семнадцать офицеров в отместку за убийство наших женщин и детей на рынке? Знай: царь в Петербурге запомнил, что расстрел офицеров произошел тогда не где-нибудь, а в Кади-Юрте. Сегодня снова в Кади-Юрте случится нападение на эшелон с арестантами. И какое мнение у царя сложится о Вербицком? Правильно: как о человеке, неспособном обеспечить безопасность этого участка железной дороги. Авторитет его падет. Вот почему Кади-Юрт, Саламбек!

— Это же надо — додуматься до такого! — удивился Саламбек.

Сноха сообщила, что есть готово. Я дал знать об этом старшему брату Дики, а тот объявил:

— Друзья, извините, что перебиваю. Давайте поешьте сначала, а потом продолжите свой разговор.

— Это предложение мне и двум моим друзьям нравится. — Зелимхан произнес «Бисмилла», и они приступили к еде.

Не знаю, — продолжил Зелимхан, — как будто по моему заказу сделала наша сноха эти чепалгаши¹. Вообще-то, я неприхотлив в еде; никогда не говорил вне дома, матери, даже жене о своих предпочтениях в еде — это было бы ниже моего достоинства. Видимо, это передалось мне от отцов. Но, признаюсь, чепалгаш — это мое самое любимое блюдо.

— Аюб, он так говорит, чтобы и в другой раз его угостили чепалгашем, — пошутил Саламбек в ответ на признание Зелимхана в любви к традиционному чеченскому блюду.

Закончив трапезу, Зелимхан велел мне приготовить их коней, насыпать в хурджины овса, чтобы утром, когда мы остановимся, задать лошадям корм. Смысла просить абреков остаться до утра не было. Кто его знает, ведь всякое могло случиться; опасались доносов осведомителей, к тому же повсюду рыскали специально подготовленные властью люди, названные «охотниками», которые охраняли неизвестно кого и что.

Я доложил Зелимхану, что кони готовы и что я тоже готов к выступлению в поход.

— Баркалла², Исал! Пойми меня правильно: Дики старше тебя, из вас двоих мы возьмем только одного — кто его знает, что нас ожидает, все ли вернемся живыми. Кто-то из вас двоих должен остаться дома. Ты посмотри, Исал, какое большое у вас домашнее хозяйство: огороды, скотина, пчелы. За всем этим смотреть надо, хозяин нужен. Ты же видишь, лишние товарищи мне не помешали бы. Но надо понимать друг друга.

¹ Чепалгаш (чеч.) — блюдо чеченской кухни: блины, начиненные творогом.

² Баркалла (чеч.) — спасибо.

— Хорошо, Зелимхан. Ты прости меня, я хотел бы задать тебе один вопрос.

— Задавай. Если знаю ответ на него — отвечу, не буду знать — извини.

— Я знаю все о ваших приготовлениях к налету на поезд. Какова степень опасности того, что вы задумали? Оправдано ли это нападение? Ведь говорят, что эшелон с арестантами охраняют почти сто солдат и они все хорошо вооружены, а у двух ваших товарищей даже патронов нет, как рассказывают Аюб и Саламбек.

— Ты прав, конечно, Исал. У наших отцов есть одна хорошая пословица: «Птица, щадящая крылья, не поднимающая тяжелое, останется без добычи». Грош нам цена, если мы, горемычные «волки», будем сидеть сложа руки. Не всегда же нам сидеть в тепле, поедая чепалгаш нашей снохи, — пошутил Зелимхан сначала в ответ на мой вопрос, а потом продолжил: — Сегодня я на свободе. Мой тезка, Зелимхан из Гельдыгена, каким-то образом попал на днях в руки стражников, об этом мне сообщили Аюб и Саламбек. А они, в свою очередь, узнали об этом от нашего человека, который служит писарем в штабе в Грозном. Позавчера он им сообщил, что гелдыгеновец будет повешен, как только будет доставлен из Хасав-Юрта во Владикавказ.

«Не смотри на чужой ум и не равняй своего ума с чужим умом», — говорится в народе. Конечно, мы затеяли это не потому, что не ценим своих жизней. Короче, если ты не откликнешься на призыв о помощи, если ты не простишь пусть даже убийцу своих брата и отца, вошедшего в твой дом и, прося пощады, павшего ниц, знай: ты не мусульманин и не христианин! — После этих слов Зелимхан пригласил нашу сноху, поблагодарил ее, и абреки вместе с Дики вышли на дорогу.

Через три дня Дики вернулся с дела живым и здоровым и рассказал мне обо всем.

— Мы встретились в условленном месте в долине реки Аргун недалеко от Новых Атагов: нас четверо и семейство наших товарищей. Аюб привез патроны, которые взял у Хаси из Белгатая, и отдал их двоим нашим спутникам, жаловавшимся на их отсутствие. Совершив конный переход до Кади-Юрта, мы залегли в густых зарослях кустарника, подкрепились. За два часа до прибытия поезда Зелимхан обратился к нам:

— Так, парни, во-первых, если кто-нибудь из вас, будучи раненым, попадет в руки солдат, сегодня или завтра все молчат и не называют тех, кто с ними был.

Во-вторых, не рассказывать даже своим самым верным друзьям о нашей сегодняшней вылазке.

Как только поезд остановится, подбегаем к часовым в первом и последнем вагонах, даем им команды «Молчать!», «Руки вверх!», пригрозив пристрелить их, если они шелохнутся.

Саламбек, ты в этот свой рупор должен подать команду, и мы с Аюбом поднимаемся: я в вагон с солдатами, а Аюб — в офицерский вагон. Да, нас с Аюбом сопровождают по одному человеку; они стреляют в потолок вагонов, как только мы дадим солдатам и офицерам команду не двигаться. Саламбек во всю мощь кричит в рупор: «Зелимхан со своим отрядом окружил вас! Сопротивление бесполезно! Кто сдвинется с места, тут же будет расстрелян!» Оставшиеся пятеро, расположившиеся вокруг поезда, начинают по пять раз беспорядочно стрелять по верх вагонов.

Всем все понятно?! Кому непонятно — спрашивайте!

— Понятно, понятно, — ответили все хором.

Зелимхан переоделся в генеральскую форму с погонями, чтобы часовые у дверей приняли его за самого главного, кому надо подчиниться. Саламбеку он передал спи-

сок арестантов, во главе которого стоял Зелимхан из Гельдыгена, чтобы сделать их переключку и выпустить.

После этого, как и договаривались, каждый из нас занял свое место возле железной дороги. Как только мы закончили расстановку, прибыл поезд. Как нам велел Зелимхан, мы решительно и слаженно приступили к действиям. Все прошло четко, как и запланировал наш вожак. По озвученному Саламбеком списку мы высадили пятерых арестантов и вместе с ними по Гудермесскому хребту на рассвете дошли до Бамат-Аула. Остановились у друга Зелимхана, который принял нас очень хорошо, зарезал для нас двух баранов. У него мы отдохнули целый день.

Зелимхан из Гельдыгена удивил нас всех рассказом о произошедшем некогда между ним и Зелимханом Харачоевским. Закончив повествование, он обратился к харачоевцу с настоятельной просьбой простить его.

— Я совершил тогда непростительную ошибку, обещаю впредь без тебя и шагу не ступить. Ты с сегодняшнего дня мне дороже собственного кровного брата! — поклялся он.

Зелимхан Харачоевский ему ответил:

— Ты вот что сделай. Не надо меня упоминать и благодарить! Ты скажи спасибо вот этим ребятам, им отдай должное! Они тебя не знали, ты их не знал; тем не менее, рискуя своими жизнями ради спасения тебя и твоих товарищей, они пошли за нами, когда мы их позвали, и мы с тобой должны их уважать! Мы-то с тобой, как ты знаешь, известные враги этой власти, вон даже дорогу преграждали русскому отряду среди бела дня, когда познакомились. А они чисты перед властью, и никто им не давал гарантий, что их сегодняшнее участие в деле останется в тайне. Они большой груз взвалили на себя.

Вечером того же дня мы переправились через реку Сунжу, по ее притоку Джалке добрались до Цоцин-Юрта

и там разошлись. Правда, перед тем как расстаться, Зелимхан и Саламбек еще раз строго-настрого предупредили всех участников нападения на поезд, чтобы те нигде и никому не рассказывали о совершенном нами.

Там же Зелимхан велел Аюбу дать каждому из освобожденных арестантов по червонцу из тех денег, которые были предусмотрены на раздачу обездоленным. На червонец тогда можно было купить четыре барана. Кроме того, он сказал нашим товарищам:

— Будьте готовы к следующему делу. Я знаю одно место, где можно, если получится, разжиться деньгами самим и помочь сиротам. Вот я и хотел при нападении на поезд, рискуя вашими жизнями, определить заодно, кого из вас можно брать на это дело, а кого — нет. Надо сказать правду, мне не в чем упрекнуть кого-либо из вас. Знайте, нет худа без добра.

На вас я сделал ставку, потому что ваши односельчане когда-то отметили вас как самых достойных. Вы и оказались такими! Скоро мы соберемся снова. Знайте: если к вам прибудет гонец от меня, отговорки типа «У меня лошадь не подкована» или «Мне одеться не во что», приниматься не будут. Я позову вас, ждите и будьте готовы!

Захватывающий рассказ Дики, который я слушал с неподдельным интересом, закончился.

Об освобождении пятерых арестантов нигде не упоминалось, в газетах ничего об этом не писалось. Это было удивительно. Через какое-то время при встрече с Зелимханом Дики спросил его об этом. И вот что тот рассказал:

— Да, Дики, не все знают о том произволе, которые творят здесь у нас царские генералы. Видишь ли, Михеев с Вербицким обязаны были поставить царя в известность о таком происшествии. Они это скрыли, чтобы увести от ответственности зятя Михеева. А Вербицкому повезло, что не он, а зять Михеева возглавлял поезд.

Я расскажу тебе одну историю, хоть она и длинная. У меня был один приятель из Шаами-Юрта по имени Коврнак из тайпа Нихалой. Так вот, этот Коврнак спросил у меня как-то:

— Зелимхан, знаешь ли ты шатоевца Астемира?

— Слышал о нем, но не видел, — ответил я.

— Ты должен узнать его, — сказал Коврнак.

Как-то Вербицкий арестовал, якобы за связь со мной, девять молодых людей из Харачоя, хотя они не имели ко мне никакого отношения. Я написал Вербицкому, просил не издеваться над невинными людьми и отпустить их.

Не обращая внимания на многочисленные просьбы и обращения родственников и друзей этих ребят, в том числе мои, он отправил их во Владикавказ и посадил в тюрьму. Меня это очень угнетало, я потерял сон и аппетит. В этот период я рассказал о своем состоянии Коврнаку, а тот поведал обо всем шатоевцу Астемиру. Тот же передал мне через Коврнака:

— Будь в течение двух-трех дней у моего приятеля Долакова Довты из Ангушта, дожись меня у него.

Довта был большим приятелем Коврнака, как и Астемира.

У меня была своя тайная дорога, по которой я всегда ездил в Ангушт; по ней я поехал и в этот раз в компании с Аюбом и Саламбеком. Когда до конечного пункта оставалось две-три версты, навстречу нам по этой плохой дороге несли всадник. Поравнявшись, мы остановили коней. Я спросил:

— Что-нибудь случилось?

— Я по поручению Астемира Шатойского еду, тороплюсь, — ответил он.

— Тот, кого ты ищешь, находится среди нас, — сказал Саламбек.

— Астемир, Далаков Довт и один русский офицер находятся сейчас недалеко от нас. Я по внешности

определил и понял, что это Зелимхан. — Он крепко обнял меня. — Зелимхан, как же я мечтал увидеть тебя! Прямо боялся умереть, не взглянув на тебя ни разу! Я, можно сказать, самый близкий человек шатоевца Астемира. Каким бы ни был я сам, я всегда любил мужественных и стойких людей! Это была моя душевная боль! Астемир, который всегда знал, как сильно я хочу тебя видеть, послал меня тебе навстречу обрадовать тебя хорошей вестью и быстро привезти тебя, вот и мчался я по дороге за тобой. Астемир мне сказал, что возможно, мы и встретимся. Как он предполагал, так и случилось!

Рядом стоящий Саламбек перебил всадника:

— Что за хорошую весть ты принес? Говори быстро!

— Почти неделю Астемир во Владикавказе вместе с нами, двумя своими товарищами, охотился за одним военным — молодым князем.

Тут в разговор встрял Аюб, который до сих пор молчал:

— Давайте будем вести разговор по дороге.

И мы тронулись, а всадник продолжал:

— Сегодня, когда князь со своим денщиком направлялся отдохнуть в Беслан, Астемир перехватил его и доставил сюда. Вот эту весть я и спешил сообщить тебе.

Он пришпорил своего коня, сказал, чтобы мы ехали за ним, и поскакал. Через двадцать минут мы подъехали к отдыхающей компании.

— Ассалам алейкум, Астемир, о котором я много слышан!

— Ва алейкум салам, харачоевец Зелимхан!

Нас не понадобилось и представлять друг другу — достаточно было одного взгляда, чтобы узнать друг друга и крепко обняться.

— Да не роди ни одному отцу ни одна мать сына, не имеющего чести и достоинства, а если родится такой, пусть он не доживет и до полудня! — прокричал я.

Как друзья, не видевшиеся тридцать лет, мы с Астемиром продолжительное время стояли в обнимку. Ослабив свои объятия, он сказал:

— Садись, Зелимхан, вон туда, на мое место на бурке.

— Астемир! Ровно восемь лет назад, за пять лет до того, как я встал на путь абрека, я слышал или, посвященный тебе. Правда, выглядишь ты моложе меня; я слышал, что достойные мужи никогда не стареют. Я выше тебя не сяду. Теперь ты мой гость.

— Не будем об этом, — сказал мой собеседник, и мы все уселись. — Зелимхан, наш общий друг Коврняк рассказал мне, что девять невинных молодых людей из твоего аула сидят во владикавказской тюрьме. Я подумал: вот хороший повод познакомиться с таким человеком, как ты, и привел вон того молодого князя, которого ты видишь. Надеюсь, что благодаря ему нам удастся вызвать этих ребят из тюрьмы. Как получится — не знаю. Я и двое моих товарищей русским языком владеем не очень хорошо. Кто-нибудь из вас, кто лучше владеет русским, объясните ему, по какой причине он оказался здесь, а то он может умереть от разрыва сердца, думая, что его собираются убить.

Я обратился к Аюбу:

— Ты русским владеешь хорошо. Я не имею права с ним говорить, этого ворона поймал вот этот Астемир. Объясни ему, что да как.

А Астемир мне:

— Эй, Зелимхан, ты что такое говоришь? Если я поймал его в качестве подарка для тебя, то кто на него имеет больше прав, чем ты?

Все засмеялись. А Аюб подошел к офицеру и начал ему объяснять:

— Тебя захватили вот почему. Один ваш большой начальник десять дней назад доставил во владикавказскую тюрьму девять невинных молодых ребят. Если ты поспо-

собствуешь их освобождению, ты будешь отпущен на фатоне вместе со своим денщиком; но если их не освободят, судьба твоя будет непредсказуема.

Молодой офицер понял Аюба и с виноватой улыбкой на губах спросил:

— Что я должен сделать, чтобы твои товарищи поверили мне?

Аюб, в свою очередь, спросил у Астемира:

— Что ему сказать?

Астемир взял у своего товарища чернила, ручку, бумагу и отдал князю:

— Пиши: «Если ты в течение двадцати четырех часов выпустишь девять харачоевских молодых людей, мне сохранят жизнь, не выпустишь — убьют». Добавь: «Копию приказа об их освобождении пришли мне. Они и копии особо не доверяют. Вот если бы прислать с моим кучером одного из этих харачоевцев».

Затем князь написал от себя: «Папа, чернила на бумаге расплылись от моих слез. Спаси меня!»

Астемир взял у меня мою именную печать с оттиском «Зелимхан Харачоевский» и поставил ее на письме, только что написанном князем; затем мы велели кучеру срочно доставить письмо адресату. Подальше от себя выставили охрану, чтобы видеть, если кто-то будет идти в нашу сторону, и стали убивать время, рассказывая всевозможные поучительные истории из жизни. Товарищи Астемира достали и разложили съестные припасы, мы поели и попили. Шатоевец обратился ко мне:

— Зелимхан, позволь мне как старшему по возрасту сказать речь.

— Да, конечно, — согласился я. — Говори, тебе слово. Слушаем все!

И Астемир рассказал следующее:

— Сегодня мне за шестьдесят лет. Правда, только сейчас я начал размышлять о жизни, о ее смысле. В молодости Всевышний не всех наделяет умом, от силы только один-двое человек на сто имеют ум еще с молодости. Видите ли, друзья, в молодости мне казалось зазорным уступить человеку даже словесно. Если вспомнить, много глупых и безрассудных поступков я совершил, будучи молодым. Даже убийства случались; среди убитых были и люди намного достойнее и лучше меня. Зелимхан говорит, что даже илли про меня слышал. Но таким уважаемым, что в мою честь даже песни слагали, я оказывался не потому, что был хорошим парнем, не потому, что был мужественным и стойким; этих качеств достаточно у многих. Таким, какой я есть, меня сделали люди, которые прощали мне все мои неблагоприятные проступки.

Человека, который возомнил себе, что он лучше и сильнее всех, может унижить человек, который казался самым слабым и недостойным; это закон жизни. Хвалить человека в его присутствии не принято, конечно, но я скажу, почему хотел тебя видеть. Я знаю, что когда ты со своими товарищами делаешь добро, достигаешь чего-то хорошего, ты всегда говоришь:

— Нет, это не мое достижение и не моя победа, это все благодаря иману¹, доблести и отваге моих товарищей.

Именно это обстоятельство подогревало мое желание увидеть тебя.

Хочу тебе рассказать одну историю.

У меня был великолепный конь, иноходец, которого я купил за сто баранов у Умара, сына Дады из Зумсоя. Ко-

¹ Иман (араб.) — вера в истинность Ислама; вера в Аллаха, ангелов, Священные Писания, пророков, Судный день, в воздаяние за добро и зло...

гда он пускался иноходью, ни одна лошадь не могла его догнать. Я очень гордился своим любимым конем. И вот как-то решил поехать на нем в Мартан к известной гармонистке Яхе, дочери Ахи: захотелось послушать ее красивую игру, развеяться. Взял с собой и Солту, который вот сидит рядом с нами. Чуть не доезжая до аула Чишки, на берегу Аргуна я увидел нескольких своих односельчан — шатоевцев, которые сидели и отдыхали. Рядом паслись их лошади. Они все были старше меня, но даже если и не так, подъезжать к группе верхом было бы проявлением неуважения к ним, поэтому мы с Солтой спешились и подошли к ним, поприветствовали, поинтересовались, просто ли так они сидят. Они ответили:

— Да, мы возили на продажу в Грозный картошку, сыр, масло и другие продукты. Если бы вы знали, какая радость там у наших людей. Неделю назад в Грозном на рынке по приказу царского генерала расстреляли семнадцать-восемнадцать женщин и детей, среди расстрелянных оказалась и мать семерых детей из нашего аула. И вот вчера абрек Зелимхан в Кади-Юрте остановил поезд, высадил с него семнадцать офицеров, которые направлялись отдыхать, и расстрелял их — отомстил за невинную смерть наших людей. Нам посоветовали не заезжать пока в Грозный. Мы оставили свой товар у знакомых в Чечен-Ауле и вот возвращаемся домой.

Обрадованный такой хорошей новостью, я вскочил в седло и, прищипорив своего любимца-коня, пустился вскачь, впервые стегнув его нагайкой. Проскочив на скаку Дуба-Юрт, я направился в сторону Шали с непреодолимым желанием во что бы то ни стало увидеть тебя. Мой далеко отставший спутник Солта догнал меня только на окраине Шали. Мы поехали к уважаемым шалинцам, ибо уверены были, что они хоть что-нибудь да знают о тебе. Меня они знали тоже, и поэтому один из них сказал:

— Астемир, мы знаем, что ты приехал обрадованный хорошей вестью. Мы знаем также, что ты, как и Зелимхан, всегда придешь на помощь людям. Если ты сделаешь то, что я тебе говорю, ты должен искать встречи с Зелимханом с хорошими для него новостями в такие дни, когда ему тяжело, чтобы можно было обрадовать его. А встреча ваша стала бы очень важной.

Это говорил мне одному, без свидетелей, самый уважаемый и почитаемый в Шали и во всей Чечне и Дагестане шейх Сугаип-Мулла. Я думал над тем, что он мне сказал, и нашел, что он дал мне очень дельный и хороший совет. Наши общие друзья Довт и Коврناق рассказали мне, что ты очень опечален арестом молодых людей из Харачоя и не знаешь, как им помочь, вот я и решил захватить во Владикавказе какого-нибудь важного чина. Сегодня уже восьмой день, как мы с моим товарищем толком и не спали. Говорят, наш пленник — самый близкий родственник самого большого начальника во Владикавказе. Если задуманное с ним не осуществится, у нас в запасе есть еще один вариант.

Да, а в Шали после встречи с Сугаип-Муллой мы с Солтой задерживаться не стали. Желание послушать чарующие звуки гармонии во мне только усилилось, и мы после заката солнца, не жалея своих коней, поскакали в Мартан. Когда мы прибыли туда, время было еще не позднее. Мы прямым ходом зашли к гармонистке Яхе и попросили, если это ее не затруднит, поиграть для нас. К ее чести, она не отказала нам, стала наигрывать разные мелодии и даже спела. Кстати, одна песня, Зелимхан, была посвящена тебе. Я предложил Яхе немного отдохнуть, и когда она отложила гармонь в сторону, стал рассказывать ей:

— Яха, сегодня нам с Солтой в дороге повезло. Мы считаем, что это произошло благодаря тебе. Вспомнив сегодня твою чудную игру на гармонии, твои мелодичные

песни, мы захотели послушать их и решили поехать к тебе. Из Шатоя мы выехали довольно поздно, встретили в Чишки, в долине Аргуна, своих односельчан, которые ехали из Грозного и остановились на привал. Вот они и сообщили нам радостную весть о том, что Зелимхан отомстил за убийство на рынке в Грозном чеченских женщин и детей — высадил в Кади-Юрте с поезда семнадцать царских офицеров и расстрелял их. Вот тут мы и решили во что бы то ни стало выразить Зелимхану нашу благодарность, а заодно и увидеть его. Мы поехали к Сугаип-Мулле, который, по нашим предположениям, наверняка должен знать о местонахождении абрека. Он дал нам один дельный совет, и мы с ним согласились. А потом, будучи в приподнятом настроении и вспомнив, с какой целью мы выехали сегодня из Шатоя, приехали к тебе. Рассказал тебе об этом, послушав твою песню, посвященную Зелимхану. Никогда в жизни у меня не было такого прекрасного настроения, как сегодня. Столько положительных эмоций вызвал поступок Зелимхана! Какой тяжкий груз он снял с сердец многих достойных сыновей Чечни и Ингушетии! Яха, спой еще раз песню о Зелимхане!

— Астемир, я с семилетнего возраста играю на гармонии, с тех пор прошло сорок лет. Однажды вечером за мной прислали офицерский фаэтон и повезли в Суьйр-Корт к Курумовым, у которых находились важные гости. В их честь была организована вечеринка, куда пригласили четырех наших девушек. Садиться они не стали, никто им и не предложил это сделать. Гости — двое чеченцев, — судя по их одежде и поведению, были большими начальниками. И вот когда я играла на гармонии, в комнату, где проходила вечеринка, зашел человек в накинутаой на плечи бурке и поздоровался. Я чуть привстала, а два начальника не ответили на приветствие и даже не шелохнулись. Человек в бурке посмотрел

по сторонам и сел позади тех двоих. Один из них велел мне сыграть танцевальную мелодию, а другой стал танцевать. Во время его танца несколько раз выстрелили из пистолета. Оказывается, стрелял тот, в бурке. А тот, кто находился рядом с ним, стал у него настойчиво требовать разрешение на пистолет. Человек в бурке объяснял ему, что хотел его выручить, так как его пистолет дал осечку, просил, уговаривал оставить его в покое. Но тот не успокаивался и требовал документ на право ношения пистолета. Трижды просил человек в бурке оставить его в покое; не помогало. Тогда в он распахнул бурку, достал висящий у него на груди позолоченный десятизарядный пистолет и, наставив его собеседнику прямо голову, сказал: «Вот тебе разрешение на оружие!» Тут-то начальник и узнал, что напротив него стоит не кто иной, как сам абрек Зелимхан! Они стали предлагать ему сесть впереди, на что Зелимхан попенял им немножко за случившееся, усадил четырех девушек и сказал мне: «Играй, гармонистка!» Астемир, за все сорок лет никогда я не играла с таким усердием и воодушевлением, как в тот вечер! За ту радостную весть, которую ты принес, я готова играть для тебя, как в ту ночь на вечеринке я играла для Зелимхана!

Вот так весело, Зелимхан, мы и провели время у Яхи, — закончил Астемир.

К этому времени вернулся кучер с письмом, с ним на фаэтоне — один из девяти арестованных молодых людей по имени Ахмед. Астемир подошел к своему пленнику и сказал ему через переводившего Аюба:

— Прощу простить, молодой человек; ты посмотри, как ваш главный начальник незаконно применяет насилие к бесправным бедным людям, как он сажает в тюрьму невинных, облагает непомерными налогами; как морит голодом арестантов. Не стыдно ему?! Ты видишь, как

мы относимся к тебе? Ты ешь то же, что и мы. Мы не сняли с тебя твоей красивой формы. Ты ведь тоже наш арестант! Ты виноват в чем-то? Нет, не виноват! Хорошо, но почему ваши большие начальники проявляют несправедливость к таким же невиновным, как и ты, нашим женщинам, детям и старикам?!

Офицер ответил:

— С сегодняшнего дня я буду вам помогать по мере своих возможностей. Я не думал, что вы отпустите меня живым. Спасибо вам!

Освобожденный нами пленник уехал, а девять незаконно удерживаемых молодых харачоевцев были выпущены на свободу из владикавказской тюрьмы.

Я попросил у присутствующих прощения, что отнимаю их время, и обратился к Астемиру:

— Да обретешь ты довольство Аллаха, сотворившего нас и все сущее! Я постараюсь не забыть, пока не лягу в могилу, той братской помощи, которую ты оказал мне, днем и ночью, не считаясь со временем, рискуя своей головой, вступая из-за меня в конфликт с царской властью. Прекрасно знаю о помощи, которую ты оказываешь сиротам и вдовам. Я не должен был тебе об этом говорить, но я хотел, чтобы это услышали наши друзья, присутствующие здесь. У наших отцов есть поговорка в виде вопроса: «Почему молодые стремятся открыть новые дороги?» Им же легче пользоваться проторенными дорогами. Отец и дед рассказывали мне о наших павших героях, которые в борьбе с царской властью защищали слабых, помогали обездоленным людям; среди них были и мои односельчане Атабай, Айдамир, Эски, Мехки, Усман и другие.

Как сегодня помню, что мой дедушка Бехо, услышав посвященный тебе илии, стал молиться за тебя: «Да поможет ему Всевышний Аллах в его благих делах! Такие

герои — гордость всего чеченского и ингушского народов!» Правда, Астемир: если мы останемся живы, я сделаю и для твоих односельчан то, что в моих силах, не жалея души и тела. Может быть, и не такое большое дело, какое сделал ты, но все же... Дай Аллах, чтобы твоих земляков не постигла такая участь, но если это случится, я буду помнить о той помощи, которую оказал ты мне сегодня. Даю тебе слово.

Астемир, у нас в ауле был один знаток арабского языка и достойный муж по имени Дибир. Он говорил: «Смотри, никогда ни одним словом не обещаю сделать то, чего ты не сделаешь или не сможешь сделать. Но если ты дал слово, что сделаешь, ты должен умереть, но выполнить свое обещание». Есть еще и арабская поговорка: «Даже самый опытный врач, заболев, обращается к другому врачу». Я не знал, Астемир, выхода из этого положения, пока ты не пришел на помощь.

Ты, наверное, слышал, что мы как-то похитили помещика Месяцева. Сделали мы это, не продумав должным образом все детали и без предварительной подготовки. Потребовать с него выкуп тоже не догадались. Результат получился плачевным. А ты сделал все по-умному. Никто не знал, что ты похитил этого офицера, кроме его денщика. Поэтому всё и получилось так удачно.

Ладно, пора нам расставаться. Астемир, наши общие друзья Коврняк и Довта будут знать, где мы находимся, если мы вдруг понадобится друг другу. Я не знаю, поднимется ли в цене еще моя шкура. Сегодня, судя по людской молве, она стоит порядка восьми тысяч рублей, поэтому мне надо быть немного осторожнее. Дай Аллах, чтобы мы увиделись в следующий раз по хорошему поводу.

— Мы попрощались и пошли каждый в свою сторону. Правда, Дики, — сказал Зелимхан в заключение, — напа-

дение на поезд в Кади-Юрте, когда мы освободили арестантов, и освобождение из владикавказской тюрьмы девяти моих односельчан не имели широкой огласки лишь потому, что и там, и там был замешан зять генерала Михеева. Окажись на его месте другой, дела приняли бы в обоих случаях совершенно другой оборот. В письме к генералу Михееву с требованием выпустить из тюрьмы девятерых харачоевцев стояла моя печать. Теперь, я знаю это точно, начнется преследование моей семьи. Придется перевезти их в другое место. Правда, там мне понадобится ваша помощь...

Вторая часть рассказа Дики из Новых Атагов

— Зелимхан вернулся к нам с Саламбеком через десять дней вечером. Было очень холодно. Он послал меня за Аюбом, который, по его словам, будет отдыхать у Дады. Я быстро пошел туда и вернулся с ним.

— Друзья, — начал Зелимхан, — зима холодная. Перевозить сейчас семью открыто по дороге не стоит, пока не потеплеет, — советуют мне старшие. Да я и сам так думаю.

Саламбек с Аюбом тоже согласились с этим.

— Кроме того, — продолжил абрек, — как вы знаете, мы вместе и я сам в отдельности целый месяц безрезультатно охотились за этим псом — атаманом Вербицким, — чтобы отправить его на тот свет. Но мы-то знаем, что все наши усилия будут напрасными, если не настал его час. Поэтому, как я и говорил вам раньше, надо сделать так, чтобы у него земля горела под ногами. Банки, магазины, почта на вверенной ему территории должны подвергаться постоянным нападениям, чтобы начальство атамана убедилось в его неспособности управлять. Если мы не пошатнем его положения своими вылазками, он будет продолжать издеваться над народом. Вы только посмотрите, за какую провинность он сажает людей! За что он убил людей в Гудермесе?! Мне рассказывал один лояльный к чеченцам начальник — когда у Вербицкого спросили: «Почему ты убил в Гудермесе мирных чеченцев?», он ответил, чтобы уйти от ответственности: «Чеченцы стали случайными жертвами перестрелки моего отряда с абреками». Поэтому, мне кажется, если мы не сумеем сегодня выгнать эту бешеную собаку из наших мест, то

будем стоять меньше, чем какие-то женщины-сплетницы.

Саламбек воскликнул:

— Зелимхан, ну так дай мне только добро, я прямо у него же дома и прикончу его!

— Мы с Аюбом прекрасно знаем, что ты сделаешь это, не моргнув даже глазом, — ответил Зелимхан, — но, видишь ли, мы встали на этот путь не для того, чтобы так легко отдавать свои души. Кроме того, мы не имеем права допускать жертвы среди невинных, иначе потеряем честь. Ты знаешь, я наблюдал за Вербицким через прицел, когда он был дома, в кругу семьи, и не стал стрелять, потому что не был уверен, что попаду в него, а не в его жену или детей.

Кроме того, я трижды писал ему, отсылая копии писем его начальству, что я — та самая баба, о которой он говорит, если не доберусь до него. С тех пор он затаился: знает изверг, что он приговорен. Опять-таки, он в курсе, что такие же письма мы писали Добровольскому, Галаеву и другим, и знает, что с ними стало. Мне рассказывали про его лисьи повадки. Когда он направляется куда-нибудь, то окружает себя тройным кольцом солдат, а в них нельзя стрелять. Это несчастные, которые двадцать пять своих лучших лет терпят лишения и невзгоды на службе у царя. Есть у него еще одна хитрость: когда ему надо идти на восток, он рассказывает всем, что пойдет на запад; если он говорит, что ему надо поехать куда-то через шесть дней, то он выезжает или через три-четыре, или через восемь-девять дней, то есть раньше или позже. Короче, хитер наш атаман, как самая настоящая крыса, которая не выходит в ту же дырку, в которую зашла, а ищет другой выход. Этим солдатам, охраняющим его, до него нет никакого дела, они просто находятся на службе.

Видишь ли, Саламбек, когда ты начнешь уходить, расправившись с этой собакой Вербицким, тебе могут выстрелить в спину. Клянусь Кораном, я знаю, что ты без страха пойдешь на любой шаг!

Ладно, оставим это пока. Вы с Аюбом должны сделать вот что: допиваете свой чай и встречаетесь с товарищами, которые вместе с нами освобождали в Кадии-Юрте арестантов. Мы обещали позвать их, когда закончится серьезное дело; они и вправду очень смелые и мужественные люди. Найдите их и скажите им, что завтра вечером, в сумерки, встречаемся на том же самом месте, что и в прошлый раз. Завтра же вечером мы должны быть на железнодорожном вокзале в Грозном. У меня есть точная информация, что там в двух кассах накопилась хорошая выручка за десять дней. Даст Аллах, мы должны эту выручку забрать, и я уверен, что мы это и сделаем.

Саламбек, Аюб, вы знаете, что нужно сказать нашим товарищам. Может случиться так, что кто-то по какой-то причине не сможет участвовать в деле, так вы не настаивайте. После в Белгатое у Махи заберите кое-какой инструмент и спрячьте там же, где мы завтра встречаемся. Два дня назад мне сказали, что для вскрытия металлических ящиков понадобятся два лома и молот из каленой стали для резки металла; без них никак нельзя обойтись. Если у него есть зубила, тоже из каленой стали, — возьмите, даже два.

Тут я спросил:

— Зелимхан, а можно я тоже пойду с вами?

— Исал, Дики старше тебя, он и пойдет. А ты собери в вашем ауле данные о сиротах, об одиноких женщинах и о стариках — короче, обо всех, кому положен закят¹. Есть у меня на примете одно хлебное место, куда мы возьмем и тебя; надо только чуть повременить.

В это же время Аюб и Саламбек поели приготовленное снохой и умчались. Зелимхан же, как всегда, ушел отдыхать в комнату для гостей.

В ту ночь я долго не мог заснуть. И только меня стал одолевать сон, как в предрассветной тишине, изредка прерываемой криком петуха, слышался легкий стук в окно. Всегда готовый к встрече поздних гостей, я выскочил на улицу. Это были Саламбек с Аюбом; с их лошадей, взмыленных от пота, валили клубы пара. В таком состоянии их нельзя было привязывать, поэтому я их немного отшагивал в поводу, пока не высохнет пот, расседлал и накрыл обеих лошадей старыми бурками. Когда я зашел в комнату гостей, Зелимхан, как будто и вовсе не ложившийся спать, обратился к Саламбеку и Аюбу:

— Расскажите Исалу то, что вы рассказали сейчас мне и Дики!

Ингуш повторил:

— Наши друзья-товарищи будут завтра вечером в условленном месте. Нужный для вскрытия металлических ящиков инструмент мы привезли из Белгатая и спрятали там же. Послали гонца к Зелимхану из Гельдыгена: если тот его найдет, возьмем и его с собой; а так нас двенадцать человек, и еще трое тех, кто будет держать лошадей своих товарищей.

Мы совершили утренний намаз. Саламбек и Аюб остались отдыхать в гостевой комнате.

— У меня к тебе есть дело. Пойдем в другую комнату, — кивнул мне Зелимхан и продолжил там: — Исал, Тама и Атаби из Старых Атагов хорошо знают обо всех сиротах, одиноких женщинах и стариках в своем ауле.

¹ Закят (араб.) — ежегодный обязательный налог в Исламе, который исламское право предписывает выплачивать каждому мусульманину со своего имущества и доходов.

Сходи к ним, перепиши всех этих людей и возвращайся. Если завтра все задуманное закончится успехом, раздадим от имени неизвестных в Новых и Старых Атагах милостыню в виде денег. Знай, Исал, что все должно держаться в тайне и никто не должен знать того, чем мы занимаемся.

Я хорошо знаю Дадú из этого аула как надежного, честного и праведного человека, у меня дружеские отношения с ним и с его родственниками. Дада одним из первых переселился из нашего аула в Новые Атаги, и он наверняка хорошо знает, кому в вашем ауле положена милостыня. Своей семье я выделяю столько средств, сколько им хватит на пропитание, и не больше; два моих друга тоже очень милосердны. Мы всячески помогаем семьям сосланных из-за нас в Сибирь, все остальное раздаем сиротам, помогаем дороги делать, воду проводить, а также тем, кто не может уплатить налоги. Меня завтра может и не быть, поэтому я и рассказываю тебе все как есть, учитывая, что ты праведный и правильный человек...

Утро вступило в свои права. Зелимхан попросил меня принести топор. И, по его собственному признанию, не приученный сидеть сложа руки, он стал колоть дрова на заднем дворе, несмотря на мои протесты. Я сводил коней на водопой, задал им корм; к этому времени Зелимхан успел наколоть уже целую горку дров, которых нам хватит на неделю.

Пока он расправлялся с дровами, около него крутился мой племянник Ваха, которому было три с лишним года, и все просил его:

— Вашá, ваша, сделай мне ког-салаз!

Речь шла о традиционных чеченских коньках-салазках, двух загнутых спереди деревянных полосах с изогнутыми поручнями из прутьев. На каждую из них становились и, держась за поручни, скатывались со снежной горки.

— Конечно сделаю! Жаль, что мои Магомед и Умар-Али не смогут покататься с тобой! — отвечал Зелимхан, весело улыбаясь.

Через два часа работы коньки для Вахи были готовы, и он убежал довольный. К этому времени Дики освежевал барана, мясо сварили, сноха сделала кукурузные галушки. Разбудили Саламбека и Аюба, абреки поели. Я оставил их отдыхать, а сам пошел выполнять поручение Зелимхана.

Чего греха таить, мне казалось, что зря я собираю эти списки. Мне не совсем верилось, что задуманное абреками завершится столь успешно, как они рассчитывали; я думал о том, как можно в таком большом городе на железнодорожном вокзале беспрепятственно опустошить два железных ящика с деньгами.

Выполнив задание, после обеденного намаза я вернулся домой. Аюб и Саламбек снова спали, а Зелимхан с Дики мастерили сани. Материал для них давно был у нас заготовлен, не хватало только умения смастерить их, вот и приходилось нам постоянно просить сани для своих нужд у соседей. Зелимхан велел разбудить своих друзей. Те, позевывая, признались, что впервые за последние два месяца выспались по-настоящему.

— Ну правильно, это я же охранял ваш покой! — пошутил Зелимхан.

— А мы знали это, поэтому и спали так спокойно, — подхватили друзья его шутку.

Абреки помолились, поели и занялись приготовлениями к предстоящему походу. В первую очередь они почистили оружие, смазали его и вытерли, а затем, чтобы занять себя в оставшееся до вечера свободное время, стали рассказывать разные истории из своей жизни. Первым начал Саламбек:

— Я находился у родственника одного своего приятеля, куда пригласил недавно назначенного старшину нашего аула, и спросил у него:

— Почему сняли твоего предшественника Ису, в чем он провинился?

Он ответил:

— Никакой причины нет. Когда люди противились выполнять указания Вербицкого или его помощников, Иса мог отстегать провинившихся; если же люди оказывали ему сопротивление, их задерживали и сажали в яму или в тюрьму. А на днях, когда начальники снова пришли в наш аул и потребовали по указанию Вербицкого содержать на постое воинский отряд и оплатить незаконные непомерные налоги, Иса не только не поднял, как раньше, на своих односельчан кнут, а, наоборот, стал перечить начальникам. «Ах ты, турок!» — выругались те на Ису и тут же сняли его с должности старшины. С ними был толмач-осетин, мой давнишний знакомый, который свободно владеет нашим языком. Он замолвил словечко перед начальниками за меня, охарактеризовал меня положительно и сказал, что поручается за меня. Одним словом, они назначили меня старшиной аула и уехали; не знаю, как долго я буду носить этот чин.

Тогда я спросил у нового старшины:

— Интересно, а почему Иса изменился так резко?

— Я не знаю, но Иса недавно рассказал моему знакомому, что к нему два раза приходил человек с письмами от Зелимхана Харачоевского, и в них было написано: «Иса, мне многие рассказали о том, что ты, выслуживаясь перед начальником округа, применяешь насилие к своим односельчанам. Знай, что я — твой судья! Если впредь узнаю, что ты продолжаешь чинить беззаконие по отношению к людям, то будешь иметь дело со мной. Хватит того, что ты уже натворил! Если до меня дойдет хоть одна жалоба на тебя, знай, что твои дни на земле сочтены!»

Что касается меня, то я понимаю, что не умру, если меня тоже снимут. Но я знаю также, что Зелимхан не по-

терпит издевательств над людьми. Короче, старшины аулов сейчас в положении, как тот баран в поговорке: «Заблеешь — пастух зарежет, не заблеешь — волк съест». Спокойного житья нам, старшинам, не будет, пока не уйдет кто-то из них: царская власть или Зелимхан.

— Хорошо; получается, что и ты теперь будешь вести себя несправедливо по отношению к людям? — спросил я.

— Конечно нет! Я не брал на себя таких обязательств. Если же они начнут от меня требовать совершить неправомерные действия, я скажу им, что Зелимхан угрожал в таком случае убить меня; пусть посоветуют, как мне быть. Они могут снять меня так же легко, как и назначили, я от этого ничего не потеряю! — ответил мне наш новый аульский старшина, — закончил Саламбек свое повествование.

Аюб рассказал, что его односельчане, староатагинцы, не могут нарадоваться отношению к себе их старшины, благодарят абреков и очень их уважают.

Да, пока Зелимхан и его друзья не встали на защиту людей, те испытывали неисчислимые страдания от произвола старшин, которые могли самостоятельно и безнаказанно совершать суды над невинными жертвами.

Абреки совершили предзакатный и вечерний намазы, поужинали и ускакали к месту сбора, с ними снова укатил Дики; меня же не взяли и на этот раз.

Брат вернулся домой под утро и рассказал мне все подробности о событиях прошедшей ночи:

— В налете на кассы железнодорожного вокзала в Грозном приняло участие всего десять человек, еще один около моста на западе Грозного держал лошадей спешившихся товарищей. Одному-двоим упорно сопротивлявшимся охранникам вокзала мы прострелили ноги. Вскрыли кассу, в ней была еще одна касса с деньгами.

Мы без проблем вскрыли их обе, так как инструмент был очень хорошим. Перегрузив пачки денег в мешки, а монеты — в специально заготовленные для этой цели мешочки, мы поспешили к своим лошадям. Но тут морозную тишину ночного города прервали протяжные гудки мощных паровозов, которые было слышно за много верст. Зелимхан дал команду стрелять; жители города стали просыпаться и выглядывать в окна. Чтобы они услышали, Зелимхан крикнул:

— Передайте этой псине Вербицкому, что Зелимхан, которого он назвал бабой, унес из-под его носа кассу. Пусть со своим тысячным воинским отрядом пойдет по моим следам, которые отчетливо видны на снегу. Если посмеет, конечно!

Кто-то крикнул в ответ из окна:

— Молодец, Зелимхан!

Остальное, Исал, расскажу потом, я очень устал и мне надо отдохнуть. Поухаживай за моим конем. Мне вечером надо уехать снова, — с этими словами Дики ушел к себе спать.

Проснулся Дики в полдень и сразу сообщил:

— Исал, Зелимхан с Саламбеком поехали в Чечен-Аул к Осмаевым, остальные абреки разъехались кто куда. Но прежде Зелимхан назначил всем встречу на следующий день с наступлением темноты в Белгатое, на мельнице Али. Все деньги находятся у Зелимхана с Саламбеком. Мельница — очень удобное место встречи. Она не работает, так как вода замерзла.

С наступлением сумерек Дики уехал на встречу, а в полночь вернулся с Зелимханом и Саламбеком. Они отдали своих лошадей мне, чтобы я поухаживал за ними, и зашли в комнату для гостей. Как всегда, наша сноха быстро принесла поесть. Перекусив, абреки стали говорить о происшедшем накануне нападении на кассы

железнодорожного вокзала в Грозном. Их добычей стали восемнадцать тысяч рублей, из них одиннадцать тысяч отдали одиннадцати участвовавшим в деле — по тысяче рублей каждому. Семь тысяч рублей решено было раздать сиротам, вдовам, одиноким женщинам, старикам, оставшимся без кормильцев, на устройство дорог и водопроводов. Из них восемьсот рублей раздали в нашем ауле по списку, составленному мной и Дадой, как милостыню за упокой души нашей бабушки — матери нашего отца; в Старых Атагах раздали еще тысячу двести рублей. Оставшиеся пять тысяч абреки спрятали у нас; эти деньги до наступления весны тоже были розданы остро нуждающимся. Предварительно в течение двух месяцев они сами составили списки с указанием имен получателей и их отцов, названий аулов и выделенной суммы.

Наступила весна. В начале апреля абреки завершили подготовку к нападению на банк в Кизляре. Наконец Зелимхан и меня взял с собой на дело. Дики он оставил дома, так как неизвестно было, что нас там ожидает, а рисковать нами обоими он не хотел.

Место сбора участников налета на кизлярский банк назначили в долине реки Аргун, в лесу за Новыми Атагами. Были собраны самые отважные и смелые со многих аулов Чечни, из них только пятнадцать человек были абреками, остальные — такие, как я, свободные люди, не имеющие противоречий с властью. Каждого прибывающего в условленное место встречал Зелимхан, он один знал их всех и каждого нарекал новым условным именем, чтобы в случае плена или раны они не выдавали тех, кому удалось уйти от казаков или солдат. К примеру, он говорил подъезжающему так:

— Твое имя сегодня — Мака. Если тебя спросят, как твое имя, ты говоришь: «Меня зовут Мака».

Я тоже получил другое имя — Шарип. О том, что меня на самом деле зовут Исал, знали только Зелимхан, Саламбек и Аюб.

Когда мы все были в сборе, Зелимхан взял слово:

— Друзья, все предопределено на этом свете, и чему быть, того не миновать. Верно и то, что я со своими самыми близкими товарищами долго охотился за этим народным врагом Вербицким, чтобы убить его. Вы знаете, что он в аулах назначает старшинами мерзавцев, потерявших честь и совесть, которые потом пьют людскую кровь. Тюрьмы переполнены невинными людьми. А сколько их отправлено в Сибирь?..

Вербицкий прислал мне как-то письмо, в котором вызывал меня на поединок. Оказывается, он хитрил; правда, мне хорошо знакомы повадки этой псины. Мне ничего не оставалось, как написать ему письмо с указанием месяца и дня, когда я намереваюсь посетить Кизляр. Кто его знает; может случиться, что он приготовился встретить нас подобающим образом, а может, попросту сбежал.

Наша подготовка прошла очень хорошо. Поход на Кизляр возглавлю я сам. Вчера я велел вывести из строя телефонную связь в Кизляре, в трех-четырех местах сделать порывы проводов, смотать провода и спрятать подальше, чтобы в течение нескольких дней не смогли восстановить связь. Я буду «генералом» (постарше Вербицкого чином), за мной по обе стороны будут находиться двое «полковников» — Саламбек и Аюб; форма у нас имеется. Может случиться и так, что нас подстережет неудача, поэтому надо помнить, что всякая опасность может продолжаться самое большее полчаса: или тебя убьют, или ты убьешь; нужно иметь терпение всего на полчаса.

Всё в руках Всевышнего, конечно, но и Он, говорят, сказал: «На меня надейся, но и сам не плошай!»

Сегодня ночью и завтра днем будем в дороге, послезавтра на рассвете встретимся неподалеку от Кизляра в высоком, как деревья, камыше вдоль Терека. Там даже поляны есть, до полудня отдохнем там, а потом двинемся в Кизляр. Мы разделимся на три части во главе со мной, Саламбеком и Аюбом. Они оба знают место, где мы встретимся. Знайте, на какое серьезное дело мы идем, и строго соблюдайте правила абреков: не курить, не разговаривать, оружие держать наготове, экономить патроны и так далее. И не стрелять без моей команды!

Ты, Зелимхан из Гельдыгена, будешь постоянно прикрывать меня сзади, обеспечивать мой тыл, будешь также сопровождать меня, когда я пойду в банк и когда будем уходить оттуда с товарищами. Поймите, друзья, правильно: сегодня день, когда проявятся достоинство и мужество каждого из нас.

— Понятно, все понятно! — прокричали все в ответ одновременно.

Среди собравшихся был и один русский по фамилии Орлов. Он обратился к нашему вожаку:

— Зелимхан, есть люди, которые под твоим именем или прикрываясь им наживаются, совершая всякого рода неблагоприятные и мерзкие поступки: шантажируют письмами, могут отобрать лошадь, быка, вещи. Я знаю даже случаи, когда эти мошенники попадались и их судили. Ты помнишь, наверное, как похитили Месяцева. После этого, говорят, ты написал письмо крупному помещику Юшковскому, занимающимся земледелием и овцеводством, потребовал у него, чтобы он оставил в условленном месте двадцать тысяч рублей, если не желает расстаться со своей жизнью. Юшковский засомневался: «Действительно ли это письмо от Зелимхана?» Потому что все, в том числе власть, знают, что ты «пра-

вильных» начальников и состоятельных людей не трогаешь; кроме того, все знают, что ты прежде, чем совершить акт возмездия, трижды предупреждаешь жертву. Вот и обратился Юшковский с этим письмом и со своими подозрениями к главному начальнику во Владикавказе. Отсутствие на письме твоей именной печати усиливало подозрение, что не ты являешься его автором. Исследовав почерк нескольких землевладельцев и овцеводов, таких как Юшковский, следствие установило, что автором угрожающего и шантажирующего письма является не кто иной, как овцевод Мамонтов; его посадили. При проведении обыска у него изъяли несколько таких же писем, адресованных другим помещикам и еще не отправленных адресатам. О нем и о тех, кто прикрывается или представляется твоим именем, написала газета «Терские ведомости», которая издается во Владикавказе.

Рассказываю все это, чтобы дать вам понять: как бы ни сложились у меня в дальнейшем отношения с царской властью, я готов с вами, если надо, сложить свою голову. Кроме того, Зелимхан, мне известно, что и наши товарищи, как и я, не в ладах с этой властью. Если позволишь, я расскажу свою историю.

В Кизляре я прослужил солдатом и офицером более десяти лет, хотя не все его жители и солдаты меня знают. Перед тем как прийти к вам, я был в чине ротмистра. Говорю об этом, Зелимхан, будучи убежденным в том, что солдаты, которые хорошо знают о тебе, никогда не станут стрелять в тебя и твоих товарищей. Особенно они были растроганы известным всем фактом, о котором я сейчас расскажу.

За два месяца до того, как я пришел к вам, проводилась операция с участием многих воинских отрядов с офицерами во главе по заданию уничтожить Зелимхана и его сподвижников. Я был в отряде, который направлял-

ся на засаду в ущелье рядом с Бамутом; это было через три дня после вашего нападения на кассы железнодорожного вокзала в Грозном. Нас сопровождали казаки из станицы Ассиновской. И вот когда мы шли по этим лесным дебрям в надежде подстрелить косулю, или дикого кабана, или, на худой конец, лисицу, мы столкнулись лицом к лицу с тобой, Зелимхан, и одиннадцатью-двенадцатью твоими спутниками. Один из наших испуганных проводников сказал, обращаясь к нам:

— Господи, помоги нам и защити! Без паники, не бойтесь! Знайте, Зелимхан — наш товарищ!

Услышав это, ты сказал:

— А ну-ка, иди сюда! Как твоя фамилия?

— Масленцов.

— Держи, я дам тебе, непрошенный гость Масленцов, вот этот серебряный рубль, чтобы ты всегда помнил меня. Я и есть, как ты сказал, брат обездоленных и враг угнетателей! А откуда ты меня знаешь? Ты удивил меня: обратился сначала к своему Господу, а потом стал внимательно разглядывать меня.

Масленцов ответил тебе:

— Зелимхан, ты прости меня. Говорю это не потому, что боюсь за себя или заискиваю перед тобой. Как-то я гостил в Москве у своего приятеля и собственными ушами слышал, как жена хозяина дома, укладывая капризничавшего ребенка спать, сказала: «Тише! Зелимхан идет!» Ребенок успокоился и не издал более ни единого звука.

Мне-то, человеку за шестьдесят лет, и опасаться особо нечего, но я хотел успокоить вот этих молодых людей, которых я сопровождаю, поэтому и призвал на помощь Господа, а потом обратился к своим спутникам. А внимательно посмотрел на тебя, чтобы сравнить то, что слышал о тебе и о твоей стати, с человеком, который стоял перед нами. И я, конечно, узнал в этом человеке тебя. Те-

перь ты мой гость, дал мне даже денег на покупку хорошего барана. Я знал, что ты не трогаешь даже начальников, если они не занимаются беззаконием.

Ты дал Масленцову еще один рубль, и вы снова ускакали в лес. Этого было достаточно умному человеку, чтобы узнать, каков ты есть.

Прошу прощения, мой разговор, конечно, затянулся, так как кровопийца Мамонтов и такие, как он, свои грязные дела пытаются переложить на Зелимхана.

Мне кажется, будет правильно, если я в своей форме ротмистра поеду далеко впереди вас, буду громко оповещать повстречавшихся жителей Кизляра и солдат. Я знаю, что нашей крови они не прольют, а мы не прольем их крови. Солдаты же будут стрелять в воздух.

Зелимхан ответил:

— Спасибо, Орлов. Расскажи, как у тебя созрело решение примкнуть к нам и почему ты поверил в нас. Никто не знает об этом, кроме нас с Саламбеком и Аюбом.

— Хорошо, — согласился Орлов и рассказал: — Год назад, когда я возвращался домой на поезде, у меня в попутчиках оказался очень симпатичный человек на два года старше меня. Когда мы разговорились, он узнал, что я служу помощником генерала в чине ротмистра. Поезд шел до Владикавказа четыре-пять дней, и все это время он ни разу не позволил мне оплатить наши расходы, оказывал мне всякие знаки внимания и приговаривал при этом: «Ох ты, бедный ротмистр!» Я доверился этому человеку и рассказал ему, как тяжело служится солдатам, особенно в далеком от столицы Владикавказе, рассказал, как здесь без суда и следствия генералы могут убивать людей, а рабочим и крестьянам это уже надоело.

И тогда он поведал мне о том, что в Средней Азии, на Дальнем Востоке, на Северном Кавказе и Закавказье есть люди, которые проповедуют прогрессивные революционные идеи. Они тайно встречаются для обсуждения

этих идей. Рассказал, что главным у них является Ленин, а здесь — Киров. Правда, я поверил в него и в то, что он рассказывает. А тот, кто увидел и послушал его один раз, не мог не поверить. Поэтому, зная, что скоро в России и во всем мире установится справедливая власть, я восемь-девять месяцев искал встречу с Зелимханом, и вот уже три-четыре месяца, как я вместе с ним. Сегодня он позвал меня, и я оказался рядом с вами. Правда, я собираюсь выполнить поручения Кирова. Бедные станут уважаемыми, а богатства имущих станут общими одинаково для всех.

Зелимхан продолжил:

— Смотрите, Орлов не в ладах с существующей несправедливой властью. Его тесть тоже поссорился с ним только потому, что он несостоятелен, забрал у него свою дочь и отдал за сына судебного пристава. Но сейчас его жена — наша сестра, она учит его и языку. Короче, Орлов — наш зять и товарищ.

Орлов поблагодарил Зелимхана.

Абрек, в свою очередь, сказал ротмистру, что если тот не хочет, они могут и не брать его с собой, и добавил:

— Конечно, если ты изъявишь желание идти с нами, вы с Аюбом сможете узнать, о чем говорят вокруг нас.

В заключение Зелимхан еще раз обратился ко всем:

— Друзья, нельзя будет распространяться о том, что Орлов был с нами. Если подумать, ему еще предстоит решать вопросы намного важнее сегодняшних. Если власть узнает, что он заодно с нами, то его свободе наступит конец. Он наш надежный друг, и мы будем его беречь. А теперь, друзья, как мы и договаривались, трогаемся в путь; послезавтра утром встречаемся в условленном месте.

Зелимхан в сопровождении Орлова уехал, следом за ними ускакали со своими товарищами и Саламбек с Аюбом.

Я был в группе Зелимхана, которая первой прибыла на место, где мы договаривались встретиться; с разницей в один-два часа прибыли со своими группами и Аюб с Саламбеком. Всего нас собралось пятьдесят воинов.

Зелимхан еще раз напомнил нам:

— Знайте, что еще шесть дней назад главный начальник в Кизляре Вербицкий и его заместитель были предупреждены о том, что сегодня в полдень мы будем брать Кизлярский государственный банк.

Зелимхан надел на Орлова чеченскую папаху. Напевая чеченские илли, мы в полдень въехали в Кизляр, по три человека в ряду; на каждой прилегающей к банку улице оставили заграждения по пять-шесть человек. Каждый четвертый или пятый держал лошадей спешившихся товарищей.

Зелимхан, Саламбек и Аюб вошли в банк. Аюб крикнул:

— Вербицкий, Зелимхан в твоих руках! Задержи его, если ты мужчина!

Правда, Вербицкий не мог его слышать. Управляющий банком знал о письме Зелимхана к Вербицкому. Десять минут назад он смеялся, а теперь пытался ускользнуть от нас с ключами. Но его поймали и два-три раза жестко потребовали отдать спрятанные им ключи. Он попытался их выбросить, и Саламбек тут же убил его.

Заместитель Вербицкого, который сидел, как будто ничего не знал, двинулся было на банк со своей ратью, но был остановлен меткими выстрелами Саламбека, Аюба и их людей. Каждая дверь и окно усиленно охранялись ими, пока Зелимхан набивал деньгами мешки. Была, конечно, перестрелка, но все наши товарищи вернулись с дела живыми и здоровыми, как говорится, не намочив даже подошвы чувяков и не повредив ни одного ногтя. С другой стороны, как оказалось, было убито около двадцати человек, в том числе четыре офицера.

По-прежнему напевая красивую мелодию или, наш отряд подошел к Тереку. Мост был занят солдатами; как только мы повернули налево, к броду, о котором было известно Зелимхану, нас начали преследовать и беспорядочно обстреливать. Зелимхан, урча себе под нос какую-то мелодию, подгонял товарищей: «Давай, давай!», изредка отстреливался из винтовки и ждал, пока на другой берег не переправятся все товарищи. Вдруг Зелимхан заметил замешкавшегося автуринца Росухаджи и крикнул в его сторону:

— Чего ждешь?!

— Жду, когда ты живым и здоровым переправишься через Терек, — последовал ответ.

И мы вместе вошли в воду. Все благополучно переправились по броду через Терек, преследовать нас не стали. Мы доехали до Аксая, спокойно переправились через него и разбили лагерь с тем, чтобы передохнуть. Зелимхан здесь же разделил нашу добычу поровну на всех участников похода на Кизляр. Поручил Аюбу, хорошо знавшему русский язык, изложить на бумаге все детали нападения на банк, в частности написать о том, что еще шесть дней назад Вербицкий был предупрежден об этом. Назначив Аюбу следующее место встречи, он отпустил его отдыхать.

Вечером второго дня после того, как мы расстались с отрядом, я без шума и гама приехал домой; так же скрытно вернулись в свои дома и наши товарищи. Главное, обошлось без жертв и ран.

Письма, которые написал Аюб от имени и по поручению Зелимхана, были скреплены его именной печатью и отправлены: одно — генерал-губернатору во Владикавказе, а копия — царю. В письмах он написал о том, как был вызван Вербицким на поединок, а тот сам на него не явился. Если сказать коротко, после этого царская власть сняла Вербицкого со всех постов

и, как рассказал Зелимхану Орлов, он был привлечен к суду.

Рассказ Бехо из Ачхой-Мартана

— Мой брат Яхья и молодой человек из Ведено по имени Саа были кунаками, и оба работали дорожниками. Как-то вечером Саа привел к нам Зелимхана. Это было, когда Зелимхан переправил свою семью в ингушские горы.

Саа сказал мне и Яхье:

— Этого гостя я привел, чтобы познакомить вас. Таких хороших и достойных людей, как вы, он любит.

Саа ушел, а Зелимхан остался. Правда, гостя звали не Зелимханом, а каким-то другим именем — уже не помню, как он представился. Я узнал его подлинное имя и о том, кто он, когда он побывал у нас во второй раз. Яхья тоже знал о нем, но двум другим нашим братьям мы не стали рассказывать правду. О том, что Яхья участвовал в походе на Кизляр, мы также узнали только при втором посещении нашего дома Зелимханом — из его рассказа. Приятель Яхьи Саа тоже не догадывался о дружеских отношениях Яхьи и Зелимхана. А последний знал, что Яхья ничего не сообщал нам про свое участие в нападении на кизлярский банк. Правда, Зелимхан хорошо был наслышан о нас и наших отцах, но пока не узнал всех лично, надолго у нас не задерживался. Приходил, а потом под предлогом необходимости решить какие-то неотложные дела уходил.

Так прошел почти целый год, и как-то поздно ночью у нас, как обычно, опять появился Зелимхан, но на этот раз в сопровождении двух очень привлекательных молодых людей. Брат быстро зарезал и освежевал барана; мы долго сидели и беседовали за едой. Товарищи Зелимхана часто и по очереди поглядывали на улицу за своими конями. Мы все еще не знали, кто они такие; думали, что они та-

кие же, как и Саа, дорожные работники. Увидев их оружие и то, как они одеты, мы и в мыслях не могли допустить, что они могут быть абреками. Зелимхан видел, что его друзья не совсем уютно чувствуют себя в незнакомом для них доме, поглядывают на улицу, постоянно прислушиваются: не доносятся ли оттуда подозрительные звуки. Поэтому он обратился к своим спутникам:

— Саламбек, Аюб, чувствуйте себя, как дома, свободно и раскованно! Братьев Яхья и Бехо из тайпа Галай я знаю давно, они являются также кунаками моего односельчанина, поэтому не волнуйтесь и будьте спокойны, как будто вы находитесь у меня. Я вам не рассказывал о том, что наш хозяин рисковал своей жизнью вместе с нами. В прошлом году, когда мы собирались в Кизляр, Яхья и трое его братьев готовы были вместе с нами выступить в поход. Правда, кроме Яхьи я не взял никого. Что мне нравится в них, так это умение следить за своим языком. Посмотрите: сегодня вы даже не знаете, что Яхья был с нами в Кизляре, и его братья тоже не знают об этом. Этого разве недостаточно, Аюб? Сообщаю это, чтобы вы не беспокоились за нашу безопасность. А теперь, Яхья, пусть наши гости отдыхают. Я же, как только рассветет, возьму с собой Бехо, навещу семью, а к вечеру мы вернемся. Отдыхайте и не беспокойтесь!

Рано утром мы с Зелимханом через Мелхисту подались в ингушские горы, в хутор Ерш. Дорога была трудная; как бы там ни было, к десяти-одиннадцати часам мы были на месте. Сноха Зелимхана Зезаг подала нам есть, мы поели и тронулись в обратный путь. Особое впечатление на меня произвела жена Зелимхана: чувствовалось, что это волевая и мужественная женщина. Провожая мужа, она сказала:

— За нас не переживай. Береги себя и своих товарищей. Да поможет вам в пути Аллах!

На обратной дороге в лесу под Ачхой-Мартаном случилось такое, от чего я был готов провалиться сквозь землю, до того мне было не по себе!

Стояла арба, груженная дровами, и тщедушный человек из Эршты высвобождал кожаные ремни, которыми были перевязаны дрова на ней. Мой спутник поздоровался с ним и поинтересовался:

— Почему дрова развязываешь?

— А как не развязывать? Унесут же ремни! Зелимхан отобрал у меня коня. Как только этого грабителя земля носит! Сейчас пойду домой, возьму у кого-нибудь лошаадь и вернусь, чтобы забрать арбу...

Я посмотрел на Зелимхана, чье лицо побагровело от негодования. Он спросил только:

— В какую сторону он ушел?

Хозяин арбы показал пальцем. Зелимхан резко прищипорил коня, поднял его на дыбы и умчался в погоню. Я пустился ему вслед. Поначалу намного отстал от него, почти потеряв из виду, хотя у меня конь был не хуже, чем у Зелимхана. Через какое-то время расстояние между нами стало сокращаться и я увидел, как Зелимхан догнал всадника и, перегнувшись вперед, стал стегать его изо всех сил кнутом вдоль спины и по голове. Не спеша я подъехал к ним. Угнавший коня узнал меня и стал умолять:

— Во, Бехо, спаси меня, не позволяй этому зверю убить меня!

Это был самый неловкий и неприятный момент, так что я пожалел, что родился на свет божий.

Разъяренный от злости Зелимхан перестал хлестать грабителя и прокричал:

— Если бы я так просто убивал мирных людей, прикончил бы тебя на месте, не дожидаясь, когда нас догонит Бехо, который, оказывается, знает тебя!

Он ссадил разбойника с лошади и передал ее поводья мне, а того пешком погнал назад к арбе, причем не ша-

гом, а бегом. Как только мы нагоняли его, Зелимхан начал хлестать его кнутом по ушам. Правда, мне не пришлось просить абрека не убивать его, потому что тот первым сказал мне, что не убивает таких людей.

Хозяин лошади сидел на арбе и удивленно взирал на происходящее, когда мы подъехали к нему. Зелимхан стал допрашивать разбойника: его имя, имя отца, из какого аула, тайпа? Потом он заставил его снова перевязать дрова на арбе, закрепить их хорошо, запрячь лошадь. Все это время, как ему и велел абрек, хозяин лошади молча сидел поверх дров на арбе. Затем Зелимхан грозно подозвал к себе незадачливого грабителя, я подумал, что он его сейчас задушит. Нет, душить он его не стал, но одной рукой ухватился за его висящий ус, а второй со всего размаха ударил кулаком по лицу. Оторванный конец уса остался в руках Зелимхана. Он его стряхнул и гневно сказал:

— Тварь! Ходишь тут надув губы, с обвисшими усами! Пытаешься уронить честь настоящих мужчин, взвалив на плечо это ружьишко, крохобор! Собака! Тебе повезло, что со мной оказался Бехо. Бросил бы тебя здесь связанным, а в пятницу отвел бы в вашу мечеть и сказал бы твоим односельчанам: «Держите эту собаку на привязи, чтобы не кидалась на путников, а то пристрелят!» Люди вон знают, что я сделал в Нохч-Мохке с таким, как ты, — раздел до нижнего белья и провел через весь его аул!

Затем абрек обратился к хозяину лошади:

— Посмотри на меня внимательно, эрштинец! В другой раз узнаешь меня? Я и есть Зелимхан! Я готов лучше всю жизнь оставаться безлошадным, чем вот так отнимать лошадь у кого бы то ни было. Даже в самый сложный для меня момент, когда подо мной и под моим братом убили в бою лошадей, не позарился на чужих коней. Знай, что я никогда не перехожу дорогу простым мирным людям и никогда не дружу с теми, кто это делает. Го-

ворю это не из бахвальства. Два-три года назад в Моздоке я увидел человека, который пытался пахать на лошади, которая еле держалась на ногах. Мне стало жалко эту клячу, и я дал ее хозяину деньги, чтобы он купил себе хорошую рабочую лошадь, потом подружился с ним. Он был из моздокских немцев.

Запомни еще раз: я и мои товарищи, друзья всегда помогаем сиротам, нуждающимся и обездоленным, не преклоняемся и не почитаем власти имущих и богачей, оберегаем себя и свои семьи от недозволенного и грешного достояния. Это наше жизненное, скрепленное клятвой решение. Поезжай теперь на своей арбе с дровами домой!

С этими словами Зелимхан отправил эрштинца домой, а того разоруженного типа погнал дальше с намерением отдать его братьям. Его ружье абрек сразу разбил и выкинул.

По дороге Зелимхан сказал мне:

— Ты присмотри за ним, он может и сбежать. Я догону вас, — а сам отъехал в сторону.

Воспользовавшись моментом, наш плененный разбойник, который, оказывается, был моим старшим по возрасту односельчанином, стал клятвенно просить меня, чтобы я уговорил Зелимхана отпустить его.

Я ему сказал:

— Как ты меня опозорил! Тебе было бы намного лучше умереть с голоду, чем отнимать у этого бедолаги лошадь!

Мне было очень неудобно просить у Зелимхана за него, хотя я знал, что во мне и в моих братьях у него нет ни тени сомнения. Когда абрек догнал нас, я ему сказал:

— Этот тип, к моему стыду, мой односельчанин. Думаю, он теперь образумится. Может, отпустим его?

Тогда Зелимхан спросил у него:

— У тебя лошадь есть?

— Нет, только два быка.

— Хорошо! Бехо, ты будешь свидетелем. Если он даст обещание, что доставит три арбы дров сиротам, которых ты назовешь, мы отпустим его.

— Согласен? — спросил я у односельчанина.

— Да-да... Конечно согласен! — утвердительно закивал тот головой.

— Бехо, через десять дней проверь, выполнил он обещание или нет, и сообщи мне. Ради тебя я отпускаю его, — сказал в заключение Зелимхан, и мы ускакали, оставив несчастного грабителя на дороге одного.

Домой возвратились поздно, все уже спали. Чтобы никого не тревожить, мы с Зелимханом легли у меня. Посреди ночи меня разбудили: опять он — наш «друг».

— Какая нелегкая тебя принесла? — спросил я недовольно.

— Я принес тебе и твоему другу крупного жирного барана, — ответил он.

Несмотря на мои протесты, забирать барана обратно он не стал, но клятвенно просил не произносить нигде его имени. Я ему дал слово, что не будем этого делать, и пошутил:

— А эрштинец, если и увидит, не узнает тебя теперь безусого. Зелимхан помог тебе, оторвав один ус, а второй ты и сам, я смотрю, сбрил. Это, несомненно, удача!

Утром я рассказал Зелимхану о ночном визите нашего «друга», о том, что я ему дал слово не произносить его имени, о его сбрилом втором усе и о своей шутке. Видимо, чтобы угодить мне, абрек сказал:

— Все благо — от тебя. В другой раз тоже возьму тебя с собой!

После утреннего намаза Зелимхан рассказал своим друзьям о нашей поездке в Ерш; правда, о разбойнике не обмолвился ни единым словом. Мне это очень понра-

вилось: никому ведь не будет приятно слышать плохие отзывы о своем односельчанине.

Мы с младшим братом быстренько зарезали и освежевали барана от нашего «друга», сварили мясо и рассовали его вместе с хлебом по переметным сумам абреков. Гости поели, попрощались с нами и уехали, сказав нам, что скоро увидимся.

Через четыре-пять дней вечером Зелимхан приехал снова. Мы сразу поухаживали за его конем. После обмена приветствиями мы с Яхьей, как обычно, повели абрека в комнату для гостей и непринужденно повели беседу с ним.

Яхья спросил:

— Зелимхан, богатеи и купцы живут не только в крупных городах, они есть и в других поселениях. Ты это и так хорошо знаешь. Но почему ты выбираешь для нападения банки, магазины, рядом с которыми располагаются крупные воинские отряды? Безопасным местам предпочитать места, где опасность больше, — это что у тебя?

— Да, это так, Яхья, — ответил он. — Но ты должен знать, что часа смерти не оттянуть ни на день вперед, ни на день назад: от предначертанного Всевышним не уйти. Это одно. Второе: этот пес по кличке Вербицкий растревонил всюду, что Зелимхан не пришел на условленное место, куда тот вызывал его на поединок, прячется от него, боится, то, другое. Он не только рассказывает все эти небылицы, но и в газетах об этом пишет. Чего он только не делает, чтобы опорочить меня! Как тут не держать зла на него? Конечно, у меня зуб на него, поэтому и выслеживал его долго. Даже через окно его дома брал на мушку, но не стал стрелять, опасаясь, что попаду в находящихся рядом с ним жену и ребенка.

После этого люди, которые занимают высокие должности и помогают нам, попросили меня действовать по-другому:

— Если ты о каждом своем нападении на банки и магазины в Грозном, в Кизляре, в других местах будешь сообщать не только самому Вербицкому, но и его начальству, тогда власть сама сместит кровопийцу с поста без ущерба для простых людей. Но если ты убьешь его, население обложат непосильными налогами. Ты же знаешь, что произошло в Давлетгирей-Юрте, Грозном и Ведено. Если ты слушаешься нас, он сам умрет от разрыва сердца.

После этого разговора мы ограбили ювелирный магазин в Грозном; дело было вечером, когда все горожане отдыхали. Потом взяли кассы железнодорожного вокзала, опять же в Грозном. Банк в Кизляре ограбили среди бела дня. После каждого нападения я посылал Вербицкому и его начальству письма, заверенные своей именной печатью, но под разными предлогами он уклонялся от встречи со мной на поле боя — не хватало мужества. У царских войск хорошее правило: командир всегда должен быть впереди. Я не считаю атамана Вербицкого идиотом; он прекрасно знал, что раньше него в других я стрелять не стану.

Вот такие дела, мой друг. И еще одно, самое главное. Видишь ли, у меня есть приятели, друзья, которым по долгу службы приходится встречаться с русскими генералами. В качестве примера я могу привести Тапу Чермоева, с которым неожиданно познакомился два-три года назад при весьма неприятных обстоятельствах. Наша первая встреча не сулила дальнейшего продолжения знакомства, но расстались мы с ним и с его товарищем очень дружелюбно. Вот тогда я попросил генерала Чермоева сделать два дела.

Где-то через год, переночевав у одного своего приятеля в Бердыкеле, я проезжал на коне через лес Суьйр-Корта и, не доезжая до Чечен-Аула, повстречал громко рыдающую женщину лет пятидесяти — пятидесяти пяти. Я быстро подъехал к ней и спросил:

— Женщина, расскажи, что произошло такого страшного, что ты так громко плачешь!

Она отвечала:

— Уважаемый, мне неудобно, но моего единственного, ни в чем не виновного сына вчера посадили! Все мои обращения и просьбы к начальникам не привели ни к чему, вот я и пришла в лес, чтобы наплакаться вдоволь там, где меня никто не услышит.

— Расскажи, что сделал твой сын.

— Ничего плохого он не сделал. Когда-то его отца посадили за оказание содействия абрекам, два-три месяца продержали в тюрьме и за отсутствием доказательств, а он не признавал своей вины, выпустили. Уже три года, как его не стало. У нас сегодня новый старшина, и он знает и помнит о тех событиях, связанных с арестом отца моего сына.

Причиной же ареста сына послужило то, что мой сын и сын нашего нового старшины ухаживали за одной девушкой из нашего аула. Три дня назад эта девушка вышла за моего сына и, как и положено, находится пока у наших родственников. Убить моего сына старшина и его сын не посмели, но посадить — посадили под предлогом того, что он сохранил и продолжает связи отца с абреками, которые останавливаются у него, и принимает их.

— Хорошо тогда. Я дам тебе письмо с моей именной печатью, а ты вот что сделай: иди туда, где сидит твой сын, и передай им это письмо. И не уходи оттуда, скажи, что я тебя прислал. Возможно, тебе отдадут сына и ты вернешься с ним домой.

Услышав мои последние слова, женщина кинулась мне под ноги, обхватила их и зарыдала, произнося молитвы. А затем быстро, как только могла, убежала. Я дождался ночи, и когда люди отошли уже ко сну, пошел к дому старшины и вызвал его на улицу.

— Ты знаешь меня? — спросил я его.

— Нет, не знаю, — последовал ответ.

— Я — Зелимхан. Знаю, как ты стал старшиной. Почему ты, не успев занять этот пост, начал издеваться над людьми? Если хочешь жить и работать, смотри, не сбивайся с правильного пути. Я поставлен народом вершить суд над такими несправедливыми, как ты. Я к тебе пришел, потому что твои односельчане рассказали мне, что ты посадил невиновного молодого человека. Я знаю, что у таких людей, как ты, хватает совести доносить на людей, сажать их ни за что. Но если парня не выпускают, знай, что твои дни на этом свете сочтены!

— Мне сообщили, что парня сегодня после полудня освободили. Прошу простить меня, действительно я совершил этот проступок. Если впредь допущу подобное, я вам прошу свою кровь, — дал мне слово старшина, а затем стал приглашать в дом, чтобы сделать меня почетным гостем.

Я вежливо отказался, поблагодарил его, попросил, чтобы он не забывал нашего уговора, и уехал.

Видишь ли, освобождению этого парня поспособствовал сам генерал Тапа Чермоев. Мне это приятно, и я это ценю, поэтому стараюсь всегда прислушиваться к людям и обходиться с ними вежливо и уважительно. Правда, Яхья, у нас хватает ума сказать «Пошел!» и тем, кто не соблюдает норм приличия. Пусть не делают того, что не дозволено по правилам и по законам! — закончил Зелимхан.

Яхья сказал:

— Ладно, Зелимхан, время уже позднее. Бехо, пусть принесут поесть, и оставим гостя отдыхать.

— Хорошо. Если Бехо завтра не занят, мы с ним снова поедem в ингушские горы, — ответил абрек.

Мы с Яхья дали согласие и ушли к себе.

Наутро мы выехали в сторону Ингушетии.

По дороге я обратился к своему спутнику:

— Зелимхан, какое тяжелое бремя ты несешь! Не жалея себя, помогаешь всем, кто обратился к тебе за помощью. Я знаю, что ты не ждешь от них благодарности. Может быть, были случаи, когда ты жалел о своих благородных поступках? А их у тебя достаточно много: это и убийства больших царских начальников, издевавшихся над народом, и нападения на банки и магазины с целью помочь обездоленным и сиротам. Обо всем сразу и не расскажешь. Скажи, ты не жалеешь сегодня, что встал на этот путь?

— Бехо, я бы ответил на твой вопрос коротко, — сказал абрек. — Я никогда не жалел и не буду жалеть о хороших делах, которые сделал для людей. Знай, Бехо: человек, который от восхода солнца до его захода не делает ни одного доброго дела, живет на земле зря. Я с пятнадцати лет до сегодняшнего дня живу с мыслью: «Не совершить бы дурного, неугодного Аллаху поступка!»

Все благие дела, которые я совершил за эти десять-одиннадцать лет скитаний, не идут ни в какое сравнение с тем, что сделал неизвестный абрек в Давлетгирей-Юрте. Как мы знаем, он убил полковника Шиду Эльмурзаева, который до старости лет находился на службе у царской власти. Как утверждают наши уважаемые старцы, за все это время полковник не сделал ни одного доброго дела для чеченцев и ингушей. Зато, по рассказам моего деда, твоего тезки, почти тысячу наших людей отправил в Сибирь.

Двадцать лет назад, когда мне было шестнадцать-семнадцать, за десять лет до того, как я встал на путь абречества, мой отец и его двоюродный брат Алимха вернулись с Терека, куда они перегоняли баранту на зимние пастбища. Они и рассказали моему деду об убийстве чеченского полковника Шиды Эльмурзаева. А дело было так.

За время службы у царя этот кровопийца, оказывается, накопил немало несправедного богатства. И вот как-то

Шида решил похвастаться его частью и показать целый мешок золота одному из самых авторитетных религиозных деятелей Чечни — Элах-Молле, сыну Дибира, да будет им доволен Аллах.

— Видишь это золото? Все рассказывают о твоём незаурядном уме. Что ты сделал бы с ним, окажись оно твоим?

Элах-Молла ответил:

— А ну-ка, высыпай золото из мешочка вот сюда, на ковер!

Элах-Молла разделил золото на три части и сказал:

— Видишь ли, Шида, сегодня ты дожил до старости, власть отправила тебя на заслуженный отдых и будет содержать на своем обеспечении до твоего последнего дня. Наследников у тебя нет. Сделай то, что я тебе посоветую: две части золота ты оставишь себе, а одну часть раздай бедным, сиротам, одиноким женщинам и старикам.

— Неужели ты думаешь, что я бы собрал столько богатства, если бы разбрасывался им так, как ты говоришь? Обойдусь без твоих заумных советов! — Шида собрал разделенное на три части золото в одну кучу и грубо выводил Элах-Моллу.

Через некоторое время мешок с золотом у Шида похитили.

А дом ничего не подозревающего и живущего на Тереке, в сорока верстах от Давлетгирей-Юрта, Элах-Моллы окружили стражники, обыскали его, как и все дома родственников религиозного авторитета. Искали золото. И хотя его не нашли, Элах-Моллу арестовали, а потом отправили в Сибирь на пожизненную каторгу — и всё по ложному обвинению Шида, заявившего о том, что только Элах-Молла знал о наличии у него золота и что его похитил или он сам, или по его указке кто-то из его сподвижников. Совершенно невиновного старца, в то время самого просвещенного

алима Чечни, Шида собственными руками отправил на каторгу!

Ровно через неделю после этого полковник в отставке был убит в собственном доме неизвестным абреком, который оставил на месте убийства записку. В ней было написано: «Знай, что обвиненный по твоему ложному доносу чеченский авторитет не виноват в похищении золота; это первое. Второе: ты убит за отправленных в Сибирь на каторгу людей, так же невиновных, как и Элах-Молла».

Много людей из Давлегирей-Юрта пострадало из-за этого убийства, многих и арестовали.

Я знаю имя этого абрека, даже видел его вот этими глазами, но не могу его открыть тебе, так как дал слово не делать этого. Такой чести и славы, которые приобрел он убийством Шида, мне не видать. Поэтому говорю тебе, Бехо, что мои заслуги не идут ни в какое сравнение с тем, что сделал этот неизвестный народный мститель. Кроме того, я слышал, как умные люди говорили, что победы в противостоянии с царской властью чеченцы и ингуши достигают благодаря порой безрассудным действиям некоторых наших людей. Если коротко, мы идем по проторенной нашими отважными героями дороге и ничего сверхъестественного не делаем. Вот так, мой брат Бехо...

Мы уже подъезжали к конечному пункту, хутору Ерш, когда заметили идущего нам навстречу подростка. Им оказался самый младший брат Зелимхана — Бисолта. Абрек сразу спросил его:

— Инал приходил к нам?

— Нет, — последовал ответ.

— Как хорошо, что ты приехал! Мы ведь боялись, что не дождемся тебя сегодня, — обрадовалась нам Зезаг, когда мы прошли в их жилище.

Бици, Зезаг, две девочки и двое сыновей Зелимхана жили здесь на хуторе. Жена и сноха моего спутника поприветствовали меня, но они были не такими веселыми,

как в тот наш приезд. Заподозрив неладное, Зелимхан спросил:

— Что у вас тут? Я вижу, что вы чем-то озабочены. Что случилось?

— Мы заметили какого-то человека вчера ночью. То ли он нас охраняет, то ли тебя отслеживает, то ли хочет донести на нас. Бисолта утверждает, что это доносчик, хотел пойти за ним и убить его. Мы знали, что ты будешь недоволен, и остановили его.

— Бадик, ты не испугалась? — весело обратился Зелимхан к своей дочери Меди, как будто ничего не случилось.

На самом деле видно было, что новость неприятно удивила абрека, он даже в лице изменился. Сомнения стали одолевать его: неужели тот человек следил за его семьей, чтобы донести властям? Отбросив мрачные мысли, он стал успокаивать семью:

— Да вы не переживайте! Есть указ царя не трогать женщин и детей. Если на то пошло, я вместо вас пойду в эту Сибирь. Если же по воле Всевышнего вас задержат и увезут, то знайте, что я буду непрошеным гостем у начальника тех, кто это сделал. Я не встречал еще ни одного начальника, который не любил бы своей души. Если этот человек отслеживает вас, чтобы донести, мы забережем его душу — это станет нашей первейшей задачей. Если кто-то, кем бы он ни был, придет во главе воинского отряда пленить вас, он не уйдет отсюда живым. Ладно, оставим это; это все будет потом, не сегодня. И вообще, не в моих это правилах — обещать: «Я сделаю то, сделаю другое...» Всегда уповаю на волю Всевышнего. Все мы во власти Аллаха, и Он милостив.

Зезаг, сюда должен прийти с новостями один наш ингушский друг, Инал. Он в любом случае придет, поэтому оставим пересуды о вчерашнем ночном госте. Похлопочите лучше о еде!

— Как бы там ни было, ни мы ни дети не притронулись к еде со вчерашней ночи, — сказала Бици.

— Что такое? Почему вы испугались, когда рядом двое таких молодцев, как Бисолта и Магомед? Не стыдно вам? И потом знайте, что вороны никогда не уносят соколят. Если на то пошло, есть еще один момент...

Оборвав Зелимхана на полуслове приветствием «Ас-салам алейкум!», на коне подъехал внешне приятный человек зрелого возраста.

— Ва алейкум салам! Приходи свободным, не имеющий власти ингушский генерал! — вскочил Зелимхан, подшучивая над гостем; он взял его коня под уздцы и помог спешиться.

Мы втроем отошли в сторону и присели на зеленую траву, местами украшенную полевыми цветами.

Инал объяснил:

— Я немного задержался, но на то была причина. Газеты, которые ты просил, я привез. Если бы ты знал о радостном сообщении, о котором в них пишут, ты обнял бы меня еще раз!

Зелимхан посмотрел на меня и сказал:

— Вот даже Бехо тебе сделает такой же подарок, как и я. Ты скажи только, что это за сообщение такое.

Недалеко от нас, около изгороди, старшая дочь Зелимхана Меди, понимающая все происходящее, слушала нас и собирала цветы.

Инал достал из внутреннего кармана бешмета газету и стал читать ее на русском языке, одновременно переводя нам прочитанное:

— «Несмотря на то, что небывалый враг царя Зелимхан Гушмазукаев за десять дней письменно сообщал Вербицкому о нападениях, которые он собирался сделать на банки, о других своих вылазках, последний не предпринимал никаких действий по их предотвращению.

В связи с этим атаман Вербицкий в ближайшее время будет снят со своего поста».

Второе, — добавил Инал, — твое письмо в Государственную думу с просьбой применить к Вербицкому самое строгое наказание я видел сегодня на доске объявлений. А эту газету я отдаю тебе в качестве подарка.

— Инал, — ответил Зелимхан, — ты принес радостную весть не только для меня, но и для всего нашего народа! Знаю: если дело обстоит так, дни пребывания Вербицкого на должности сочтены. Если и в газете про него написали, то я уверен, что его не сегодня, так завтра выгонят. Но еще вчера он оставался на своем посту.

То, что ты рассказал мне, я слышал и от Абдулмежида. За связь со мной эти собаки разжаловали его. Он наш хороший друг и много раз помогал мне, да будет доволен им Аллах. Если останусь жив, я обязательно отплачу ему тем же, хотя не знаю, как судьба распорядится. Инал, Бехо, я рассказываю о чеченском храбром офицере Абдулмежиде Кужуеве, с которым никто не сможет сравниться. Он окончил высшую школу офицеров в Тифлисе, много раз сталкивался лицом к лицу со смертью, воевал в Австрии, Польше, Турции и в других местах. Это достойный сын Отечества. Он служил в Ведено, когда я убил полковника Галаева.

Когда в тот день объявили тревогу, он вместо того, чтобы бежать вместе с солдатами к месту трагедии, о котором знал, побежал в другую сторону — к воротам парка. Он умышленно тянул время, чтобы дать мне возможность уйти подальше, и я воспользовался этим. От ворот он в сопровождении солдат повернул обратно в сад, к месту убийства. Подобрав труп Галаева, они изобразили на лицах безграничное и безутешное горе и отвезли его домой.

В то время, когда мне было наиболее тяжело, когда и думать даже не приходилось о том, что власть может

меня простить и пощадить, Абдулмежид протянул мне руку помощи. Он рассказал мне (а он может говорить только правду), что в России появился почитаемый всеми человек, революционные идеи которого распространились повсюду. Он видел человека, который готовит революцию здесь, на Кавказе. Царская власть скоро падет, и через какие-то три года установится другая, справедливая власть. Поэтому он просил меня пока быть осторожным, не светиться.

Офицер, про которого я вам рассказал, пострадал из-за своего здравомыслия и смелости в бою. Таких начальство не любит. Он даже в Государственную думу ездил, но и там не нашел правды. Зато узнал, что в Петербурге нарастает революционное движение. До сегодняшнего дня Абдулмежид всячески помогает мне, раскрывает нам всякие секреты военных. Я и не стал бы рассказывать вам о нем, если бы его начальство не обошлось с ним так несправедливо. Теперь оно относится к нему с такой же нелюбовью, как и ко мне. Но оно не располагает прямыми фактами, чтобы свидетельствовать против него, хотя сомневается в его преданности царской власти.

Вы знаете, как у меня всегда непросто складывались отношения с Вербицким. Видимо, не суждено ему найти свою смерть от моих рук. Но я знаю одно: если Вербицкого, которого начали пачкать, снимут, уйдет злейший враг Абдулмежида. Однако вы не знаете Вербицкого! Он всеми доступными средствами будет пытаться выкрутиться из сложившейся ситуации.

Теперь о другом, Инал, Бехо. Меня в последние дни грызут очень смутные сомнения. Недавно здесь, в хуторе, побывал один товарищ из наших краев, божился, клялся чуть ли не со слезами на глазах, что очень хотел видеть меня и мою семью. Я поначалу поверил его клятвам, потом подумал (надо было раньше думать): «А какое ему дело до моей семьи?» Вчера ночью здесь видели неиз-

вестного человека, и вот я думаю: «Не того ли гостя они видели?» Но знайте: я и мысли не допускаю, что это могли быть ингуши, которые оказали мне поистине братскую помощь. Что бы я делал без вас! Я не могу сегодня уехать отсюда, оставив напуганных женщин и детей.

Вы могли бы мне помочь. До Владикавказа и Ачхой-Мартана отсюда одинаковое расстояние. Вот что надо сделать: ты, Инал, скажи Довту, чтобы он набитые патронами переметные сумы положил в условленном нами раньше месте, а ты, Бехо, быстро отправляйся домой. Яхья знает, где сегодня будут Саламбек и Аюб. Пусть он передаст им, чтобы они до обеда были там, куда они приводили ко мне Орлова. Пусть подождут меня там. Яхья пусть действует по своему усмотрению: хочет — приезжает с ними, не хочет — может и не приезжать, мы и втроем управимся. Правда, сердце мне подсказывает, что вчерашний ночной гость ушел с доносом о местонахождении моей семьи. Из своего опыта знаю: любую трудность можно вынести, подготовившись к ней как следует. Если же тебя застают врасплох, очень тяжело выбираться из ситуации. Смотрите, ребята, не упустите ничего из того, что я вам сказал!

Мы заверили Зелимхана, что все сделаем как надо, и уехали выполнять его поручения.

Яхья меня с собой не взял, но вернулся сам через два дня. Как Зелимхан и предполагал, на второй же день после того, как мы уехали от него, хутор Ерш окружили.

Вернувшийся Яхья рассказал, как все было:

— Бехо, вы втроем еще сидели в хуторе, когда уже шла подготовка к поимке семьи Зелимхана. Хорошо, что вы в тот день поехали туда, иначе Зелимхан и не знал бы об опасности, нависшей над его семьей. Невозможно было бы поверить, если самому не услышать, непристойной речи, избытию матерных слов и выражений, кото-

рые позволял себе их самый главный командир, обращаясь к семье Зелимхана!

— «Где ваш герой Зелимхан, когда я пленил его жену и сноху? — кричал он, очевидно думая, что абрек далеко.

Мы, как и Зелимхан, отчетливо слышали то, что командир говорил.

Зелимхан сказал, обращаясь к нам:

— Друзья, если бы он не кричал так громко, что и жители окрестных хуторов слышат, я ушел бы отсюда, не произведя ни единого выстрела. Но теперь я не могу этого сделать! Ох как не хотелось бы из-за своей семьи причинять неприятности местным жителям!

Затем Зелимхан крикнул что есть мочи, чтобы его услышали пленники:

— Не бойтесь, стрелять мы умеем!

Начавшийся бой продолжался восемь-девять часов, и все это время войско стояло на месте. Я видел, как упали четыре-пять офицеров и их главный командир, но я не увидел ни одного убитого солдата. Правда, несколько лошадей тоже оказались убитыми. Стемнело; по просьбе собравшихся местных жителей Зелимхан не стал противиться отправке его семьи во Владикавказ в сопровождении ингушей, даже пожелал им хорошей дороги. Никого из нас не ранило, и мы тоже разошлись кто куда. В тот же вечер Зелимхан вместе с Яхьей вернулись к нам домой, а мне он поручил:

— Бехо, мы очень устали. Ты вот что сделай: поезжай завтра утром в Бачи-Юрт, там живет мой близкий человек по имени Бултиг. Спроси у первого встречного в Бачи-Юрте: «Есть ли у вас в ауле человек, который оказал бы мне гостеприимство?» Бачи-юртовцы назовут тебе имя Бултига. Он своеобразный человек и не спросит у тебя, по какому делу ты у них в ауле. Говорю то, что знаю. Не принято у нас спрашивать у гостя сразу:

«Ты по какому делу?» Покажи ему этот мой перстень, и он поймет, что ты не просто так явился к нему.

Выехав в Бачи-Юрт очень рано, к обеденному намазу я был уже там. Как мне и посоветовал Зелимхан, в центре села я подозвал одного благодушного на вид человека и спросил у него:

— Кто у вас в ауле наиболее гостеприимный и хлебо-сольный? Я не знаю никого из вашего села.

— Бултиг, — назвал он сразу имя и показал: — Он недалеко; вон там, видишь, люди сидят? Он среди них.

Я подошел к сидящим, поздоровался и обратился к степенному, как мне показалось, среди них человеку:

— Ты Бултиг?

— До сих пор был им. Приходи свободным, гость!

И он тут же повел меня к себе. Хотя и с опозданием, я совершил полуденный намаз. Его жена быстро поставила нам еду, мы поели. За чаем, когда мы остались одни, я показал хозяину серебряный перстень Зелимхана с выгравированными на нем именами абрека и его отца. В ту же минуту он сказал мне:

— Я понял, что ты не просто так приехал. Рассказывай быстрее, что произошло.

— Вчера многочисленное войско пленило в ингушских горах семью Зелимхана, их увезли во Владикавказ. С ними поехали и ингушские старики. Меня там, правда, не было, мне рассказали об этом Зелимхан и мой брат Яхья, которые вчера ночью вернулись оттуда.

Бултиг спросил:

— Как тебя зовут?

— Бехо.

— А-а-а... Ты из Ачхой-Мартана, я тебя знаю. Бехо, столько войска, бой длился восемь-девять часов... Неужели для него и для членов его семьи обошлось без вреда, что они так быстро прислали тебя?

Мне не понравились его слова, и я сказал:

— Бултиг, я думал, что ты обо мне знаешь. Теперь я понял, что нет, раз ты спрашиваешь о вреде. Ничего кроме того, что я рассказал тебе сейчас, не произошло. Правда, подсчитать потери со стороны войска, понятное дело, не получилось.

— Бехо, прости меня. Обычно как бывает? О плохом стараются не говорить, щадя близких, а потом уже всплывает истинная, порой страшная, картина. Теперь я верю всему, что ты рассказал. Если ты не против, я приготавливаю сейчас своего коня и мы потихоньку поедem в вашу сторону.

Я согласно кивнул. Бултиг привел своего коня, оседлал его, опоясался кинжалом, повесил на шею под бешмет пистолет. Взявшись за стремя, помог мне взобраться на коня, затем сел на своего, и до заката солнца мы тронулись в путь.

Мы оба знали о Зелимхане и о его подвигах не понаслышке. Бултиг знал его намного раньше меня. Тем не менее разговор по дороге мы вели на отвлеченные темы, а не о Зелимхане. И все же я не утерпел, чтобы не спросить Бултига:

— Расскажи про Зелимхана! Как вы стали друзьями?

— Да, Бехо, когда-то я тоже служил в крепости Ведено стражником, охотился за Зелимханом и такими, как он, абреками. А если сказать коротко, польстился на оружие, которое выдавали стражникам. Позвал меня на службу туда мой друг Абдулмежид. Он хорошо знал все тонкости службы в крепости, а то, что знал он, знал и я, так как он делился со мной. Он был тогда на хорошем счету у начальства. Правда, потом у них не сложилось что-то и они сейчас преследуют его.

Однажды поздно ночью в крепость сообщили, что Зелимхан один, без товарищей, находится у своей семьи в Харачое. В ту же минуту офицер выбрал девять человек и приказал им идти туда, организовать засаду и убить аб-

река. Наказал не пытаться взять его живым, так как это пустая затея — живым он не сдастся. Среди девяти человек было четыре стражника, четыре кровника Зелимхана и один офицер-чеченец, сам вызвавшийся возглавить отряд. Со словами «Я ему устрою!» он повел выделенных ему в подчинение стражников и кровников абрека в Харачой, там они в безопасном месте устроили засаду и ждали появления Зелимхана. И он не заставил себя долго ждать. Засада открыла по нему огонь, но ни один выстрел не достиг цели, а вот Зелимхан ответным выстрелом сразил неудачливого офицера-чеченца. Я сам видел его труп.

Отец с самого начала был против моего поступления на службу стражником и после того случая категорически запретил мне продолжать службу в крепости, велел немедленно сдать оружие и сидеть дома.

— Ты должен понять, — говорил мне отец, — что Зелимхану не понравится то, что ты находишься в стане его врагов. Из-за тебя мы не можем кинуть тень недоверия на дружбу между нашими домами, которую пронесли через века семь поколений наших предков.

Я сделал так, как велел отец: поехал в Ведено, сказал, что не могу больше продолжать службу из-за серьезной болезни отца, которому нужен уход, сдал оружие и вернулся домой. Отец несказанно обрадовался этому и сказал:

— Видишь ли, если бы Зелимхан был на несправедном пути, он и его лошадь не смогли бы остаться невредимыми, когда девять человек открыли по ним огонь. В то же время его единственный выстрел оказался достаточным для того, чтобы покончить с офицером-чеченцем, который пришел убивать его самого. Наши предки считали, что даже на зверей нельзя делать засады. Сын, найди Зелимхана и подружись с ним, если это в твоих силах. Он достойный мужчина!

Я хорошо подумал о наставлениях отца и подружился с Зелимханом. Знаю теперь, что и ты очень близкий для него человек, раз он доверяет тебе свой именной перстень.

— А как долго, Бултиг, ты был стражником? — спросил я затем.

— Меньше двух месяцев. Если хочешь знать правду, там со стражниками никто и не считается, если ты не офицер; принимают тебя чуть ли не за раба. Короче, наш человек никогда не станет начальником, если он не обеспечен материально. Они и на учебу не посылают, если ты не доносишь. Одним словом, Бехо, нет разницы — служить двадцать пять лет солдатом или все это время гнуть спину на каторге.

Вот так за разговором еще до того, как все легли спать, мы доехали до дома. Кони наши очень устали с дороги; несмотря на это, Яхья не позволил мне расседлать свою лошадь. Велел съездить к нашему односельчанину, который на его фаэтоне поехал куда-то, предупредить, чтобы тот по возможности сегодня ночью или завтра рано утром пригнал его. Выполнив поручение брата, я вернулся домой и сказал ему, что завтра утром фаэтон будет на месте. Гости и Яхья сидели и разговаривали о чем-то. Зелимхан давал поручение Бултигу:

— Надо завтра съездить во Владикавказ и в полдень, когда начальники и надзиратели будут обедать, прогуляться несколько раз перед окнами тюрьмы, чтобы выглянувшая в окно Бици узнала тебя. Кроме того, вот тебе чистый лист бумаги. Когда Бици или кто-нибудь из них увидят тебя, вытащи его из кармана, скомкай и брось так, чтобы они видели. Если тебе не удастся сделать это в первый день, повтори попытку на второй. Зачем это делается? Они туда бросят свое письмо, в котором расскажут, как с ними обходятся в тюрьме. А я найду человека, который ночью подберет это письмо. Посмотрим, что

из этого получится. Если их окна в тюрьме выходят на восточную сторону, считай, нам повезло. Может случиться так, что они не увидят твоей бумаги, но это тоже не беда. Главное — они увидят тебя и будут знать, что они не брошены на произвол судьбы.

Затем Зелимхан обратился к моему брату:

— Яхья, мы втроем завтра утром поедем во Владикавказ. Бултига мало кто знает на этой стороне. Ты пойдешь на работу, я приготовил себе всю форму.

Мы поужинали и легли спать. Рано утром я запряг фаэтон, и мы выехали по направлению на Владикавказ. Не успели мы отъехать далеко от села, как Зелимхан вытащил из деревянной кобуры красивую накладную бороду, приклеил себе на лицо и пошутил:

— А ну-ка, друзья, посмотрите на меня! Кто скажет, что я не русский поп?

В этот день никто из них вечером не приехал домой. На второй вечер приехали Бултиг и Яхья, Зелимхана не было. Я удивился, но они объяснили мне, что Зелимхан остался ночевать у своего приятеля, а они завтра снова поедут. Бултиг видел семью Зелимхана, сказал, что завтра повезет им все необходимое. Как их содержат в тюрьме, еще никто не знал.

На второй день рано поутру Бултиг с Яхьей снова уехали во Владикавказ, прихватив с собой побольше продуктов для передачи в тюрьму, но они не знали, как переправить их семье абрека. На второй день я тоже поехал с ними. Нас встретил бородатый Зелимхан, он ночью нашел одного осетина, работающего в тюрьме. Мы передали сумки с едой жене этого осетина. Бици сообщила Бултигу, что они получили продукты. После этого мы разошлись, а когда стемнело, встретились снова.

Зелимхан сказал:

— Теперь возвращайтесь все домой. Бултиг, переночуй сегодня у них и завтра поезжай домой. Когда ты

понадобишься, я дам знать. Правда, я и на этот раз не позвал бы тебя в такую даль, просто подумал, что ты можешь обидеться.

— Зелимхан, между нами не должно быть подобных разговоров. Если я не приду на помощь в такой ситуации, то когда еще?!

— Всё тогда, можете ехать. Я хочу сегодня попасть к начальнику тюрьмы. Мне рассказали, что он на этой должности человек новый и живет пока в гостинице. Если мне удастся встретиться с ним пораньше, я сегодня же вернусь, если нет — то завтра.

Когда мы сказали, что раз такое дело, то и мы с ним, Зелимхан ответил:

— Нет, вы не думайте, что я иду воевать с ним. Просто на тот случай, если в тюрьме с ними будут не так обходиться и не так содержать, хочу предупредить его, что у этих двух женщин и детей есть заступник.

— Тогда мы подождем тебя здесь, у друзей Яхьи, — сказали мы, на что он согласился.

Прошло три-четыре часа, а Зелимхана все не было. Если он задержался бы еще, было бы плохо, потому что наступало время ложиться спать, а мы не могли сказать хозяину, почему мы не ложимся.

Но наконец-то появился бородатый Зелимхан и сообщил:

— Изрядно пришлось потрудиться, разыскивая Яхью! Шел сюда, но не уверен был, что застану его здесь. Слава Аллаху, что я тебя нашел! Если вы не против, то я заберу его у вас.

Хозяин дома изумился:

— Время же позднее, куда вы поедете на ночь глядя?

— В Большом Мартане завтра намечается крупное мероприятие по примирению кровников. Яхья должен там быть обязательно!

Хозяин не стал возражать.

— Тогда лучше, чем оставаться пешими, мы тоже поедем с ними, — сказали мы с Бултигом, и все вместе мы покинули гостеприимный дом приятеля Яхьи.

По дороге мы попросили Зелимхана рассказать, получилось ли у него увидеть начальника тюрьмы. И вот что он нам поведал:

— На случай, если не удастся повидаться с ним, у меня было заготовлено письмо с моей именной печатью. Я знал, в каком он номере в гостинице, поэтому сразу подошел к его двери, спросил разрешения и зашел. Он сидел и играл в карты с одним человеком. Я не стал с ними много говорить и сразу спросил, не разменяют ли они мне пять рублей. По их разговору было件нятно, что оба они русские.

— Таких денег нет. Садись, сосед, — сказали они.

Я немного подождал, наблюдая за ними. Пока они играли в карты, я незаметно для них положил письмо под подушку начальника тюрьмы. Его подушку и кровать я определил по кителю с погонами, висящему на спинке прислоненного к кровати стула.

— Ладно, играйте себе в карты, а я пойду, — сказал я и направился к выходу.

Но начальник тюрьмы окликнул меня:

— Ты откуда приехал?

Я ответил:

— С Алагира я, мулла осетинских мусульман.

Правда, угол письма выглядывал из-под его подушки на кровати. Вот когда он прочитает его, узнает, какой я мулла.

Яхья спросил:

— А что ты ему, Зелимхан, написал в письме?

— Я немного написал ему, Яхья. Написал, что глава этого семейства снова придет к нему в гости, если к ним будут применяться незаконные меры содержания, и с его начальником будет о чем поговорить, если тот будет тре-

бовать от него таких действий. Короче, я дал ему понять, что любые их неправильные действия по отношению к моей семье станут мне известны и я лично буду их судить.

Поздно ночью мы добрались до дома. Бултиг не остался ночевать и уехал. Утром Яхья и Зелимхан снова поехали во Владикавказ. Зелимхан очень переживал, опасаясь, что тюремное начальство создаст для его семьи невыносимые условия. И его опасения были оправданы, потому что все знали о трагедии в Ассинском ущелье, произошедшей из-за его семьи. В тот день Яхья вернулся вечером домой, а Зелимхан остался во Владикавказе у своих друзей.

Я спросил у брата:

— Как там дела у Зелимхана?

— Не знаю даже, что сказать, но во Владикавказе он себя чувствует свободно и раскованно, как у себя дома, в Харачое. Его не надо учить. Во Владикавказе, в Алагире, в ближайших поселениях у него есть друзья, к кому он может зайти как к себе домой, и они заботятся о нем. Да чего уж там говорить — казаки Ассиновской, Сипсугорода, Михайловской хорошо его знают и не сдадут властям. Я был свидетелем, как казаки стояли и разговаривали с Зелимханом, зная, что он тот самый легендарный абрек, и как только он уехал, нагрянул воинский отряд, который искал его. Стали спрашивать казаков о Зелимхане. «Не знаем, не видели», — был их ответ. А все потому, что он помогает всем подряд, не разделяя людей по национальности, независимо от того, чеченцы это, русские или осетины. Бехо, власти прекрасно знают, что добытые в результате нападений на банки, магазины деньги Зелимхан раздает сиротам и обездоленным.

Впрочем, об этом знают везде и всюду. Ты помнишь, как мы, получив сигнал, что Вербицкий едет в Грузию, поехали в Дарьял? Помнишь, как там русские протягива-

ли нам золотые часы, перстни, кольца? Помнишь, как Зелимхан и Аюб гневно заявили им: «Спрячьте их! Мы не золото ищем, мы ищем Вербицкого!»? Мало их, таких фактов, что ли? Да, брат, тот, кто пытается сделать ему подлость, предать его, страдает сам. А все потому, что он честен и готов помочь нуждающимся.

Второй рассказ дочери Зелимхана Меди

— В тот день, когда нас пленили и везли в тюрьму, еще до того, как отец открыл стрельбу, угрозы, что нас повесят, воспринимались нами — детьми, женщинами — очень тяжело, такие угрозы даже не все мужчины восприняли бы спокойно. А уж когда на мосту через реку Ассу отец и его друзья стали укладывать одного за другим главных офицеров и лошадей, у нас растаяла последняя надежда избежать участи быть повешенными. Но наша мать, такая же мужественная, как и наш отец, морально поддерживала нас возгласами: «Успокойтесь! Ничего не будет!» Я-то понимала все происходящее вокруг, в отличие от младших сестры и братьев. Бици знала (хотя и не рассказывала нам) о расстреле на рынках в Гудермесе и Грозном невинных чеченцев и ингушей и о том, что виновный в этом преступлении Вербицкий не понес никакого наказания. Кроме того, ей было известно, что отец в отместку за эти злодеяния расстрелял царских офицеров. При этом мать делала все для того, чтобы мы обрели душевный покой; никогда, пока нас не освободили, не делилась она своими мрачными мыслями и переживаниями.

На третий день нашего заточения во владикавказской тюрьме мы увидели в окно какого-то человека, который несколько раз прохаживался в разные стороны, размахивая платком. Оказывается, это был друг нашего отца Бултиг из Бачи-Юрта, мать узнала его. В тот же день и вечер нам передали много продуктов и съестных припасов; в тюрьме нам давали один черный хлеб, который невозможно было есть.

В камеру к нам зашел какой-то начальник в сопровождении толмача и спросил, не нуждаемся ли мы в чем-нибудь. Вежливый толмач почтительно сказал матери:

— Пожалуйся, что питание плохое, черный хлеб несъедобен, спать не на чем.

Мать так и сказала, и нам обещали исправить положение. Она добавила, что дома мы всё добывали своим трудом: у нас была своя корова, швейная машинка, Бици вязала из шерсти, ничем недозволенным мы не занимались. Даже из тех денег, которые отец со своими товарищами уводил из банков, магазинов, отнимал у богатеев, нам выделялась самая малость, этого хватало только на пропитание. Мы, дети, тоже не сидели сложа руки: собирали дрова, пасли скотину и ухаживали за ней.

После посещения начальника нам улучшили условия содержания: черный хлеб заменили на белый, дали постельные принадлежности, выводили на прогулку на свежий воздух. Соседи по камере говорили, что наше появление в тюрьме облегчило и их пребывание, к ним тоже стали относиться по-другому. Но удивительно было другое. Бици с Зезаг увидели и узнали в окно нашего отца с приклеенной бородой, который, как и Бултиг ранее, ходил взад-вперед недалеко от окон тюрьмы. Об этом они нам рассказали, когда нас везли в Сибирь, не позволив взять с собой ничего в дорогу. В тюрьме мы провели совсем немного времени; перед отправкой на этап к нам зашел начальник тюрьмы и спросил у матери:

— Скажите, не довелось ли вам испытать из-за меня неудобства или неловкость?

— Наоборот, мы чувствовали благожелательное отношение к себе до последнего момента, — ответила Бици и выразила тюремному начальству благодарность за это. — Нам разрешали даже принимать с воли передачи с продуктами и самым необходимым.

Короче, он хотел, чтобы мы не говорили отцу ничего плохого о нем. По-моему, он и сам не питал к царской власти особых симпатий.

Я не помню, сколько дней мы ехали на поезде, но помню, что четверо-пятеро суток мы плыли на пароходе по реке Енисей. Местом нашего поселения стал Минусинский уезд Енисейской губернии. Мать была опечалена от его вида, позднее она рассказывала: первая мысль, которая ее посетила, — «Мы все здесь погибнем». А сама она улаждала нас сладкими речами:

— Как много чеченцев и ингушей здесь, в Сибири, отбывали ссылку, и ничего, не погибли. И мы не погибнем! Не переживайте!..

Местные жители — сибиряки — знали о Зелимхане из газет, а когда они узнали, что он наш отец, у нас появилось много друзей. Горестные мысли покинули нас, и мы задышали совершенно спокойно, почти как дома. Остановились мы в поселении с названием Ермаковка. Правда, у нас не было сил заготавливать дрова да и другие чисто мужские дела по хозяйству нам были несподручны.

К счастью, наши соседи Аркадий и Николай отнеслись к нам очень благожелательно и всю мужскую работу по дому взвалили на себя. Бици, чтобы не оставаться в долгу, связала им шерстяные носки и рукавицы. Завязалась у нас дружба и с русской соседкой, ссыльной по имени Валентина Михайловна Карташова, которая была отправлена сюда за распространение революционных идей.

Как-то вечером, буквально на вторые сутки нашего пребывания там, к нам в дверь постучали. Спросив разрешения, к нам зашла очаровательная русская девушка с папкой в руках. Она представилась, потом узнала наши имена, достала из папки несколько газет и стала читать. Я немного понимала по-русски; в газетах было написано

про нашего отца. Эти газеты она собирала еще до нашего появления здесь. Валентина стала для нас очень дорогим человеком; когда она приходила, у нас становилось весело, словно мы не в ссылке находимся, а дома. Мы много беседовали, она стала меня учить читать и писать, и я с удовольствием вечерами ходила к ней заниматься. Два раза приходили газеты, в которых писали о моем отце, их я читала самостоятельно. Валя похвалила меня, сказав, что теперь мне будет нетрудно, раз я выучила русский язык и умею читать.

За семьдесят лет, которые я прожила на свете после этого, я ни разу не забывала этой девушки. Она делилась с нами всем, что у нее было. Придет на ее имя посылка — часть содержимого она приносила нам. Начальство, узнав о ее добром отношении к нам, неожиданно для всех перевело ее в Минусинск, и мы ничего не могли поделать. До самой смерти не забуду, как тяжело мы перенесли эту разлуку.

Через некоторое время после этого, в очень морозную ночь, к нам постучались — осторожно, но настойчиво. Время было позднее, поэтому мы испугались и не стали открывать дверь.

Тогда каждого из нас позвали по имени: «Меди, Энисат, Зезаг, Бици, Умар-Али, Магомед» — и попросили открыть дверь. Когда Бици открыла ее и впустила Валю, нас всех охватила такая ошеломляющая радость, как будто перед нами предстали все родные лица! Мы стали обниматься, покрывая друг друга поцелуями. Потом она присела; ее лицо скрывала маска, изображающая мужские черты, к которой были приклеены большие усы, а на голове была огромная мужская шапка-ушанка. Никто бы не поверил, что это не мужчина. Она привезла два полных мешка с одеждой для каждого из нас: пальто, шапки, валенки, платки, платья. Раздав нам всем подарки, подняв настроение (а она умела это делать, как никто

другой), Валя посидела с нами, поплакала, попросила нас как-нибудь потерпеть немного, обещала, что скоро все утрясется. Тепло попрощавшись со всеми, она уехала на сани, которыми управлял кучер. Какая мужественная женщина! Знала ведь: если бы об ее ночном приезде к нам стало известно начальству, то ей бы несдобровать.

Как-то отец прислал нам сто рублей денег. Мы очень хотели сделать ей что-нибудь приятное за внимание и поддержку, которые она нам оказала, но мы не имели возможности съездить к ней. Тогда мать приняла решение: купить быка и принести его в жертву за нас и за Валю, то есть зарезать его, а мясо раздать нуждающимся. Но проблемой оказалось найти человека, который умеет заколоть быка, как того требует мусульманская религия. Мы узнали, что в соседнем уезде находятся недавно привезенные ссыльные ингуши, мать каким-то образом передала им просьбу приехать и забить быка. Приехали сразу три-четыре человека, как только узнали про нас. Мать за двадцать пять рублей купила огромного быка, а ингуши зарезали его, освежевали и разделали тушу. Мясо раздали ингушам и русским — местным жителям.

С ингушами у нас тоже завязались тесные дружеские отношения. Они, оказывается, были сосланы за пособничество нашему отцу, из-за чего Бици было очень неудобно перед ними. Старший из них, я уже не помню его имени, прежде чем вернуться с товарищами в свой уезд, сказал нам:

— Вы не должны чувствовать себя виноватыми перед нами. Мы пострадали за то, что помогали не только вашему отцу, но и нашему Саламбеку и другим абрекам. Без этих мужественных людей нам никак нельзя было. Если бы не они, то царские офицеры, которые еще и напивались, вели бы себя жестоко и до безобразия непристойно! Абреки их отрезвляли. Кроме того, они приструнили и прихвостней начальства — старшин наших аулов,

отличающихся лестью и подбострастием. Получив власть, те также издевались над простыми людьми, занимались поборами, крохоборством. В том, что они прекратили свое самоуправство, заслуга и вашего отца!

Дней через десять двое из них приехали к нам снова, на руках у них были письма от их родных и близких, в которых те сообщали, что пятерым ссыльным выслали по пятьдесят рублей. Ингуши уже получили эти деньги, которые прислал им, как выяснилось, наш отец. Они рассказали нам об этом с благодарностью.

Через год нам разрешили вернуться на родину. Валентина Михайловна, как только узнала об этом, приехала к нам, оформив пропуск на три дня — как она сказала, чтобы помочь нам собраться в неблизкую дорогу домой. Она принесла нам целый мешок баранок, мешок одежды, большую корзину булочек, две большие бутылки с кипяченым молоком, большую банку сметаны и всякие другие вещи и продукты, которые могли бы пригодиться в дороге. Провожали нас всем селом. До сих пор у меня перед глазами стоит Валентина, которая долго бежала за нашей коляской, размахивая стянутым с головы белым платком.

Четыре-пять дней мы на пароходе плыли до Красноярска. Нас разглядывали с нескрываемым интересом. Все внимание людей на железнодорожном вокзале, пока мы ждали своего поезда, было приковано к нам, а некоторые даже фотографировали нас. Их удивлял наш невозмутимый вид.

Не забуду, как один русский спросил:

— Кто из детей Зелимхана самый старший?

Когда я выступила вперед, он мне дал золотой рубль и добавил:

— Прошу не забывать меня!

Стали подходить и другие русские и протягивать нам деньги. Но Бици обратилась ко мне:

— Скажи им, что мы не нищие и что у нас считается позором принимать такое подаяние. Пусть прекратят!

Я перевела слова матери, что остудило пыл желающих помочь нам деньгами.

Когда мы сели на поезд и он тронулся, много людей провожало нас, будто своих родственников. Они махали нам вслед белыми платочками, пока поезд не скрылся из виду.

Ты не поверишь, баранки Валентины мы ели всю дорогу в течение восьми дней, пока ехали. И даже когда мы приехали домой, они еще оставались — мы их еще и дома доедали.

После прибытия в Грозный нас сразу оцепили тройным кольцом вооруженных солдат. Можно было подумать, что среди нас находится и наш отец! Нас там же, на вокзале, сфотографировали и отвезли в дом Абубакара, где мы пробыли двое суток, а затем мы стали готовиться к отбытию в Давлетгирей-Юрт; Бици очень хотела туда, и наши известные религиозные деятели поспособствовали исполнению ее желания.

Мать предварительно съездила туда посмотреть наше будущее жилище. Вернулась она оттуда не очень довольная: по ее словам, дом был обветшалым и стоял на отшибе аула, хотя жить там первое время можно было. На следующий день рано утром на двух фургонах нас отвезли туда. Каково же было наше удивление, когда по прибытии на место мы обнаружили, что дом, который накануне осмотрела Бици, рухнул! Тогда нас перевезли в такой же неказистый ветхий дом, расположенный также на окраине.

Через два дня к матери приехал какой-то начальник. В смежной комнате они о чем-то поговорили, после чего мать зашла к нам и объявила:

— Дети мои, мы не будем жить больше в этом ауле!

На второй день утром она пошла к аульному старшине и заявила ему:

— Если власть признала нас невиновными и даже вернула из ссылки, мы имеем право выбирать место жительства по собственному усмотрению. Мы хотим уехать отсюда, и я пришла поставить тебя в известность об этом.

Старшина связался со своим начальником выше рангом, и нас опять на двух фургонах перевезли в Грозный и снова поселили в доме Абубакара.

Часто нас посещал Бултиг, который передавал отцу всю информацию о нас. Сам отец нас не навестил ни разу, но прислал письмо, в котором всячески успокаивал, обещал, что совсем скоро, если на то воля Всевышнего, воссоединимся, так как все должно измениться в лучшую сторону — об этом ему сообщили знающие люди. Далее он писал:

«Чтобы вы знали: вы освобождены не потому, что вас пожалели. Просто вас хотят использовать в качестве приманки для капкана на меня. Они думают, что рано или поздно я не удержусь и проберусь к вам и тут они меня поймают или убьют. Я знаю обо всем происходящем с вами. Мне приходится сейчас проявлять чрезмерную осторожность, так как за мою голову объявлено 18 тысяч рублей. Поэтому вынужден остерегаться даже многих своих друзей, потому что власти пытаются подкупить и их. Если на то воля Аллаха, их планам не суждено сбыться! Но Всевышний призывает и нас самих проявлять старание. Если хотите узнать обо мне что-то, спрашивайте у Бултига. Это человек, которому я доверяю больше всех, даже больше, чем своим близким родственникам.

Вы правильно сделали, что уехали из Давлетгирей-Юрта. Я в курсе всего. Меди, Энисат и Магомед (Умар-Али еще маленький) пусть учатся, изучают русский язык.

Вы не останетесь голодными и холодными — об этом я позаботился через большого начальника, не могу назвать его имя. Знайте, в Сибирь вас больше не сошлют!»

Этой хорошей вестью закончилось письмо отца. Он присылал каждому из нас подарки, чтобы не забывали о нем, а мне прислал очень дорогую золотую цепочку, которую я носила до самой старости. Для Магомеда и Умар-Али он передал через Бултига кинжалы и поясные ремни, которые дошли до них уже после смерти отца.

И вот как-то в доме Абубакара до нас дошло страшное известие о том, что Зелимхана убили в Шали. Правда, наши русские соседи опровергли эту новость:

— Неправда это! Кому-то показалось... Они не смогут его так легко убить. Это вранье приходило много раз.

Но тут к нам зашел старик, отец Абубакара — хозяина дома, и, думая, что мать знает о гибели Зелимхана, выразил ей соболезнование и горько заплакал.

В ту ночь в доме Абубакара офицеры устроили вечеринку в честь гибели Зелимхана, а один лишенный чести и совести офицер обратился к Бици:

— Пришли свою дочь (имея в виду меня) потанцевать со мной!

— Хорошо; девочка не умеет танцевать, я станцую с тобой, — сказала мать и прошла в комнату, где проходила вечеринка.

Заиграла музыка, доулист-барабанщик стал задавать лезгинке ритм. Офицер остановился, жестом пропуская Бици вперед.

— Нет, — сказала мать, — у нас не принято, чтобы партнерша первой начинала танец. Это должен сделать кавалер.

Она пропустила его вперед и что есть силы дала пинка под зад незадачливому танцору. Тот кубарем полетел вперед на пол и уткнулся в него носом. После этого слу-

чая любителя потанцевать, говорят, разжаловали и строго наказали.

На второй день Бици и Зезаг повезли на опознание Зелимхана. С ними поехали и мы: я, Магомед и Энисат. Мать сказала, назло всем присутствующим при опознании:

— Это не Зелимхан! И не похож даже!

Но это был наш отец...

Мы еще были на месте, когда на опознание из нашего аула привезли еще двух человек, якобы врагов Зелимхана (хотя они не являлись ими, но людская молва делала свое дело). Еще до того как они появились, было ясно, что убитый — Зелимхан. Осмелевшие стражники из числа чеченцев, ингушей и дагестанцев вели себя отвратительно: они небрежно переворачивали труп абрека, меняли его позу, неуместно шутили, смеялись. Один из привезенных на опознание наших односельчан, мнимых врагов Зелимхана, увидев эту картину, выругался и стал кричать на стражников:

— Вы что себе позволяете?! Как вы можете вот так бесцеремонно обращаться с трупом? Вы же побоялись бы пальцем до него дотронуться, окажись он живой! Вам не стыдно?! Что вы за люди?!

Последним слово взял Хаджи, старший из кровников Зелимхана:

— Да простит Аллах все твои грехи! Ты уходишь в землю, не оставив после себя в Чечне и Ингушетии второго такого мужественного, отважного и смелого, каковым являлся ты сам. Свидетельствую перед Всевышним и этими людьми: твоя смерть неотомщенной не останется!

Из глаз Хаджи хлынули крупные слезы. Он попятился назад и скрылся в толпе. Бици сжала кулаки и огромным усилием воли взяла себя в руки.

Один чеченский офицер сообщил ей, что абрека хотят закопать в Шали позади воинских конюшен, в лоша-

дином навозе. Медлить было нельзя, надо было что-то предпринять! Мы с матерью тут же наняли фаэтон и поехали на вокзал в Грозный, а оттуда на поезде во Владикавказ.

Там мы прямым ходом пошли к генералу Михееву домой, пока хозяева не легли спать. Дома были жена генерала и его дочь, моя ровесница. Самого хозяина мы не застали. Я, к тому времени свободно владеющая русским языком, рассказала, что привело нас к ним в такой поздний час. Вдруг я заметила на шее у дочери генерала такую же золотую цепочку, как у меня. Не знаю, что со мной произошло: отчаянный, пронзительный плач вырвался у меня из груди, я обвила шею своей ровесницы, прижалась к ней и громко зарыдала. Ее мать была несказанно удивлена происходящим и поинтересовалась причиной моего неожиданного и безудержного плача. Я показала матери и дочери свою золотую цепочку на шее и сказала:

— Увидела на твоей дочери такую же цепочку, как у меня. Ее мне подарил отец со словами: «Не забывай меня, пока живешь на свете», вот и не удержалась.

Я снова обняла дочь генерала и прижалась к ней. Тут не выдержала и моя мать и со словами «Больше не увидит моя дочь подарка от отца!» тоже прослезилась. Генеральша стала успокаивать Бици.

— Не подумай, что я плачу из-за того, что убили мужа, нет. Видишь ли, у меня кроме этой дочери есть еще одна дочь и двое сыновей. Я-то немолодая уже, я переживаю за детей! Каково будет им узнать, когда подрастут, что их отец закопан в лошадином навозе! — причитала Бици, утирая слезы.

В этот самый момент, когда мы все сидели в обнимку с заплаканными глазами, пришел хозяин дома, самый главный начальник Владикавказа Михеев. Он обомлел от увиденного:

— Это что за плач?!

И тогда жена и дочь поведали ему слово в слово то, что мы рассказали им. Поначалу он растерялся, не зная, что делать в этой ситуации, потом успокоился сам и нас всех успокоил, поговорил просто так, рассказал о визите к нему Зелимхана, вспомнил о помощи, которую тот оказал нам в тюрьме, и сказал:

— Окажись сегодня на месте Зелимхана мой кровный брат с таким же «послужным списком», как у него, — и тогда я не смог бы в этой ситуации ничего сделать, иначе бы просто погубил себя. Мы сделаем по-другому: я сейчас позвоню в Грозный генералу и попрошу его удовлетворить просьбу делегации, которая завтра утром придет к нему за телом абрека. Но написать письменный приказ я не посмею. Вы вернитесь сегодня же ночью на трехчасовом поезде в Грозный, а утром с двумя-тремя почтенными старцами побывайте у генерала, он даст вам разрешение на перезахоронение Зелимхана. Только не везите его в сторону Ведено, а похороните ночью на кладбище в Шали.

Радостные, как будто отец живой, мы вернулись в Грозный. А утром, как нам сказал Михеев, мать и с ней еще трое были в кабинете генерала в Грозном. Получив разрешение на перезахоронение, мы поехали в Шали, извлекли труп нашего отца из прежнего места и похоронили днем на шалинском кладбище при несметном количестве людей, несмотря на то что нам предписано было похоронить его ночью при участии только нескольких человек.

Валя Карташова из газет узнала о смерти нашего отца. Она каким-то образом нашла наш адрес и написала нам:

«Бици, Зезаг, Бадик, Магомед, Энисат и Умар-Али!

Не думайте, что погиб только ваш отец. Он для всех нас был и отцом и братом. Дважды пришлось мне писать

это письмо, потому что слезы сами текут из глаз и каплют на письмо, оставляя на нем кляксы. Вы знаете, что я как ссыльная не имею сегодня возможности приехать к вам с соболезнаванием лично, но я верю, что наступит тот день, когда мы еще увидимся. Примите мое искреннее соболезнавание. Вместе со мной слова соболезнавания вам шлют мои родные и близкие, а также все ваши знакомые, оставшиеся здесь. Да унесут ваше горе птицы, да заберут ваше горе звери! Пусть земля оплакивает ваше горе, пусть леса тайги оплакивают ваше горе! Знайте, что в эти дни безутешной скорби мы в душе с вами. До свидания!

Писала Карташова Валентина Михайловна».

(Меди была очень расстроена тем, что не нашла письма Валентины, чтобы дать мне его почитать.)

Позднее нам стало известно, что в старом доме на окраине Давлетгирей-Юрта власти планировали поймать Зелимхана. Они рассчитывали, что после длительной разлуки он обязательно сделает попытку проведать нас. Начальником, приезжавшим туда к матери, был Эти Яндаров. Дом в Давлетгирей-Юрте, в котором мы должны были поселиться, рухнул, оказывается, не сам по себе — этому поспособствовал тот самый Эти. При жизни отца он всячески покровительствовал ему и оказывал содействие, правда, должен был это делать всегда скрытно, так как был в то время начальником стражников в Грозненском округе. Однако он знал еще и то, о чем никто не ведал, — что в стране готовится революция. Эти Яндаров и его сыновья помогли моим братьям получить образование; спустя время мы узнали, что они выполняли волю нашего отца. Значительно позже Эти признался, что, рискуя жизнью, приезжал тогда в Давлетгирей-Юрт сказать нашей матери, чтобы она

отказалась делать там прописку и жить. Все нужные сведения, в том числе о наличии накопившихся за десять дней денег в кассе железнодорожного вокзала и о поступлении партии новых товаров в ювелирный магазин в Грозном, предоставляли отцу Эти Яндаров и Абдулмежид Кужуев. Они же подсказали отцу, как можно избавиться от Вербицкого. Правда, Эти всегда проявлял сверхосторожность, Абдулмежид же пренебрегал этим качеством, ибо был отчаянным и безрассудным смельчаком. Эти к тому же был и очень умным человеком и ни разу не был уличен на работе в лояльности Зелимхану и его сподвижникам. Кроме того, его сыновья Магомед и Усман, окончившие гимназию в Петербурге, изучив различные политические программы, стали революционерами ленинской школы. Именно по заданию Ленина они длительное время занимали на Кавказе руководящие должности, пока не погибли от рук классовых врагов. Да чего уж там! Это были мужественные, достойные и очень умные люди.

Я спросил у Меди:

— А твой отец Зелимхан знал что-нибудь о готовящейся революции?

— Он не мог не знать, потому что одними из самых его близких друзей были Эти Яндаров и Абдулмежид из Ачарашек. Они просили отца быть предельно осторожным ровно три года. Они прекрасно были осведомлены о революционном движении в Москве, Петербурге, других городах и даже во Владикавказе, знали о подпольных кружках сторонников надвигающейся революции. То, что бакинские студенты привозили отцу оружие, — общеизвестный факт. Больше месяца искали они встречи с ним. Как только «надежный и верный» друг отца из Шали сообщил ему, что его разыскивают студенты

из Баку и Еревана, отец встретился с ними в Сержень-Юрте. Дело было весной. Там собралось около тридцати человек: Зелимхан со своими друзьями-сподвижниками, десять студентов и «друг» отца — шалинец.

Студенты тоже просили Зелимхана быть осторожным. Если Китай или Турция начали бы войну, просили поддержать революционное восстание на Кавказе, а также выразили готовность хоть сегодня выполнить поручения отца. Они передали отцу много оружия, патронов и бомб и подарили ему красиво отделанный перстень.

— Если ты прикажешь, мы готовы совершить ряд террористических актов: взрывать дома больших начальников, мосты, железные дороги, — говорили они.

Таким образом студенты хотели войти к отцу в доверие, чтобы он поверил в искренность их побуждений.

— Никогда я не дам согласия на взрывы домов, в которых живут люди, — отвечал им отец. — Этого нельзя делать, ведь могут пострадать невинные женщины и дети! Даже в дом своего отъявленного врага я не бросил бомбу! Вот уже на протяжении одиннадцати-двенадцати лет я изо всех сил стараюсь не убивать мирных и невинных людей и не вредить им. Нельзя брать в заложники начальников у них дома, пугая женщин и детей.

Я не очень доволен сегодняшней нашей встречей. А революцию жду не дожусь и с ее первого дня готов помогать людям, которые будут ее делать. Меня хорошо знают и богатеи вашего соседнего Каспийска, которые обдирают своих работников. Поймите правильно: хотя работники жалуются мне одному, наказывают богатеев мои честолобивые и отважные чеченские и ингушские друзья. К несчастью, все хорошее и плохое относят на мой счет.

Знайте, мои молодые гости: то, что я выразил недовольство нашей встречей, никоим образом не относится к вам. И не подумайте, что я кого-то из вас заподозрил

в нечестности. Это неправда, я даже и не подумал об этом. Я прекрасно знаю, что вас на дорогу, которую вы выбрали, вывела та несправедливость, которая творится у вас, да и во всей России!

В заключение отец поблагодарил студентов за все и поручил шалинцу, который их привел, купить им билеты, оказать гостеприимство и проводить.

О встрече отца и его людей со студентами и о разговорах, состоявшихся у них, стало известно начальству в округе и области.

У отца было много друзей, имеющих хорошее светское образование. После его смерти я узнала, что в походе на Кизляр с отцом участвовал русский офицер Орлов — он примкнул к отцу, как только понял, что революция в России неизбежна. Он очень помог отцу, выдавая многие секреты властей Владикавказа и рассказывая об их планах в отношении него.

Я забыла тебе рассказать, сейчас вспомнила. Помнишь, я рассказывала тебе, как в Красноярске на вокзале один дядька подошел к нам, спросил: «Кто из вас, детей Зелимхана, старший?», подарил мне золотой рубль и просил не забывать его? Оказывается, то был русский революционер. Как мы об этом узнали? Когда мы вернулись из Сибири, начали переписываться с Валентиной. В одном из своих писем она сообщила нам, что в Петербурге свергли царя и она теперь на свободе. Валентина знала лично этого революционера, который и поделился с ней этой историей с золотым рублем на вокзале Красноярска. Звали того русского революционера Аркадием; фамилию его, правда, забыла. Он тоже, оказывается, хорошо знал моего отца.

Я хорошо помню, как отец рассказывал ингушу Иналу, что революция, которая началась в Петербурге, успешно продолжится и во всей России.

Если сказать коротко, то же самое, что отец рассказывал о революции Иналу, мне не раз говорила и Валентина Карташова, которую я любила как собственную сестру...

Рассказ аварца Али о Зелимхане

Вот что рассказал мне ровесник Зелимхана, уроженец аварского аула Алак Ботлихского района престарелый Али:

— В наших горных каменистых местах зерновые растения никогда не возделывали, поэтому зерно приходилось закупать на равнине и поднимать в горы, навьючив на лошадей и ослов. Дорога всегда пролегла через Харачоевское ущелье. Зерно возили в основном из Шали; в урожайные годы, бывало, закупали кукурузу и в Ведено. Гушмаца, отец Зелимхана, был нашим кунаком, и мы часто останавливались у него, как и у другого кунака из Харачоя — Али (они тоже гостили у нас). Когда мы, дети, играли, у нас часто происходили споры, переходящие в стычки, и мне нередко приходилось слышать в свой адрес унижительные насмешки местных сверстников: могли обозвать то нищим попрошайкой, то сборщиком черемши, то еще как-то.

И вот однажды, когда в присутствии Зелимхана я поборол одного мальчика, он стал в позу и с упреком бросил мне в лицо:

— Суьйли-хьонкахо¹! Пошел отсюда!

Зелимхан тут же жестко отчитал моего обидчика:

— Тебе не стыдно? Только от болтливых баб можно услышать такие язвительные и злые насмешки!

Затем Зелимхан обратился ко всем мальчишкам:

— Ребята, я сегодня прощаю этого товарища, потому что он впервые допустил подобное. Знайте, что все люди, сотворенные Всевышним, одинаковы! Нельзя никогда

¹ Суьйли-хьонкахо (чеч.) — аварец-сборщик черемши.

насмехаться над таким же человеком, как и ты! В чем заключается мужество? В признании людей равными, независимо от их рода и тайпа. Благороден и обходителен тот, кто помогает людям. Вот такого я считаю хорошим человеком, независимо от его тайпа и национальности. Вы посмотрите: мы не маленькие уже, к девушкам приглядываемся, как взрослые люди. Так знайте: нет места среди нас тому, кто впредь будет допускать попреки, укоры и насмешки по отношению друг к другу!

После той речи Зелимхана я, сколько ни бывал в Харачое, ни разу не слышал подобных насмешек.

Дело происходило незадолго до того, как Зелимхан встал на путь абречества. У Зелимхана в Анди был друг по имени Арша, владевший огромной отарой, которую пасли двадцать чабанов, кроме того, у него было много наемных работников, которые выполняли различные хозяйственные работы: стирали и чесали шерсть, изготавливали бурки. Одним словом, Арша был очень состоятельным человеком.

Время было тяжелое, люди, еле-еле сводившие концы с концами, не в состоянии были платить налоги, которые устанавливала царская власть. А Арша использовал дешевый труд горцев, вынужденных работать на него за гроши.

Изготовленные бурки Арша оставлял на ночь висеть на длинном канате на воздухе, чтобы они быстрее сохли. Сторожила их огромная пастушья собака, привязанная рядом. Зелимхан увидел это в один из своих приездов и сказал Арше:

— Удивительный ты человек! В эти трудные времена, когда везде расплодилось всякого ворья, не боишься оставлять столько бурок на улице без сторожа...

Арша ответил с хвастовством и не без гордости:

— Видел моего серого в яблоках коня? Мне предлагали за него двести овец, но я не отдал его. Сегодня я по-

ставил его на ночь в конюшню, а до этого часто оставлял на улице, доверяя собаке, так что я не вижу никакой опасности совершения кражи. Подворье у меня охраняет вон та черная собака, а бурки — белая собака, которую ты видел.

— Арша, аварцев собаки не трогают и даже не лают на них, так что те могут свободно проникнуть на твоё подворье. Зря ты сидишь на таком богатстве, доверившись одним собакам, — возразил ему Зелимхан.

Вместо того чтобы прислушаться к словам Зелимхана, Арша, наоборот, продолжил самоуверенно:

— Я не боюсь, что найдется кто-нибудь, кто посмеет приблизиться к моему подворью и украсть бурки. О коне вообще не может быть никакой речи! Не только коня не посмеют увести, даже курицы не тронут! Наверное, ты боишься за свою лошадь, Зелимхан? Можешь не бояться! Расслабься, поешь-попей и ложись спать.

Зелимхану постелили в комнате для гостей, и друзья легли спать.

Утром Арша не обнаружил ни бурок, ни охранявшей их собаки. В конюшне не было серого в яблоках коня Арши, исчезла и бегавшая по подворью черная собака. Раздраемый мучительными сомнениями, он снова заглянул в конюшню: не было не только его серого в яблоках коня, но и коня Зелимхана. Арша рванул в гостевую комнату. Его кунак Зелимхан как ни в чем не бывало совершал намаз.

Арша растерялся, у него даже лицо изменилось, глаза другими стали. Он начал бормотать:

— Ты знаешь, что произошло ночью? Непомерная гордыня сгубила меня! Нельзя было этого делать! Как ты и опасался, сегодня ночью увели моего серого в яблоках коня, увели и твоего коня; собак не видно. Унесли также больше двадцати бурок. Какой позор! Мне

не столько урон, нанесенный этой кражей, претит, сколько громкие слова в адрес своих собак, которые я наговорил тебе вчера!

— Нельзя, Арша, больше, доверившись собакам, оставлять без пригляда такое богатое хозяйство. Надо тебе нанять сторожа, — отвечал Зелимхан.

А Арша все удивлялся:

— Что же это такое?

Зелимхан ему вторил:

— Я не знаю. Подумай хорошенько; может быть, ты поймешь, что произошло. Правда, если ты мне веришь, я могу тебе рассказать одну правдивую историю.

— Расскажи, Зелимхан, я послушаю.

— Жил-был один молодой князь в крепости рядом с горой. Будучи таким же богатым, как и ты, владел большой отарой овец. И был у него один батрак, который ночью сторожил овец, а днем князь отправлял его продавать молоко. Чтобы увеличить доход от молока, стал князь разбавлять молоко водой. Каждый раз, когда он это делал, батрак просил:

— О мой дорогой князь, не делай этого, не разбавляй молока водой! Потерпит ли наш Господь то, что ты обманываешь его слуг?

— У тебя это вошло уже в привычку — просить меня не разбавлять молоко. Не можешь ты этого не говорить! — отвечал ему князь и продолжал посылать батрака продавать разбавленное водой молоко.

Прошло двадцать лет. Как обычно, посылает князь батрака в горы:

— Поезжай на фургоне, посторожи ночью овец, а днем приедешь с молоком.

На следующий день вернулся батрак рано утром с одним посохом в руках. Засуетился тут князь:

— Где фургон, быки, молоко?!

— О мой дорогой князь, — молвил в ответ батрак, — когда я вчера доехал до места, солнце стояло высоко над горизонтом. Неожиданно крошечная тьма объяла землю, накрыла нашу отару, фургон. Я тут же распряг быков, бегом поднялся на пригорок, и не успел я укутаться в бурку, как на меня обрушился такой затяжной и мощный ливень, что глаз невозможно было открыть.

Рано утром спозаранку окинув взглядом ложину, я не увидел ни фургона, ни быков, ни овец, ни даже крынок для молока.

— Ты что несешь-то?! — возмутился с негодованием князь.

— Мой дорогой князь, Господь испарил воду, которой ты свыше двадцати лет разбавлял продаваемое молоко, обманывая Его рабов. Затем Он собрал ее в грозовые тучи и обрушил на твою отару в виде мощного ливня, который смыл все твоё хозяйство в горах. Если бы я не просил тебя все это время не разбавлять молоко водой, то и меня, наверное, снесло бы ливневыми потоками. А теперь, князь, прощай и знай, что честно заработанный рубль лучше и дороже, чем нечестно заработанные тысячи рублей! — Произнеся эту речь, батрак ушел навсегда, оставив князя одного.

— Мой кунак Арша, я тебе рассказал эту притчу, потому что дорожу дружбой с тобой, — продолжал Зелимхан. — А теперь, если мы действительно друзья, мы оба должны поклясться. В первую очередь я даю слово найти в Чечне или Ингушетии и вернуть тебе коней, собак и бурки.

— Ой! — перебил его Арша. — Кто его знает — а может, это дагестанцы сделали?

— Арша, я разве не сказал тебе, что пастушьи собаки не кидаются и не лают на аварцев? Знай, что эти собаки кидаются только на воров. А аварцы — не воры! Сказа-

но же аварцами: «Без участия андийца наш скот не пропадет!» Честно, андийцы превосходят чеченцев в умении воровать. Поэтому я знаю, что не аварцы совершили кражу.

Между тем домочадцы Арши обнаружили пропажу коней, бурок, собак и устроили настоящий переполох, переходящий порой в плач и рыдания.

— Арша, — сказал Зелимхан, — какую клятву ты хотел бы услышать от меня? Не обижайся только и пойми меня правильно! Хоть и не вовремя, но я хочу тебе повесть еще одну историю, которую рассказывал отец моего отца.

Как-то отправились они за Терек с целью угнать скот одного богатея. Вокруг его домовладения была высоченная крепостная ограда, и попасть во двор было невозможно. Увидев на маленькой крыше торчащую трубу, они догадались, что это подвальная труба для забора воздуха. И когда, разобрав крышу, они проникли в подвал, один из них через некоторое время промолвил:

— Надо же! Думал, это сахарный ком, а оказалось, это соль.

На что их вожак ответил:

— Все! Раз ты узнал вкус соли, мы стали кунаками хозяев и не можем ничего тронуть.

Так вот, рассказывал мой дедушка Бехо, проделав такой огромный путь туда и обратно, они вернулись домой с пустыми руками.

Честно, Арша, если я мужчина, то я обязан охранять твой дом! Если же я этого не сделаю, то уподобляюсь вон тем покойникам, которые лежат на кладбище. Теперь я хочу, чтобы ты поклялся, что гордыня не охватит тебя. Второе — что в погоне за наживой ты не станешь при изготовлении бурок использовать необработанную овечью

шерсть вместо качественной. И третье — что ты будешь отдавать работникам заработанное ими и не будешь гонять их и кричать на них.

— Зелимхан, я исполню все, что ты сказал, и буду впредь помогать местным сиротам, обездоленным и нуждающимся. Что еще я должен сделать?

— Теперь, Арша, позови своего сына Расула.

Расул был тут как тут.

— Расул, сбегай быстро в Гагатли, скажи Магомеду, чтобы вернул коней и мешки с бурками. Собаки сами прибегут, лишь бы он отвязал их. Да, можешь забрать и два мешка из-под собак. Ты не подумай, Арша, что я вор. Я не вор, да и не получится из меня вора.

Когда-то в былые времена старики сталкивались с подобными делами. А сегодня я встал посреди ночи, снял с изгороди четыре больших мешка; из прутьев, которыми растягивали бурки, сделал круг и надел на него мешок, поднес его к собаке. Только она бросилась вперед, я сделал движение навстречу и накрыл собаку мешком, снял с мешка круг и перевязал его. Таким же хитрым способом и вторая собака оказалась у меня в мешке. Связав два мешка с собаками воедино, я погрузил их на спину коня. Бурки затолкал в еще два мешка и не спеша поехал к своему кунаку Магомеду. Объяснил ему все как есть, вернулся и лег спать. Вот так-то, мой кунак Арша!

Тот ответил со вздохом облегчения:

— Как хорошо, Зелимхан, что ты не вор. Мы-то с тобой кунаки, а вон как много их в Анди, более зажиточных, чем я, — ты их всех обокрал бы, наверное, окажись вором. Что касается меня, то больше никогда в жизни не буду хвастаться своим имуществом!

— Да, Арша, презренное это ремесло — вор, и хорошо было бы, если бы только крысы им и занимались, — задумчиво произнес Зелимхан.

Али продолжил свой рассказ дальше:

— Да, сын мой, Зелимхан был удивительным человеком, потому что не имел привычки различать имущих и неимущих по родовой принадлежности и национальности, он ко всем относился одинаково. Правда, очень жалел бедных и сирых.

После того как он стал абреком, я видел его только один раз. Я ему рассказал тогда, как один шалинец, чиновник, нанял бригаду аварцев из Цумада, чтобы заложить фундамент, и, не отдав половину положенной по договору суммы, отправил их домой, сославшись на низкое качество работ. Через месяц Зелимхан послал этих аварцев к хозяину за окончательным расчетом. Теперь тот признался, что был неправ, извинился и выплатил им все деньги.

Зелимхан делал для аварцев много полезного. У нас же земельных наделов было совсем мало, имеющиеся участки были неплодородны, на них только овес и прорастал. У соседних андийцев земли было достаточно, как и скота, вот и нанимались аварцы к андийцам на разные работы: покосить, за скотом поухаживать. Часто бывали случаи, когда хозяева задерживали оплату или вовсе не платили за работу. Кунак Зелимхана Арша такого не делал, всегда и своевременно оплачивал своим работникам положенное, уделял внимание слабым и жалел их.

Главной заслугой Зелимхана было то, что он ставил на место зарвавшихся сельских старшин, назначенных царской властью. До того как Зелимхан стал абреком, они угнетали население всеми доступными способами. Относились ко всем предвзято, могли невинного обвинить, а виновного не заметить, а то и вовсе оправдать. Потом все изменилось: стоило только пожаловаться Зелимхану, и наши старшины становились ласковыми, как подобранные щенки.

Девять из десяти аварцев любили Зелимхана и считали его своим кунаком за то, что он взял их под свою защиту. Основная дорога к нам, в горы, проходила через Харачой; в ущелье между Харачоем и Анди рос густой лиственный лес, в котором устраивали засады и разбойничали какие-то люди. Они отнимали у аварцев, едущих на базар, масло, сыр, мясо, курдюк и другие товары для продажи. То же самое происходило с аварцами, которые с покупками возвращались с рынка. Грабители не брезговали отобрать даже мешок с кормом для скота. Оказывавших отпор могли и убить, такие случаи были. Власть ничего не могла сделать с этим или не хотела делать, и только вмешательство Зелимхана остановило этот откровенный грабеж.

Правда, наш односельчанин Асильдар устроил им то, что нужно. А дело было так. Асильдар купил в Гуни кукурузу, погрузил ее на спину запасной лошади и поехал домой. На Сухом хребте его остановили двое с винтовками в руках. Один отобрал у него поводья запасной лошади, а второй направил дуло ружья ему в грудь и решительно скомандовал:

— Слезь с коня! Отойди от него!

Асильдар слезно попросил грабителей:

— Заберите коня вместе с грузом, но не отбирайте, прошу вас, коня подо мной, ну нельзя мне без него никак! Я же гость ваш!

Разбойники грязно выругались и повторили команду.

— Ну что же тогда, придется слезть, — недовольно пробормотал Асильдар, спешился с коня и передал им поводья. — Если я отпущу его сейчас, мы его не поймаем уже, он убежит в наши горы. Я его в любом случае теперь лишился... Эх, придется мне теперь пешком топтать в такую даль, — вздохнул Асильдар и снова попытался разжалобить грабителей.

Те и ухом не повели и хотели уйти со своей добычей. Но Асильдар распахнул бурку, достал из-за спины обремененный пятизарядный карабин, направил его на разбойников с дороги и скомандовал:

— Клянусь Аллахом, я расстреляю вас обоих как собак, если вы только пикнете и шелохнетесь! А ну-ка, бросайте свои ружья! И не отпускайте лошадей, а то одна уйдет!

Ружья грабителей остались лежать. Продолжая держать их на прицеле, Асильдар приказал:

— Никуда не сворачиваете и прямым ходом идете в свою мечеть! И не оглядываться, если не хотите получить пулю в голову!

Один из них стал умолять Асильдара не отводить их в мечеть, они отдавали ему свои ружья и еще пятьдесят рублей сверху давали.

— Нет, этому не бывать, даже если ты целый мешок денег дашь! Этой жизненно важной дорогой люди пользуются от безысходности, а вы, собаки, делаете засады, отнимаете у них последнее, вот я и сдам вас вашему аулу!

Асильдар сел на свою лошадь и погнал пленников в Ведено, к мечети, покрикивая на своих пленников:

— Не оглядываться, я сказал! Последний раз предупреждаю!

Прибыв на место, он сдал их собравшимся на джума-намаз сельчанам и сказал:

— Мы с вами соседи. Знаю, что вы не приемлете несправедливости и коварства, но бывают и вот такие. Как сорняки в огороде...

Веденцы выразили огромную благодарность:

— Больше бы нам таких достойных мужей, которые могли бы поступить как ты. Значимое дело ты сделал! Да будет тобой доволен Аллах!

— С этими словами веденцы проводили моего односельчанина Асильдара, — сказал Али. — А тех двоих разбойников с большой дороги веденцы знают.

Еще до того как на него было совершено нападение разбойников, Асильдар слышал подобную историю. Произошла она не с кем-нибудь, а с Зелимханом. На границе двух аулов, когда он ехал с Беной-Ведено в Дарго, двое грабителей преградили ему дорогу и приказали:

— Хочешь жить — слезь с коня!

— Это нетрудно. На, заberi. — Зелимхан спрыгнул и протянул поводья лошади одному из грабителей.

Тот стал подходить, и в этот момент Зелимхан сильным ударом ноги опрокинул его навзничь, а на второго направил револьвер и скомандовал: «Руки вверх!» Подобрав винтовку упавшего, он погнал их в мечеть Беноя, подождал, пока там соберутся наиболее авторитетные жители аула, и объявил им, что если эти двое еще раз выйдут на разбойничью тропу, он живыми их не оставит. Беноевцы поблагодарили Зелимхана и заверили его в их братском отношении к нему.

Этот случай с Зелимханом стал известен среди аварцев и живо обсуждался. Асильдар его вспомнил, когда сам подвергся нападению, и действовал точно так же, как и Зелимхан до него.

— Правда, — сказал Али, — когда Зелимхан стал абреком, дороги, связывающие Дагестан не только с Ведено и Харачоем, но и с Хасав-Юртом, Шаами-Юртом, Шатоем, Даем, стали свободными и безопасными. Что послужило причиной этому? Было замечено — да и сам Зелимхан лично сталкивался с этим три-четыре раза, — что многие разбойники и грабители представляются своим жертвам абреком Зелимханом, а потом женщины и дети проклинали харачоевца кто как мог. Поэтому Зелимхан везде в местах, где он бывал, подчеркивал, что

у него нет ничего общего с этим ворьем. Везде они боялись его, как будто вот-вот их настигнет его кара.

Даже в казачьих станицах, расположенных в местах проживания черкесов и кабардинцев, чеченцев и ингушей, кумыков и ногайцев, облегченно вздохнули, избавившись от засилья этих жуликов и разбойников, которые при каждом удобном случае кричали: «Мы из шайки Зелимхана!» Чего уж говорить о дагестанцах, чеченцах и ингушах? Последней надеждой людей, страдающих от произвола местных богатеев или чиновников, был Зелимхан. Так и говорили: «Надо обратиться к Зелимхану». Я, как и другие люди, своими ушами слышал это не раз.

И еще об одном, касающемся этого абрека, хочется мне сказать.

Из рассказов наших стариков я много слышал о непоколебимой стойкости, безудержной смелости и лихой доблести гордых чеченских и ингушских молодцов. А если хорошо подумать, между ними и Зелимханом есть существенная разница, потому что у первых эти качества проявлялись или в погоне за наживой и богатством, или ради славы и громкого имени, или ради любимой девушки. Среди них, конечно, были и те, кто охранял честь своей фамилии, тайпа или аула. Это все забудется, исчезнет как дым, уйдет, как ветер и вода в реке. А Зелимхан не богатства искал, не славы и не почета. Он не был образованным человеком, не выделялся богатырским ростом и недюжинной силой, не обладал какими-то другими незаурядными качествами. Но неприятный холодок, который он поселил однажды в душах власть имущих — чиновников, начальников, офицеров, — не исчез до самой его кончины.

Зелимхан не мог отказать кому бы то ни было, если его о чем-то клятвенно просили, и, бывало, страдал из-за этого, но попавшихся на предательстве людей наказывал беспощадно. И вот что я хочу еще добавить: никто не ви-

дел, чтобы Зелимхан целился и стрелял в простых солдат. Может быть, во время облавы на него бывали случаи, когда он отстреливался и случайно попадал в солдата. И никогда бы я не поверил, что нашелся второй, кто стреляет так же метко, как Зелимхан.

Один человек из наших аварцев по имени Муртазали, имевший чин офицера и в свое время преследовавший абрека, рассказывал мне:

— Находящиеся до конца жизни на содержании у царской власти муллы и попы всячески настраивали население против абрека. «Если Зелимхан — враг царя, то он и Божий враг и убить его не грех!» — вбивали они все время в головы прихожан мечетей и церквей. Удивительным было то, что, несмотря на такие постоянные проповеди в божьих храмах, направленные против Зелимхана, казаки, чеченцы и ингуши, еле-еле сводившие концы с концами от безысходной нужды, наоборот, всячески поддерживали Зелимхана, оказывали ему гостеприимство, а о предательстве не было и речи.

Предателем же оказался толстосум, царский агент и «друг» Зелимхана в одном лице.

Послушай еще один случай, связанный с Зелимханом.

Как-то втроем мы подрядились возвести из камня стены строящегося дома жителю Сипсу-города Тимофею, которого мы звали просто Тимо. И вот что он рассказал:

— Мой сосед Иван с сыном пахал весной свой земельный надел, чтобы посадить кукурузу и картошку. К ним подъехали двое всадников. Они сразу же подняли ружья и патронташи, которые пахари положили во время работы на кромке поля, подошли к тем и потребовали, чтобы они распрягли лошадей. Один из них предстал абреком Зелимханом. Пригрозили, чтобы

не сопротивлялись, и, забрав их лошадей, ускакали прочь.

Прошло немного времени, как к ним подъехал другой всадник и спросил:

— Ну что, казаки, как жизнь?

Иван воскликнул в сердцах:

— Да какая тут жизнь может быть? Лучше бы Зелимхан убил нас, чем забирать коней. Власти ничего не могут сделать с этим человеком!

— Говори быстро, в какую сторону он ушел!

— Их двое. Они и наши ружья забрали. Что ты сделаешь с ними один? Неприятности себе только наживешь.

— Ну, говори же, в какую сторону они ушли!

Иван показал в сторону Ассинского ущелья. Всадник быстро спрыгнул со своего коня, как заядлый охотник замерил и изучил следы копыт угнанных лошадей, предупредил отца и сына, чтобы они его дождались. И, так же быстро вскочив на коня, помчался вслед за «Зелимханом» и его товарищем.

Прошло часа два. Мы — я и со мной еще один старик-сосед, ничего не подозревая, подошли к Ивану, который и рассказал нам о случившемся с ними. Не успел он закончить свое повествование, как показались трое всадников и две лошади Ивана. Ускакавший последним разгневанный всадник вел «Зелимхана» и его напарника и делал это, похоже, против их воли.

— Какой из них Зелимхан? — спросил он сурово.

Иван показал на одного — высокорослого, нищенски одетого и очень невзрачного. Тот сразу получил по голове хлесткий удар кнутом и распластался на траве. Иван сначала удивился было: как можно Зелимхана, от упоминания имени которого офицеры почтительно встают, вот так отстегать кнутом! Потом он испугался, подумав, что Зелимхан отомстит ему за такое унижение из-за его лошадей. Правда, разбойников еще по дороге

порядком иссекли, на это ясно указывали следы кнута на щеках «Зелимхана» и его товарища; один из них держал ружья, другой — коней. Иван же не мог догадаться взять у них своих коней. Всадник приказал своим пленникам отдать ружья и коней и сказал:

— Эй, казаки! Вы посмотрите только на этих голодных цепных псов, готовых есть даже кожу! Если бы вы знали, как достается мне и моим товарищам от женщин, бедных и сирых людей вот из-за таких тварей, как они нас проклинают! Офицеры, генералы, которые охотятся за моей головой, не так страшны, как эти шакалы-крохоборы!

Всадник справился об имени Ивана и сказал ему:

— Иван, передай вашим станичникам, что никогда Зелимхан Харачоевский не отбирал у людей ни коней, ни быков, не делал другого недозволенного. Я и есть Зелимхан из Харачоя.

Иван бросился обнимать настоящего Зелимхана:

— Да храни тебя Бог! Какое доброе дело ты сделал для нашей семьи! Большое горе обрушилось бы на нас, если бы мы остались без лошадей. Что бы мы делали, не подоспей ты вовремя?!

— Ничего-ничего. Хорошо, что так обошлось!

Затем Зелимхан стал поносить двух разбойников:

— Вы что делаете? Как вам не стыдно?!

— Зелимхан, прости нас! Впредь мы готовы скорее от голода умереть, чем становиться на этот путь. Как нам неудобно перед тобой!

— В Аллаха верите?

— Верим. Намаз делаем.

— Зря, зря стараетесь! Тот, кто верит в Аллаха, никогда не позарится на имущество бедных.

— Мулла сказал нам: «Присвоить имущество христиан не грех».

Зелимхан возмутился:

— Ваш мулла похож на муллу, который позволил закопать на мусульманском кладбище пастушью собаку, когда ее хозяин преподнес ему барана. Не верьте ему, нельзя красть и у христиан, они такие же созданные Всевышним, как и мы, люди. А этому мулле передайте: «Если ты еще раз будешь говорить подобное, тебе несдобровать!» Знайте, что все люди на земле произошли по воле Всевышнего от пророка Адама, и все они одинаковы. Но, правда, среди людей, среди каждого народа есть и хорошие, и плохие, и те, кто отличает и кто не отличает дозволенное от недозволенного. Эти различия есть везде и среди всех народов. Ты посмотри, какую глупость ты сейчас сказал, ссылаясь на вашего муллу! Такие служители Бога, которые ничего не соображают, могут быть и у русских, они утверждают, что воровать у мусульман, грабить их не запрещается. Я был совсем маленьким, когда слышал, что головы некоторых мулл будут молоть в мельницах, которые делают один круг в год.

Я знаю, что могу сесть на коня и уехать, не читая вам этой морали. Ничего не делать проще всего, это все знают. Видите ли, вам здесь жить по соседству, вы можете видаться ежедневно на работе, в лесу, когда поедете за дровами, на базаре или на дороге. Вам выгоднее жить в согласии, не воровать друг у друга.

У нас в ауле был мулла по имени Дибир. Он говорил так:

— Когда идет русский — уступите ему дорогу, нельзя ему дорогу переходить. Никогда не поверю, что убивший русского будет в раю, пока не увижу этого сам. Нельзя их убивать и воровать у них. Русские верят в Ису-пророка, а он был послан Аллахом раньше нашего Пророка. Тот, кто не считается с русскими, не считается с Исой-пророком.

Вы посмотрите на этого Зелимхана-самозванца, который хотел увести у вас двух лошадей! Я знаю: теперь

казак решит, что надо отомстить ему, возьмет ружье и выйдет на тропу войны. А кому нужно все это?!

Мы все внимательно выслушали Зелимхана и поделились с ним своими бедами. Рассказали о непосильных налогах, которые нам приходится уплачивать, о своих многочисленных голодных, неодетых и необутых детях. Не лучшее, чем у нас, положение оказалось, по их рассказам, и у двух разбойников, и Зелимхан перестал сердиться на них.

— Не знаю, — сказал он. — Если хотите, спросите у своих мулл, я с ними не советуюсь, у меня своя власть. Деньги, которые я забираю в банке, я раздаю бедным.

Он полез в переметную суму, достал оттуда кожаный кошелек и дал Ивану и старику-соседу по сто рублей (на эти деньги тогда можно было купить четыре коровы), а затем подозвал двух разбойников:

— Вот, я вам тоже даю сто рублей. Но если услышу, что вы продолжаете заниматься грабежами и разбоем, я вас просто-напросто убью. Если вы такие отчаянные и смелые, отнимайте деньги у банков! Вы же знаете, что там хранятся деньги в виде налогов и штрафов, собранных у населения царскими чиновниками всеми правдами и неправдами. Знайте, что деньги, которые я раздаю вам и другим нуждающимся, — это деньги, незаконно отобранные властью у таких людей, как вы. Я позволяю себе забирать эти деньги у банка и раздавать таким же обездоленным, как вы, и сиротам. Надеюсь, Всевышний простит меня, если посчитает нужным. Берегите друг друга! Оставайтесь свободными!

Зелимхан, этот горный сокол, пришпорил коня и умчался, постепенно скрывшись из глаз. Мы, как умели, помолились за этого смелого и отважного чеченского молодца. Двое разбойников смотрели вслед абреку разинув рты. «Зелимхан» протянул руку Ивану и попросил у него прощения, сказал, что очень сожалеет о проис-

шедшем. Они обнялись на прощание и разошлись, став благодаря Зелимхану друзьями.

Мой кунак Тимофей знал чеченский язык, так как его мать была чеченкой. Зелимхан же русский язык знал нехорошо. Хоть чисто говорить и не мог, но понять его можно было, а все то, что ему говорили на русском, он понимал.

Да, мало было места в Осетии, Дагестане, по Тереку, вплоть до Ставрополя, до Каспия у рыбаков, где бы Зелимхан не бывал; про Чечню и Ингушетию и говорить не приходится. И как только он успевал везде и всюду?! Удивительно было, как он оказывался сегодня в Анди, завтра — в Назрани, или в Хасав-Юрте, или в Кизляре, или в Моздоке. Приходило известие, что Зелимхан и его товарищи где-то совершили нападение, его преследователи тут же направлялись туда, а его и след простыл. Царская власть не могла опередить его в каких-нибудь действиях и всегда оказывалась перед свершившимся фактом. Зелимхан мог лошадь подковать задом наперед, чтобы направить погоню в обратную сторону, чем запутывал своих преследователей окончательно. Кроме того, у него была национальная одежда разных народов, разные накладные бороды, которые он надевал и приклеивал по мере необходимости. Однажды во Владикавказе, когда его семья сидела там в тюрьме, он ходил даже под видом русского попа.

Одним словом, Зелимхан был неуловимым мстителем.

Вторая часть рассказа Шабаз, сына Суаипа

— Прошло два-три года, как меня уволили из стражников, а прослужил я всего лишь чуть больше года. Имел нагрудную медаль, врученную мне за смелость. Мои товарищи не переносили, что я пользуюсь уважением у начальства, а наши односельчане (махкетинцы) тайно доносили, в результате чего меня и уволили. Главная причина увольнения состояла в том, что сестра Зелимхана Хайкалхан была замужем за моим братом. Как я говорил ранее, моего брата Зубайру арестовали и сослали в Сибирь. Сноху свою мы ненадолго отвезли в отчий дом в Харачой и пустили слух, что мы дали ей развод. В это самое время я женился на дочери врагов Зелимхана.

Тогда же из-за Чермой-горы обострились споры между харачоевцами и чермоевцами, дело дошло до возможного прямого столкновения. Наш двоюродный дядя Дангá был очень вспыльчивым человеком, отношения с харачоевцами у него осложнились до предела, в частности с родом Зелимхана. В надежде на освобождение брата мы тоже распространили молву о том, что у нас вражда с харачоевцами, особенно с потомками Бехо.

Зелимхан хорошо знал, что эта молва запущена нами для того, чтобы войти в доверие к власти.

Так вот, через два-три года с тех пор, как меня уволили, Зелимхан убил начальника Веденского округа Галаева; ранее он убил Добровольского. Мне и моим братьям претила сама мысль, что наши отношения с властью испорчены, а брат сидит.

Когда прошло три года, нам удалось наладить отношения с новым начальником округа Маргани через его толмача Аббаза.

И вот однажды посреди ночи меня разбудил и поднял старшина нашего аула Одда. Я тогда жил на хуторе. Старшина обязал меня спозаранку поехать в Ведено — меня вызывал полковник Маргани. Правда, я догадывался почему, иначе пришлось бы отправляться туда с тревогой в душе.

Рано утром я отправился в Ведено, доложил помощникам полковника о своем прибытии и стал ждать на улице. Через некоторое время меня позвали, я спросил разрешения и вошел в кабинет. Маргани встретил меня приветливо, взял за руку и усадил, как высокого гостя. С ним в кабинете был еще один полковник из Владикавказа, и они по очереди стали задавать мне вопросы:

— Зачем вы отправили домой сестру Зелимхана?

— Мы не хотим вражды, — ответил я. — Нашего брата посадили без вины. Они, близкие люди Зелимхана, знают, что моего брата посадили только из-за них, но не считаются с нами. Вместо того чтобы быть пообходительнее, они еще и спорят с нами из-за какой-то горы да еще пытаются надавить на нашего главного в этом споре человека, на Дангу.

— Правда, что ты недавно женился на дочери их врагов?

— Да, это так. Если хотите знать, у нас с Зелимханом и его людьми такие же, как и у вас, отношения. Чего говорить о нас, братьях? У всех чермоевцев испорчены с ними отношения — дальше некуда. Вы же знаете, что Зелимхан отобрал свою бывшую сноху, выданную замуж за чермойца против ее воли, и возвратил ее своему брату Солтмураду. Впрочем, удивляться тому, что вооруженный Зелимхан похитил, можно сказать, вышедшую по своим делам Зезаг, не приходится. Можно подумать,

что мы его боимся, раз он абрек; это неправда, и вы сами убедитесь в этом. Мы пока сдерживаем себя, чтобы не нарушить мирного решения по судьбе Зезаг, принятого уважаемыми людьми двух наших аулов. Но это не значит, что всё им сойдет с рук. Ни в коем случае!

Я говорил так, как меня заранее научил толмач. Все делалось для того, чтобы вызволить брата из Сибири, получить оружие да и назло тем людям, по доносам которых я был уволен со службы три года назад и посажен в тюрьму.

Стало понятно, что они поверили в подрыв наших с Зелимханом отношений. Мне велено было подождать пока на улице, а потом через час они должны были позвать меня.

Ровно через два часа меня снова завели в кабинет. Маргани начал издалека:

— Мы прекрасно знаем об ущербе, который вы понесли из-за Зелимхана, о позоре, который он навлек на вас. Мы знаем и то, что раньше, при Галаеве, ты не имел нареканий по службе, за что был даже отмечен медалью. Знаем, что по ложному обвинению, по ошибке ты провел в тюрьме три месяца. Установлено, что и за твоим братом нет никакой другой вины кроме той, что он был женат на сестре Зелимхана.

Поэтому мы на русском и арабском языках приготовили эти два документа; как ты знаешь, предписания власти приходится соблюдать. Эти два документа будут у нас, а ты должен поклясться в верности власти и служащим ей и расписаться в каждом из них. Второе: ты должен поклясться в том, что живым или мертвым поймашь этого разбойника и не пожалеешь ни своих сил, ни крови в служении во славу царю, восседающему в Петербурге.

Передо мной положили две бумаги. В них было еще написано, что присутствующие при моей клятве два на-

чальника и толмач клянутся не разглашать мое — Шабаз, сына Суайпа — имя.

Я ответил:

— Пока я жив, присяге не изменю, буду выполнять ваши приказы, буду делать все, что в моих силах. Но у меня и к вам просьба: выпустите моего брата. Это первое. Второе: я прошу вас принять вместе со мной на службу стражником моего друга из Махкет Межида, сына Ильяса, потому что он шустрее меня, смелее и надежнее. Я ему скажу, чтобы он согласился на все ваши требования.

— Хорошо тогда, приходи со своим другом через два дня, — прозвучало в ответ.

Через два дня, как нам и было велено, мы вместе с Межидом пошли в Ведено. Меня завели первым. Как они и хотели, я принес клятву, расписался в двух местах и вышел. После меня завели Межида, через час вышел и он. Спрашивать у него о чем-то не было смысла, я знал, что с ним проделали то же самое, что и со мной. Из числа чеченцев они брали в стражники только после того, как те приносили клятву на верность.

Правда, мы поинтересовались у нашего сельского муллы Бертиза:

— Не грешно ли давать клятву царским начальникам ради достижения своих корыстных интересов?

Мулла ответил:

— Если власти принудили вас давать клятву, Всевышний может вас и простить. Если же вы это сделали по доброй воле, то — сами знаете.

Признаемся, мы под разными причинами и предложениями позволяли себе все.

Не прошло и десяти дней, как мы с Межидом вышли за Веденскую крепость, а Зелимхан уже знал о нас с Межидом буквально все, до подробностей, и он рассказал об этом брату Межида Бакару и моему брату Бесе. Через

некоторое время после этого у меня состоялся разговор с Зелимханом на эшилхатойском хребте Шулах. Абрек был не таким откровенным и не столько доверял, как раньше, тем не менее я объяснил ему все как есть, без утайки; но мне пришлось принести клятву и Зелимхану, что если по воле Всевышнего мы встретимся с ним на поле боя, стрелять я буду только в воздух. Он меня понял, простил, и мы разошлись.

Через некоторое время такая же встреча у него состоялась и с Межидом, и тот дал ему такую же клятву, что и я. Кроме того, я узнал, что и другие наши товарищи по службе присягали Зелимхану в верности.

— Сын мой, — продолжил Шабаз свое повествование, — расскажу тебе о том, что меня больше всего удивило в Зелимхане.

Это было за два года до его смерти. Стояло очень жаркое лето. Дождя не было давно, ночи были темными. Мы поужинали и отдыхали, ожидая команды командира на отбой. Откуда ни возьмись появился новый харачоевский старшина, который занял этот пост чуть больше месяца назад. Он попросил разрешения у нашего командира и прошел к заместителю Маргани; к нему же вызвали и нашего командира, который должен был объявить нам отбой.

Тут подоспели четыре человека из врагов Зелимхана. К ним добавили наших сослуживцев, четырех дагестанцев-наемников, которые подписали договор о поимке Зелимхана, и еще четырех стражников, всего двенадцать человек, харачоевский старшина тринадцатый и я четырнадцатый. Информация старшины была такой:

— На рассвете Зелимхан прибудет в Харачой. Дорога, по которой он будет идти, — с Чермой-горы вниз по руслу речки в сторону Колмуш-Корта. Если не сегодня, то завтра вечером — наверняка.

Мы быстро приготовили коней и во главе со старшиной выехали. Прибыв на место, мы спрятали коней в ближайшем лесочке и залегли в небольшом овраге. До рассвета мы не пошелохнулись, просидели в засаде, а утром окольными тропами, а не по дороге вернулись в крепость Ведено.

Мы хорошо отдохнули, выспались, поели, а вечером Маргани собрал нас у себя; появился и харачоевский старшина. Маргани приказал отряду выехать снова для организации засады на Зелимхана, так как старшина подтверждает вчерашнюю информацию.

— Приволоките мне его лучше живым или, на худой конец, мертвым! Каждого из вас ждут достойное вознаграждение и награды, — обещал он при этом.

А на грудь нашего командира повесил серебряную медаль. У того промелькнула мысль: «Теперь и до чина офицера недалеко!» Польщенный таким вниманием к себе, он бодро дал обещание:

— Если Зелимхан появится сегодня на дороге, я в присутствии этих моих товарищей обещаю вам доставить его в крепость живым или мертвым!

И снова мы, как и накануне, с харачоевским старшиной впереди ушли в ночь на поимку абрека. Доехав до места засады, в ста — ста двадцати шагах впереди нас мы увидели всадника, направлявшегося в нашу сторону.

Командир крикнул:

— Ты кто?

Тот ответил:

— Вам какое дело до меня? Идите своей дорогой!

Я увидел, как старшина прыгнул с коня и кинулся в его направлении. Он, как и я, узнал грубоватый голос Зелимхана. В ту же минуту началась стрельба. Выстрелом из винтовки Зелимхан поразил нашего командира, тот душераздирающе вскрикнул и рухнул с коня. Потеряв командира, мы не раздумывая разбежались во все сторо-

ны, оставив лежать на месте трех-четырёх лошадей. Время перевалило далеко за полночь.

Зелимхан, оказывается, не ускакал с места столкновения. Услышав стоны нашего командира, он подъехал к нему, дал ему воды, развернул в сторону юга и стал читать отходную молитву. Так как абрек знал его, он сообщил родственникам командира о его гибели, сказал, что тот погиб от его пули случайно, и выразил соболезнование. Отец командира тут же простил Зелимхану кровь своего сына.

Надо сказать, что и командир наш был неплохим и до безрассудства смелым человеком. Я мог бы поклясться, что он выстрелил в Зелимхана лишь после того, как тот бросил в его адрес неприятную реплику или выстрелил первым. Стоящие рядом со мной стали беспорядочно стрелять в Зелимхана, но не попали; если бы командир не был таким смелым, он первым выстрелил бы в Зелимхана, не спрашивая: «Ты кто?» Я знаю, что Зелимхан предупреждал его, чтобы тот не преследовал его, но молодому командиру хотелось быстрее получить чин офицера да и не мог он не выполнять приказов сверху. Мы очень сожалели о случившемся, больше нас сожалел Зелимхан.

Вот такой исход ночного столкновения с абреком меня и удивил, о чем я тебе говорил ранее. Ты видишь, минимум десять человек из нашей группы готовы были, если им это удастся, поймать или убить Зелимхана! Ни один из выстрелов, произведенных в его сторону (я-то стрелял в воздух), не попал ни в него, ни в его лошадь. А он один убил одного, другого ранил да еще и трех лошадей уложил! Вот это и удивило меня несказанно.

Я спросил:

— Шабаз, а чего добивался этот харачоевский старшина?

— Тогда для аула считалось позором иметь старшиной пришлого человека, слышались насмешки: «Неужели в ауле нет своего достойного человека, чтобы занять это место?» В Харачое тогда старшиной был шалинец. Один харачоевец (не стану называть его имя) готов был хоть на убийство старшины-шалинца, лишь бы снять его и назначить местного. Тут к Маргани пришел один харачоевец и обещал в течение двух месяцев поспособствовать поимке Зелимхана, если его назначат в Харачое старшиной. Тогда старшинам на грудь вешали такой серебряный жетон, напоминающий медаль; Маргани перевел шалинца в другой аул, а на грудь харачоевца повесил этот жетон старшины.

В то время человеку, обещавшему проявить вероломство по отношению к Зелимхану, помочь в его поимке, предлагался любой чин, какой пожелает, и огромные деньги. Хотя потом такой человек горько сожалел об этом — не без «помощи» Зелимхана. Но бывало, что за ложный донос высылали в Сибирь; бывало, ранее выданные деньги отбирали, и брали расписку о том, что человек не предаст этого факта огласке, и даже клясться заставляли. Старшина, который приходил к Маргани с доносом на Зелимхана, был удивительным и своеобразным человеком. Я об этом узнал тогда еще, да и сам он подтвердил это в разговоре со мной, состоявшемся после убийства Зелимхана.

Когда Моргания назначал его старшиной, тот обещал ему через какое-то время помочь поймать Зелимхана, но срок уже подходил к концу, и его могли сместить. И он, подумав: «Будь что будет!», сделал ложный донос, а Зелимхан наткнулся тогда на нашу засаду совершенно случайно.

И еще про один случай, связанный с бывшим харачоевским старшиной, я узнал. Оказывается, это по его науськиванию оказалась в Махкетах сноха Зелимхана Зезаг.

Если коротко, это был странный человек, который мог бы пожертвовать даже своим глазом, лишь бы выглядеть перед людьми таким доблестным храбрецом. Нет, сын мой, не ту славу он снискал.

Если ты хочешь знать правду, я много болезней перенес, много чего плохого испытал и мучаюсь вот уже пятнадцать лет, будучи прикованным к постели. Кроме того, когда мы преследовали Зелимхана в горах, у Межида после неудачного падения случился перелом бедра и пришлось везти его на носилках на лошади на очень большое расстояние. Если коротко, преследователи Зелимхана всегда оставались в проигрыше, а он сам всегда выходил сухим из воды. Видишь, никто насильно не заставлял бегать за Зелимханом, но в силу своей молодости и неопытности некоторые это делали и получали пулю в лоб, а в лучшем случае отделялись бедами и страданиями. Он ведь и предупреждал их самих или их отцов.

Когда Добровольский готовил бумаги для отправки пятисот семей в Сибирь, Зелимхан убил его по дороге во Владикавказ и забрал все эти бумаги из его портфеля; об этом абрек сам лично рассказывал моему брату Зубайре. А до этого Зелимхан дважды посылал к Добровольскому одного русского по фамилии Пятка, проживающего в крепости, с просьбой не трогать ни в чем не повинных людей. На месте убийства Добровольского погиб от шальной пули и слушатель офицерской школы, молодой человек из Ведено. Но и к его отцу обращался Зелимхан с просьбой, чтобы его сын не разъезжал с Добровольским и не сопровождал его, однако сын не послушался отца. Абрек очень переживал из-за смерти этого парня.

Я рассказал махкетинскому мулле Кеде о том, что мы с другом поклялись обезвредить Зелимхана, расписались в бумагах даже. Рассказал и о случае, когда мы, четырнадцать человек, организовали засаду на Зелимхана, а он,

один как перст, убил нашего командира, трех лошадей и спокойно ушел. Мулла не придавал значения тому, что услышал от меня. Он сказал:

— В святых книгах написано, что петухи кукарекают посередине ночи, чтобы приблизить наступление рассвета. Но разве от кукареканья петухов зависит наступление рассвета? Нет, конечно! Доносчик, он хуже этого кукарекающего петуха. — И еще добавил Кеда: — Шабаз, хоть вся Россия поклянется отловить Зелимхана, но если не настал его час, с ним ничего не станет. Но есть одна истина: власть тоже устанавливает Всевышний. Никто не в силах стереть то, что Он напишет Своим карандашом, кроме Него Самого. Эти клятвы, которые вы давали, не думая о последствиях, как бы боком не вышли для вас и ваших близких.

Я тогда не поверил ему и не придавал значения его словам, но теперь думаю: не от этого ли все беды, которые преследуют меня? И вот уже пятнадцать лет, как я стал лежачим и беспрестанно прошу Всевышнего простить меня за все мои грехи.

Правда, Зелимхан сам меня простил, — закончил свое повествование Шабаз.

Рассказ жителя Аксая Ахмеда Баширова

— Не прошло и месяца со дня побега Зелимхана из тюрьмы, как он пришел к нам в Аксай. Он был очень дружен с нашими отцами и говорил им: «Я ваш сын и готов слушаться вас во всем!», советовался по любому поводу и часто бывал у нас.

В один из дней Зелимхан появился у нас с товарищем. Обычно, доехав до нашего аула, он слезал с коня, а когда уезжал, тоже не садился на него, пока не дойдет до окраины аула. На этот раз, увидев его подъезжающим к нашему дому верхом в сопровождении товарища, я понял, что это неспроста. Я встретил гостей и, приняв их лошадей, повел к своему отцу. Зелимхан показал отцу письмо, которое он получил из Баку. Отец стал читать его, и вот что в нем было написано:

«Уважаемый сын чеченского народа Зелимхан Харачоевский! Я наслышана о твоём мужестве, стойкости, незаурядном уме, милосердии и сострадании. О тебе наш народ слагает песни. Ты жалеешь угнетённых людей, а с угнетателями ведёшь борьбу, благодаря которой чеченский и ингушский народы не ощущают прежнего гнета. Я посоветовалась со многими, прежде чем написать это письмо, и все одобрили моё намерение обратиться к тебе. Только ты сможешь мне помочь по-братски.

У меня есть в этой жизни всё необходимое, я ни в чём не нуждаюсь, здоровье тоже отменное. Но если через месяц ты спросишь у бакинских нефтяников, то услышишь, что я наложила на себя руки. Лучше бы я вообще

не рождалась, такое большое горе у меня на душе! Чтобы излить его, пошла бы хоть на неведомый край света! Поверь мне: если бы можно было выплеснуть на железо весь огненный жар моей души, оно расплавилось бы. И довели меня до такого состояния мои родные отец и мать, благодаря которым я появилась на свет. Я не могу избавиться от того, что впиталось в меня и в мою кровь с детства, с родной речью матери, с мудрыми наставлениями отца. Я не могу сделать то, чего они от меня хотят, не могу им повиноваться.

Зелимхан, как много ты помогал обездоленным, как много для них сделал! Податель сего письма, Мухтар, сказал нам, что ты являешься его близким другом. Он много рассказывал мне и моим родителям о твоих благородных делах и подвигах. Я, ни разу не видевшая тебя, почему-то уверена, что ты отзовешься на мою боль. Прочитай это письмо и протяни мне руку помощи, мой брат Зелимхан, не рожденный моей матерью, но избранный моим сердцем.

Подумай хорошо над моим письмом. Я помню, как в детстве меня учили дедушка и отец. Напишу кратко: «Ни в коем случае нельзя есть свинину; собака такая же грязная тварь, как и свинья; если собака коснулась твоей одежды, то ее надо девять раз отстирать. Также ислам запрещает женщинам появляться с непокрытой головой, носить короткие платья. Различий между мусульманскими и христианскими правилами поведения, адатами — много».

Сегодня мой отец дал положительный ответ сватам — грузинским князьям, которые просили моей руки. Меня против моей воли выдают замуж за иноверца; мои родители забыли, чему они учили меня с малых лет. Ради своей должности, ради выгоды они хотят пожертвовать мною. Но я не стану невесткой иноверцев!

О Зелимхан, если ты не откликнешься на мой крик о помощи, я предъявлю тебе обвинение в день Божьего суда. Мой адрес и способ избавить меня от этой беды подскажет тебе Мухтар, через которого передаю это письмо. Буду ждать ровно месяц.

С искренним приветом я, Зарри».

— Что посоветуешь, как мне быть? — спросил Зелимхан отца.

— Обязательно надо откликнуться на такую просьбу! Более того, ты обязан это сделать. Не сомневаюсь в том, что твоя поездка в Баку окажется удачной, — ответил отец.

И Зелимхан принял решение помочь этой девушке. В этом ему помог работавший каким-то начальником на грозненских нефтепромыслах Мухтар. Он очень жалел девушку, выдаваемую замуж наперекор ее воле, но ничем не мог ей помочь. Девушка излила ему свою беду, и Мухтар посоветовал ей обратиться с письмом к Зелимхану, обещав доставить его по назначению.

Дело обстояло так. Наместник Грузии не раз видел в Баку очень красивую дочь местного нефтепромышленника, и она ему приглянулась. Зная, что тот ему не откажет, послал к ее отцу сватов и получил согласие. Заимев такого зятя, нефтепромышленник рассчитывал укрепить свое положение. Дочь воспротивилась такому браку, но ее никто не слушал, а наместник тем временем готовился к свадьбе. До нее оставалось сорок дней, и надо было разослать приглашения многочисленным почетным и важным гостям не только из Петербурга, но из многих российских городов.

Тем временем Зарри отчаянно взывала к отцу:

— О мой отец! Неужели я стала лишней для тебя? То, чему ты и твой отец учили меня с самого рождения, глу-

боко впало в мою душу. Вы же мне твердили, что христианские обычаи есть свинину, держать собак, ходить без платка несовместимы с мусульманством! Вы же просили Всевышнего избавить нас всех от этих иноверцев. Вы же, наконец, сделали меня такой, какая я есть! Вы и виноваты в том, что я не приемлю их. Ко всему прочему, этот грузин — старик, а его дочь даже старше меня!

Но отец был неумолим к мольбам дочери и непреклонен.

— Если я проведу сегодняшний день и ночь в дороге, то завтра вечером буду в Каспийске. Хорошо отдохну, лошадей оставлю там, сяду на поезд и поеду в Баку, встречу там с приятелем Мухтара — адрес его у меня есть. Подумаем с ним, как организовать встречу с этой девушкой. Заехал к тебе, чтобы сообщить о своих планах, — сказал Зелимхан моему отцу.

— Смотри, Зелимхан, будь очень осторожен! В таком деле требуется прежде всего терпение. Очень прошу тебя, постарайся во что бы то ни стало избежать кровопролития. Буду молить Всевышнего, чтобы Он послал тебе удачу в дороге и помог благополучно вернуться на отчизну с этой девушкой. Счастливо тебе! — напутствовал его отец.

Ровно через двенадцать дней Зелимхан вернулся на своем черном коне. И был он весел как никогда. Я разнуздал его коня, задал ему корм, и мы вместе прошли к моему отцу. Старик поднялся навстречу Зелимхану, поприветствовал и обнял его. Еще до начала их разговора видно было, что дочь бакинского богатея выручена из беды.

— Ну, рассказывай, Зелимхан, все как было!

— Действительно, отец, — начал Зелимхан свое повествование, — хорошие люди, настоящие мужчины

есть везде и среди всех наций. Как мы и предполагали, на вторую ночь, как я выехал отсюда, я без происшествий добрался через Петровск до Каспийска, там я остановился переночевать у своего кунака Шовхала из тайпа Цадахарой. На второй день он купил мне билет до Баку и вечером посадил на поезд. Утром, до восхода солнца, я прибыл в Баку, нанял фаэтон и отправился к приятелю Мухтара, которого звали Эльнур. Он как раз собирался идти на работу, когда я пришел к нему. Мы поздоровались с ним, он завел меня в дом и в начале нашей беседы сказал:

— Правда, я не знаю тебя...

Я ответил:

— Правда, я тоже тебя не знаю.

Я с ним говорил на кумыкском языке, который выучил здесь; хоть и не владею им в совершенстве, но изъясниться могу. Эльнур спросил меня:

— Ты кумык?

— Нет, чеченец.

Он очень удивился и сказал:

— По-моему, ты тот самый друг Мухтара, про которого он мне рассказывал...

— Может быть...

— Это значит, что ты Зелимхан!

Мы обнялись с ним. Через час в гостиной, где мы уединились с Эльнуром, прислуга устала стол с самыми разнообразными блюдами, которых я никогда и не видел.

— Здравья тебе и счастья, Зелимхан! Как хорошо, что ты приехал и уважил наш дом своим присутствием! Мухтар, живущий у вас в Чечне, много рассказывал о тебе. Я всегда слежу за тобой по газетам, сохранил все, в которых упоминается твое имя. Можешь полностью довериться мне. Когда Мухтар рассказывал о тебе, о твоих подвигах, я готов был пожертвовать многим,

чтобы увидеть и познакомиться с тобой. Ты гость от Всевышнего!

— Да, Эльнур, ты прав! Действительно, я не был бы здесь, если бы этого не пожелал Сам Господь. Да, не должно быть никакого сомнения и в том, что я хорошо знаю Мухтара. Он хоть и уроженец ваших мест, но вырос и живет у нас, поэтому, можно сказать, я лучше тебя знаю его. Вопросы, доверять ему или нет, не может даже стоять. Меня к тебе как к своему другу прислал он; мне этого достаточно, чтобы положиться на тебя.

Я почувствовал какое-то облегчение, когда увидел его искреннее отношение к себе, и поэтому сказал ему:

— Поезжай на работу, Эльнур; возможно, ты уже опоздал. Вечером поговорим о делах.

— Хорошо, — ответил он мне и прошел в соседнюю комнату, позвонил кому-то и предупредил, чтобы сегодня его не ждали на работе.

Я не хотел в душе, чтобы он уходил, но доставлять ему неудобства из-за себя тоже не хотелось.

Эльнур вернулся в гостиную и попросил меня:

— Расскажи теперь, что за дело привело тебя к нам.

Чего уж там, мне хотелось как можно меньше людей посвящать в дело, которое привело меня туда, поэтому я не стал сразу же раскрывать цель своей поездки, а сам стал задавать различные вопросы. Например:

— Не испытываете ли вы произвола со стороны царской власти? Вовремя и полностью ли оплачивают труд рабочих? У нас богатеи и власть имущие сговариваются между собой и угнетают слабых и неимущих. Этого нет здесь? Я знаю, что ваши основные работы связаны с добычей и переработкой нефти; как там складываются отношения между хозяевами и наемными рабочими?

Я не хотел рассказывать о письме Зарри, надеялся, что Эльнур сам заговорит о предстоящей выдаче замуж

дочери местного нефтепромышленника против ее воли, пытался подвести его к этой теме своими вопросами.

— Зелимхан, если я скажу, что у нас нет таких фактов несправедливого отношения власти и богатеев к простому народу, как у вас, это будет неправдой. Если оценить труд наемных рабочих по-справедливому, то они и половину того, что зарабатывают, не получают, но мы пока терпим. Лучшие и наиболее достойные представители всех народов ведут по всей царской России подготовительную работу с целью установления справедливой власти.

Правда, — продолжил Эльнур после небольшой паузы, — наш местный хозяин добычи и переработки нефти всегда был справедлив по отношению к рабочим, но в последние дни многие отвернулись от него. Дело в том, что он скоро выдает свою дочь замуж за влиятельного грузинского князя, который к тому же и старше его чада на тридцать лет. Похоже, что он это делает для умножения своего состояния и укрепления своего положения.

Я задал Эльнуру несколько наводящих вопросов:

— Согласна ли дочь с решением отца? Не забрали ли ее еще из дома? — и получил на них уже известные мне ответы.

Это мне было на руку, чтобы Эльнур сам рассказал мне все с подробностями.

Я спросил:

— И что дальше?

— Мы, родные, близкие и просто знакомые ее отца, не знаем даже, что делать в сложившейся ситуации. Как можно выдавать дочь замуж против ее воли, тем более за иноверца?! Ума не приложим, как быть и что делать!

— Хорошо. А что если похитить ее и выдать за другого человека, с кем она пожелает связать свою жизнь?

— Так она сама сказала: «Неужели в этом огромном городе, где пять тысяч очагов, для меня не найдется од-

ного-единственного, дорожащего честью! Я готова лучше выйти за него и умереть, чем стать женой грузинского князя!» Это правда, Зелимхан!

— Эльнур, а есть у ее отца более приближенные, чем ты, люди?

— Конечно есть! Главный из них — генерал Фируддин Алиев, начальник охраны местных богатеев. Он в наиболее доверительных и тесных отношениях с отцом Зарри и самый ярый противник ее предстоящего замужества. Он всегда на стороне слабых и помогает таким.

— Хорошо, Эльнур. Как ты знаешь, теперь я, лишившись семьи, дома, дал обет защищать слабых и бороться против произвола царской власти, но мне не хотелось бы, чтобы из-за меня страдали невинные люди. А такие случаи есть, хотя я и выручал очень многих. Я рассказываю тебе об этом не из-за бахвальства, просто хочу, чтобы ты меня правильно понял. Ты вот что сделай: дай мне адрес этого генерала. Я вечером поеду к нему и поговорю с ним, там на месте и примем решение. А теперь будь свободным.

Эльнур согласился со мной, тут же куда-то позвонил и заказал фаязтон. Я надел на себя генеральскую форму, накинул на плечи бурку, чтобы спрятать под ней свое оружие. Чтобы как-то развлечь меня, Эльнур повез меня в свой большой загородный сад с множеством самых разных фруктовых деревьев, там тоже был накрыт стол. Правда, в одной просьбе Эльнура, как это ни было при-
скорбно, мне пришлось отказать, но он понял меня. Как радушный хозяин, он хотел угостить меня вином семи-
восьмилетней выдержки.

Мы прекрасно провели в саду время, и когда стемнело, Эльнур сказал:

— Вот теперь, вероятно, Фируддин дома. Мы сейчас поедem к нему, я покажу тебе черный вход в его особняк — он для доверенных друзей. Ты зайди к нему; если

у вас разговор не будет получаться — сразу выходи. Фаэтон будет ждать на улице, я заплатил за сутки.

Поблагодарив Эльнура, я направился к Алиеву и постучал в дверь, которую открыл сам хозяин. Мы обменялись приветствиями, и он пригласил меня в дом, пропустив вперед.

— Располагайся, гость, — сказал он, принимая у меня бурку.

И вдруг, увидев мое одеяние, застыл на месте с буркой в руках и стал удивленно рассматривать меня. Хоть погоны на мне и были генеральские, но в глаза бросалась особенность моего оружия. Прежде чем сесть, он спросил меня:

— Кто ты, какой национальности? Что привело тебя ко мне?

Я представился. О письме девушки не стал ничего говорить, но сказал, что девушка через кого-то передала мне просьбу избавить ее от предстоящего замужества и поэтому я здесь. По выражению лица генерала Алиева было видно, что он достойный человек и что Эльнур дал ему правильную характеристику.

— У нас говорят, что есть три дела... — Он прервал свою реплику и нажал кнопку на стене.

Тут же принесли поесть и попить, в том числе вино. Я не сделал ни глотка, тогда отказался пить и Фируддин.

— Так вот, про три дела, которые не терпят отлагательства, — продолжил он. — Первое — приглашение гостя за стол, второе — выход замуж ставшей взрослой девушки, и третье — возврат долга.

Зелимхан, я могу тебе поклясться, что у меня не было более дорогого, чем ты, гостя! Я не побоялся бы сказать, что более достойного, чем ты, не было и у нас в городе. Видишь ли, ты откликнулся на просьбу не только одной Зарри: я считаю, ты откликнулся на призыв лучших сыновей всего нашего народа. По правде говоря, до этого

мы не наблюдали за отцом Зарри ничего плохого и сейчас мы в затруднительном положении. Тяжело сознавать, что девушка против предстоящего неравного брака, а ты не можешь ей ничем помочь. Обратишься к ее отцу — он может сказать: «Какое вам дело до моей дочери и меня!» Много людей озабочены данной ситуацией. Зелимхан, я знаю, что ты и без моего участия можешь вызволить девушку из дома отца. Для меня большая честь, большое счастье, что в этом огромном городе ты пришел именно ко мне. Я готов сегодня встать рядом и помочь, а потом и проводить тебя вместе с девушкой к себе на родину. Я знаю, что ты доведешь это дело до конца. Зелимхан, ты пока побудь здесь, отдохни, а я вернусь через час.

Как и обещал, Алиев вернулся через час и попросил меня накинуть на плечи бурку. Я достал еще и накладную черную бороду и наклеил ее себе на лицо. Фируддин сожалел, что у него такой нет. Я тут же полез во внутренний карман, вытащил еще и рыжую бороду и отдал своему новоявленному другу. Он сразу наклеил ее на себя и изложил мне план наших действий.

Но прежде рассказал, куда он отлучался на час:

— Я для алиби отправил себе телеграмму, извещающую о тяжелой болезни моего брата, живущего в Дербенте. Он же, отец дочери, забьет тревогу, обнаружив исчезновение Зарри, будет названивать мне и моему начальству. А у меня в кармане будет телеграмма, которая пресечет все разговоры.

Затем Алиев продолжил:

— А сейчас мы с тобой сядем на фаэтон и поедem в особняк отца Зарри. Подъехав, фаэтон мы отпустим. Одному своему надежному человеку я велел, чтобы он ждал нас на улице, прилегающей к особняку с востока. У меня есть ключи от всех дверей и ворот особняка; хозяйка об этом не знает, правда. Сейчас мы подойдем к особняку, я своим ключом открою дверь, и мы проник-

нем внутрь. Ты наставь пистолет в грудь стражнику, охраняющему покои дома, если он не спит, конечно. И предупреди его, чтобы не кричал. То же самое сделаю и я с привратником, приведу его к твоему стражнику или же свяжу и оставлю на месте, засунув ему в рот кляп. Спальня Зарри находится на третьем этаже; беру на себя задачу вывести ее.

Мы приступили к выполнению плана генерала Алиева. Доехали на фаэтоне до особняка и отпустили его, подобрали ключ и открыли ворота крепостной ограды. «Мой» охранник крепко спал, издавая храп. Фируддин оставил меня рядом с ним, а сам пошел ко второму охраннику, связал его и засунул в его рот кляп. Через некоторое время они с Зарри спустились с третьего этажа, и мы стремглав побежали в сторону ожидавшего нас фаэтона, запряженного тройкой лошадей. Надо сказать, что девушка была проворнее нас. Как только мы сели на фаэтон, лошади по команде кучера рванулись вперед и понеслись. Тут Фируддин крикнул мне:

— Тебе патроны жалко, что ли?! Почему не стреляешь?

— Нет-нет, — ответил я, — это будет некрасиво. Я только неделю назад узнал о существовании Зарри, хотя не видел ее. Письмо, в котором она назвала меня своим братом, пусть не рожденным ее матерью, но избранным ее сердцем, лежит у меня в кармане. У нас не принято, придя на помощь своей сестре, стрелять в воздух. Ты лучше найди мне азербайджанку, а Зарри — наша сестра.

Всевышний свидетель: после этого девушка припала ко мне со словами «Зелимхан, о Зелимхан!» и громко зарыдала. С трудом уняв и вытерев слезы, она сказала мне:

— Я плакала от гордости, не в состоянии сдержать порывы души своей; не подумай, что я плакала из-за чего-то другого. Теперь я знаю, что в этом солнечном мире, если у тебя нет брата, рожденного твоей матерью, им мо-

жет стать человек, для которого честь и гордость не пустой звук!

Мы ехали, не останавливаясь, всю ночь, и к восходу солнца, по словам Фируддина, находились в восьмидесяти верстах от Баку. Впереди показались очертания какого-то поселения. Мой спутник снял приклеенную бороду и облачился в свою повседневную генеральскую форму; на голову Зарри мы надели шапку, а на плечи накинули бурку; все мое оружие, кроме револьвера, сложили в ящик на фаэтоне. Нас в нашем одеянии можно было принять за каких-то чиновников. Въехав в городок, мы пересели снова на другой фаэтон (уже в четвертый раз), с тройкой свежих лошадей, и двинулись в сторону Дербента. Там мы разъехались: мы с Зарри поехали в сторону Каспийска, а Фируддин — в Шуру. Алиби надо было на всякий случай подкрепить, чтобы не обвинили в соучастии в похищении Зарри.

В Каспийск мы с Зарри добрались глухой ночью, остановили фаэтон по соседству от улицы, где жил Шовхал, и отпустили его. В доме Шовхала все спали; я разбудил его. Пока я рассказывал ему о поездке, нам подали есть. После трапезы Шовхал предложил нам отдохнуть с дороги, но мне очень хотелось в ту же ночь выехать по направлению к дому. Тут у Шовхала оказалось больше ума, чем у меня, — он предложил сделать другое:

— Ты можешь отправляться на своем коне хоть сейчас, дорогу ты знаешь, да и проще тебе будет одному. А эту девушку мы вместе с дочерью привезем на поезде в Гудермес.

— Хорошо тогда. В Гудермесе вас встретит человек в белой черкеске и в белой шапке, он будет сидеть с книгой в руках под раскидистым деревом на привокзальной площади. Его зовут Бултиг. Мою сестру зовут Зарри. Передашь ее Бултигу. Бачи-Юрт, куда Бултиг привезет Зарри, находится в двух часах езды от Гудермеса. Если время

позволит, приезжайте и вы с Бултигом, переночуете у него. Но ты должен знать, что вы должны ехать только завтра вечером. Мне же надо самому доехать и предупредить Бултига, и надо ехать сегодня ночью, завтра днем, и только к середине следующей ночи я доберусь до Бачи-Юрта. Это при благоприятном исходе. Но если вдруг по непредвиденным обстоятельствам (кто знает, как получится?) вас не встретят в Гудермесе, поезжайте прямым ходом в Грозный. Найдешь у нефтяников начальника по имени Мухтар (его все там знают), он примет эту девушку.

Я договорился с Шовхалом, объяснил все Зарри и выехал. На вторую ночь без происшествий добрался, как и рассчитывал, до Бачи-Юрта. Послал утром Бултига в Гудермес, он встретил их там и привез Зарри в Бачи-Юрт, где она и находится сейчас.

— Да, Зелимхан, хорошее, доброе дело ты сделал, — произнес мой отец и спросил: — Что думаешь дальше делать? Ты советовался с девушкой? Чего она хочет?

— Я еще не советовался с ней о дальнейших планах, не знаю, какие у нее мысли на этот счет. Но я думаю, что прежде всего надо написать письма родителям девушки и грузинскому наместнику, чтобы они не переживали, сообщить, что девушка находится у меня. Если ты одобришь, сделаем это. Кажется, так будет правильно. Кроме того, мой друг азербайджанец Мухтар, который и доставил мне письмо от нее, тоже переживает за нее; у него есть сын, ровесник Зарри. Если они понравятся друг другу, я отдам ее за него.

— Я доволен тобой, Зелимхан. Знай, что сегодня в этом и завтра в другом мире ты ответственен за нее. Уверен, что ты и без моих напутственных слов не причинишь ей беды.

Зелимхан попрощался с отцом, сказал, что еще вернется, и ушел.

Через десять дней он появился у нас снова. Поздоровался с отцом; было видно, что Зелимхан в лучшем, чем раньше, расположении духа.

— Видишь, Саид, как хорошо все устроилось, я очень доволен!

Как я и предполагал, сын Мухтара и девушка понравились друг другу. Они сейчас временно уехали из дома Мухтара и находятся у его родственников. Девушке поменяли имя, Мухтар через кого-то готовит для нее новый паспорт под другой фамилией на случай, если власти будут искать ее. Я не встречал еще такого сострадательного человека, как Мухтар, поэтому не буду уже переживать за эту девушку. А родителям девушки и несостоявшемуся жениху — грузинскому наместнику — я написал письма, в которых призвал их не искать Зарри и сообщил им, что она связала судьбу с хорошим парнем. Если же они надумают все-таки искать ее, то они смогут найти ее через меня. В любом случае мне терять нечего. Правда, я знаю, что азербайджанский нефтепромышленник отдавал свою дочь за наместника, опасаясь, что в случае отказа его дела пошатнутся; это обстоятельство позволит когда-нибудь открыть дочери дорогу к своим родителям.

Саид, да будет доволен тобой Всевышний! Твои советы еще никогда не подводили меня. Пусть ты будешь на хорошем счету у Всевышнего! Прости, что часто беспокоил тебя!

Зелимхан попрощался с моим отцом и ушел. После этого я его больше не видел.

О Магомед Зелимханове рассказал Хасан Джафаров¹

— Магомед Зелимханов учился в Грозном, а затем продолжил учебу в Ростове в реальном училище. Когда в Петербурге произошла революция во главе с Лениным, ему было пятнадцать лет, тем не менее он вступил в партию большевиков и в составе красных партизан с оружием в руках воевал против белогвардейцев.

В одна тысяча девятьсот двадцатом году восемнадцатилетнего Магомеда назначили командиром опергруппы. Он был главным из тех людей, кто устанавливал советскую власть в Ведено, как и Асланбек Шерипов в Шатое. Николай Гикало дал Магомеду прозвище Львенок. Следует признать, он и был храбрым как лев.

На протяжении нескольких лет я был писарем у Мазлака Ушаева. Он рассказывал мне о Магомед так:

— Во время восстания Саидбека в Нохч-Мохке возникла необходимость переговоров с повстанцами из Тазен-Калы. Встал вопрос: кого к ним направить в качестве парламентаря?

— Пойду я, и никто другой! — предложил себя Магомед.

— погоди, ты еще молодой, не лезь! И еще чего не хватало: глядя на твою форму, подумают, что ты русский, и какой-нибудь идиот застрелит тебя, — попытался я остановить его.

— Если не настал мой час, никто меня не застрелит! — только и успел он сказать.

¹ Хасан Джафаров — иранец по происхождению.

И тут же, пришпорив коня, поскакал в гущу готовых сразиться в бою повстанцев, расположившихся на окраине своего аула. Он убедил их, что большевики и революционеры являются борцами за советскую власть, которая защищает интересы трудящихся.

— Вы не смотрите на мою форму. Я и мои товарищи воюем с общими для нас с вами врагами, и мы с вами должны объединиться в этой борьбе! — уверял он тазенкалинцев.

Один из повстанцев громко спросил:

— А ты кто, чей ты?

— Я — Магомед, сын абрека Зелимхана!

И тогда лидер повстанцев обратился к своим товарищам:

— Братья мои! Теперь мы знаем, что нам делать дальше. Видите? Эти люди с нами!

И они перешли на сторону красных партизан. Тут решающим моментом стало упоминание имени отца столь юного парламентаря.

Времена были сложные, все перемешалось, люди не понимали, кому верить, за кем идти. Мало кто мог отличить большевиков от меньшевиков. И те и другие очерняли друг друга. Многих выявленных им сторонников меньшевиков и царской власти (не стану называть их имен) Мазлак Ушаев расстреливал без суда и следствия, за что и попал в тюрьму. Дзержинский, хорошо знавший Ушаева, вытащил его оттуда, перевел в Москву, повысил в чине, а затем направил на подавление басмачества в Узбекистане и Казахстане; через несколько лет его снова вернули в Чечню.

Мазлак мне как-то сказал:

— Хасан, вот увидишь: как только Магомед немного повзрослеет, Дзержинский заберет его поближе к себе, в Москву.

Но Магомеду недолго было суждено прожить.

Весной тысяча девятьсот двадцать второго года кое-где в горах начались антисоветские волнения. Магомеда направили в Махкеты, а Ушаева — в Центарой. Я тогда работал в Махкетах писарем, а председателем сельсовета у нас был молодой человек Халид Мицаев. В эти весенние дни в Махкеты вместе с начальником опергруппы Магомедом Зелимхановым и его заместителем Алавди Кузаевым прибыли солдаты-красноармейцы. Командиром у них был русский офицер, которому понадобился толмач, и мы пригласили недавно вернувшегося из армии и хорошо знающего русский язык Абуезида Семизаева.

По указанию командира я составил для него список владельцев бычьих повозок, командир и Абуезид во дворе перед сельсоветом оглашали его. В тот день такую же работу по установлению бычьих повозок и их регистрации проводил в соседнем селе Тевзана и Магомед Зелимханов.

Ничего не подозревая, мы занимались в сельсовете своей текущей работой, когда на улице послышался какой-то шум. Оказалось, это очень сильно повздорили русский командир и Абуезид. Все началось с жителя Махкет Азиза, тщедушного и больного человека. У него не было быков, а были два не приученных к упряжке молодых бычка, однако командира это не остановило и он приказал Азизу немедленно запрячь их. Абуезид попросил офицера оставить несчастного Азиза:

— Хоть тресни, он не сможет сегодня приучить своих молодых бычков к упряжке.

Тот в ответ взял и обматерил Абуезида, который не остался в долгу — плюнул в своего обидчика, а потом тоже обматерил.

Офицер выхватил пистолет и... застрелил Абуезида. И повел себя после случившегося совершенно спокойно и невозмутимо, как будто он только что убил не человека, а собаку. Но подскочивший к ним Абдул-Халим, сын Межида, снял с пояса убитого Абуезида револьвер и застрелил офицера, командира солдат. Жители Махкет, которые собрались перед сельсоветом в центре аула, бросились врассыпную. Солдаты стояли и ухмылялись, думая, что чеченцы разбегаются от испуга, а те-то, оказывается, побежали по домам за ружьями. Мало-помалу они стали возвращаться к сельсовету, и началось... Шум, гам, стрельба! Одни из самых уважаемых в ауле людей — Юсуп-Хаджи и Абубакар Яховхаджиев — предприняли отчаянную попытку прекратить стрельбу.

— Считайте, что человек, который выстрелит еще раз, — вероотступник, Божий враг и враг советской власти! — призывали они людей остановиться.

Кроме четырех человек, все послушались и перестали стрелять. А эти четверо сами погубили себя. Их потом осудили.

Услышав в соседнем ауле непрекращающуюся стрельбу, Магомед понял, что это неспроста, и поскакал туда. Навстречу ему неся на коне его заместитель Алавди Кузаев.

— Магомед, не езжай в Махкеты! — вопил он на скаку.

Однако Магомед побранил его в ответ и отрывисто прокричал:

— Вернись быстро! Я приказываю тебе!

И поскакал во всю прыть в сторону Махкеты. Преодолев с ходу горку, он начал переходить небольшую речушку Шовду. Кто-то рявкнул: «И этот едет повоевать!» — и нажал на курок. Прозвучал роковой выстрел, оказавшийся смертельным.

Все Махкеты оплакивали смерть Магомеда. А когда узнали, что это сын абрека Зелимхана, даже мужчины причитали, как женщины, особенно старцы, в том числе Юсуп-Хаджи и Абубакар Яховхаджиев. Причитали и родственники Магомеда по материнской линии Каршай, Муртай.

— Твоего отца мы берегли в течение тринадцати-четырнадцати лет, когда он оказывался у нас, а тебя не смогли уберечь! Поэтому тяжесть позора ощущается сегодня очень остро, — обняв покойника, плакал родственник Зелимхана по матери и один из самых верных людей абрека Лорснак.

Вот так погиб этот благородный молодой человек.

Поклявшись в правдивости своих слов, Хасан сказал:

— Не то что в районе — в республике я не видел такого статного и храброго молодого человека, которого можно было бы поставить рядом с Магомедом Зелимхановым. Он был отчаянно смелым человеком и, когда его просили побережься, отмахивался: «Раньше своего часа не умру!»

И еще одну интересную историю расскажу я тебе про этого молодого человека.

Еще до пятнадцати лет Магомед научился обращаться с оружием, и у него были револьвер и обрезаемая винтовка. Он часто исчезал из дома. На вопрос, где был, правды не говорил — называл то Автуры, то Бачи-Юрт, то другой какой-нибудь аул. После расспросов выяснялось, что там и нога его не ступала. На самом деле он попросту лгал матери и сестрам, чтобы те не беспокоились за него.

В мае тысяча девятьсот девятнадцатого года на большом меджлисе¹ в Ботлихе был избран имам Дагестана и Чечни, им стал аварец Узун-Хаджи Салтинский. Резиденцией имамата было избрано Ведено. Имам был лоялен к советской власти и зачастую сотрудничал с ней, имел свои войска и даже деньги свои печатал. И, конечно, мечтал о единовластии.

Как-то охрана Узуна-Хаджи, состоящая из аварцев, заметила одного подозрительного типа, который прятался в зарослях боярышника и мушмулы между Шали и Сержень-Юртом. Он явно следил за перемещениями имама и его войск, собирал информацию. Получив донесение о нем, имам приказал срочно доставить этого человека к нему, но тот, почуяв неладное, бросился наутек. Однако охрана имама организовала погоню, поймала его, доставила в крепость Ведено и посадила.

Магомеду же, который везде и всюду ходил по пятам предателя своего отца и искал подходящий момент, чтобы убить его, в ту же ночь один шалинец сообщил:

— Человека, предавшего и убившего твоего отца, люди имама заключили сегодня под стражу в крепости Ведено.

В ту же ночь, приготовив свое оружие, Магомед пробрался под стены тюрьмы Узуна-Хаджи. Он знал, что утром арестантов будут выводить по нужде; так и случилось.

Дальше рассказ самого Магомеда.

— В ту ночь я до рассвета думал, — рассказывал он впоследствии, — а что если проникнуть через крышу в тюремное помещение и там прикончить своего врага?

¹ Меджлис — народное собрание.

Но надзиратели-аварцы могли бы помешать мне, да и соседи шалинца по камере не позволили бы мне расправиться с ним. Пришлось, как курице на насесте, ждать наступления рассвета.

И вот наконец забрезжил рассвет, поднялось солнце. Арестантов стали выводить по двое, всего их было двенадцать человек. Нужного мне арестанта-шалинца вывели в пятой паре, хотя я не был уверен, что это именно он: когда они направлялись к уборной, я не мог видеть его лица. Но вот когда они шли обратно, у меня сомнений уже не было. Я подождал, пока он поравняется со мной, и окликнул его. Он обернулся ко мне левым боком и как ни в чем не бывало произнес:

— Да, это я.

— Я — Магомед, сын убитого тобой Зелимхана! — крикнул я и выстрелил.

Не было сомнений в том, что он мертв. Надзиратели-аварцы бросились ко мне, но я ушел от них, не спеша спустился к западу от Ведено на дорогу и углубился в лес. Хотелось как можно скорее добраться до Харачоя, обрадовать домашних радостной вестью и спрятать их от людей Узуна-Хаджи.

Я слышал от старших, что любое живое существо нельзя убивать вероломно, даже зверя. Слышал также, что мстить надо по принципу «око за око, зуб за зуб», иначе это будет не местью, а покушением на мирного человека. Когда шалинец стрелял с крыши в отца, он попал тому в левый бок. И надо же такому случиться: Всевышний устроил так, что я тоже убил своего кровника выстрелом в левый бок! Я с четырнадцати лет втайне от домашних охотился за ним, чтобы убить его, однако мне удалось это сделать лишь тогда, когда настал его смертный час.

Когда я сообщил матери и сестрам об убийстве нашего кровника, они облегченно вздохнули впервые со дня

гибели отца. Через неделю мы поставили на могиле отца камень-плиту.

Удивительно было то, что как только я прибыл в Харачой после убийства нашего кровника, следом за мной в аул прискакал вооруженный отряд Узуна-Хаджи. Двоюродный брат матери сообщил, что нас разыскивают. Нас всех спрятали в выкопанную яму, бросили на нее плетень, а сверху накидали сенные отходы и труху. Сидя в яме, мы отчетливо слышали, как переговаривались аварцы, и слышали цокот копыт их лошадей. Они искали нас повсюду в доме, во дворе, перекидали сено. Увидев это, двоюродный дядя матери даже поджег сенную труху, под которой мы затаились, как бы давая им понять, что нас там нет. Один из воинов наступил на плетень, которым была перекрыта наша яма, но не догадался поднять его и посмотреть в яму. Под конец им надоело искать, и они усаkali, так и не обнаружив нас.

Ночью родственники матери увели нас всех в лес. Мы не могли заснуть всю ночь, опечаленные необходимостью снова прятаться. Рано утром в том же лесу появился брат матери Соьду, мы очень обрадовались его приходу. Мысль о том, что отец наконец-то отомщен, согревала нас и успокаивала, и мы даже не задумывались о будущем, а потому чувствовали себя вполне уверенно. Мать спросила своего брата:

— Ну, рассказывай, с чем ты пожаловал! Вижу, ты в несколько приподнятом настроении.

Соьду ответил:

— Узун-Хаджи прислал сегодня ко мне и Зайпулле-Хаджи людей, он хочет видеть вас в Ведено. Он простил вас! Теперь он хочет, чтобы и вы его простили, поэтому и приглашает вас к себе...

У нас не было никакого сомнения в правдивости слов брата матери, поэтому мы тут же на присланном за нами фургоне поехали в крепость Ведено и во главе

с матерью направились в покои имама. Когда, спросив разрешения, мы зашли к нему в длинную комнату, он, всхлипывая, пошел навстречу нам. Толмач стал переводить:

— Слушайте меня внимательно! Если следовать канонам шариата, я имею право повесить вас всех, потому что я должен нести ответственность перед Всевышним за моего арестанта, которого вы убили. Я и издал такой приказ о повешении.

Он повелел писарю зачитать приказ, а затем продолжил:

— Правда, Всевышний пожалел меня и вас и мой отряд не нашел вас вчера. Если бы вас вчера нашли, всех без исключения сразу повесили бы.

Вчера ночью, когда я, разгневанный, лег спать, ко мне во сне явился ваш отец и строго отчитал, говоря такие слова:

— Эй, Узун-Хаджи! Чего ты хочешь от этих сирот? Посмотри, что говорит тебе шариат, и встань на правильный путь. Что ты имеешь против моего сына, который застрелил моего убийцу точно так же, как он убил когда-то меня? Ты неправ по отношению к этим сиротам. Знай, что в день Божьего суда с тебя будет спрос, если ты будешь продолжать притеснять их!

И он исчез.

Я прошу вас простить меня!

С такой просьбой обратился к нам этот небольшого роста худой старик, который производил странное впечатление. Казалось странным, как он, такой тщедушный, может стоять на ногах, как может держать голову на такой тонкой шее!

Не знаю, насколько соответствовало действительно-сти то, что нам рассказал имам, видел он такой сон или нет, но что толмач нам это говорил, это точно.

Может быть — и мне так казалось, — нас освободили и по другой причине. Все воинство Узуна-Хаджи — аварцы и чеченцы — тотчас узнали о состоявшемся возмездии, о том, что мой кровник убит так же, как он убил моего отца. В войске имама было много умных и достойных чеченцев с высшим арабским образованием. Например, его советником был Абдулхалим Саламов из Шали; были люди из многих аулов, хорошо знавшие моего отца. Может, имам под их влиянием изменил свое решение о нас? Но правда и то, что он накануне издал приказ о нашем повешении, а на второй день отменил его и перестал преследовать.

Нам же нужна была свобода, независимо от того, каким образом она достигнута.

Хасан Джафаров о сыне Зелимхана Умаре-Али

— Сын Зелимхана Умар-Али с малых лет рос у меня по соседству. Он был очень обходительным и вежливым молодым человеком, практически без каких-либо явных недостатков, не жаловал всякие детские игры и забавы, зато любил слушать взрослых и общался с ними. Поехал учиться в Ростов-на-Дону, а когда приезжал на каникулы, часто приходил ко мне, а проводывал других таких же, как и я, стариков. После окончания учебы был направлен в Ведено заведующим райздравотдела. Во время его работы на этой должности построили новое здание больницы, для которой, кстати, первой в республике выделили автомашину. Умар-Али был очень уважаемым среди руководителей республики человеком.

И вот только жизнь стала налаживаться, как началась война. Гитлер покорил семнадцать государств и начал войну с нами, над страной нависла опасность стать очередной жертвой фашистской Германии. И хотя большинство населения готово было грудью встать на защиту Отечества, находились и те немногие, которые стали откровенно поднимать голову в надежде на скорое падение советской власти, активизировались ее откровенные враги. Среди людей появились и панические настроения, распространяемые трусливыми и слабыми духом людьми. А в нашем горном районе стали появляться дезертиры.

Случалось так, что председатель сельсовета укрывал от призыва брата, своих родственников, а вместо них на фронт отправлялись другие. В горах в то время мало было людей, которые знали русский язык и законы.

В такой сложной обстановке власти на местах требовались умные, грамотные и образованные люди. По рекомендации старых чекистов и направлению райкома партии Умар-Али Зелимханов стал сотрудником Дагестанского министерства госбезопасности, а через некоторое время был назначен начальником Веденского райотдела МГБ.

Служба текла своим чередом, Умар-Али очень уважали все сотрудники МГБ, он умел правильно строить отношения с подчиненными и находить с ними общий язык. Умар-Али всюду появлялся со своим коллегой Башаровым. Они были у меня частыми и желанными гостями, бывало, что и меня приглашали к себе на чай; всегда советовались со мной по разным вопросам.

Двадцать третьего февраля одна тысяча девятьсот сорок четвертого года чеченцев и ингушей постигла страшная общенациональная трагедия: по указанию высшего советского руководства в течение нескольких дней все население республики было погружено в вагоны для перевозки скота и выслано в Казахстан и Киргизию. В день выселения вайнахов Умар-Али находился в Ростове-на-Дону, в школе чекистов на курсах переподготовки.

Умар-Али усиленно занимался выявлением людей, умышленно или по уважительным причинам оставшихся невыселенными. Первых было довольно много, среди них были и те, у которых были проблемы с законом. Умар-Али выявлял этих лиц, устанавливал степень их виновности или отсутствие таковой, призывал их не скрываться от власти, сдаваться. Невинным людям обещал отправить их к их ранее высланным родственникам. Тем, за которыми числились нетяжкие преступления, обещал минимальные сроки наказания.

Свой весомый вклад внес Умар-Али в обезвреживание подготовленных в Германии диверсантов-парашю-

тистов, заброшенных в нашу республику. Это были Ахмад Баталов, Исрапил Селимов, Джунид Сельмурзаев, а также вожаки абреков Мата Махмудов, Шами Сангириев, Жунаид Абаев и около двадцати бандитов. Все они были задержаны живыми.

Собирание уклонившихся от выселения чеченцев, которые под страхом смерти и тюрем прятались в горах, ущельях и в лесных дебрях, продолжалось, хотя половина из них умерла от тифа. Эти люди, узнав, что начальником Веденского МГБ является сын абрека Зелимхана, подбрасывали ему письма, шли к нему домой. Когда же они узнавали, что их не сажают под арест, обеспечивают питанием, выходили из укрытий, сдавались сами, добровольно. С теми же, кто не желал сдаваться властям, Умар-Али вместе с аварцем Арсой, андийцем Тимирхой и другими, кто владел чеченским языком, активно проводил необходимую работу во всех бывших горных районах республики: Галанчоже, Чеберлое, Ведено, Ножай-Юрте, Шатое.

Это была очень сложная задача. Надо было неустанно убеждать людей не скрываться, и попутно выявлять тех из них, за которыми числились преступления. Сдавшихся нужно было где-то содержать, обеспечивать питанием, пока их не отправят к своим семьям, пока соберут всех.

Умар-Али попросил власти официально наделить его определенными правами и полномочиями и строго следовать этим договоренностям. Когда партийные органы и МГБ пошли ему навстречу, он с еще большей активностью стал проводить эту работу. В тяжелых условиях, ночуя где попало, постоянно передвигаясь, меняя лошадей, он сумел собрать всех этих людей за семь месяцев сорок четвертого года. По согласованию с властями он добился для этих людей разрешения проживать в своих селениях, пока не установят места нахождения их выселенных родственников; позволил им собирать плоды с принадлежа-

щих им садов, продавать, забирать с собой. Кроме того, у многих в разных местах было припрятано зерно, он разрешил использовать и его, а если хотят — забирать с собой на поезде. В некоторых селах для этих людей были организованы столовые, где их кормили за казенный счет.

Умар-Али подорвал в горах свое здоровье и слег в больницу, где ему удалили одну почку. Не успев окончательно вылечиться, он выписался из больницы.

Я отругал его за это:

— Зря ты вышел из больницы! Кто присмотрит за твоими сестрами и племянниками, если с тобой что-то случится, если ты так небрежно будешь относиться к своему здоровью?

Он мне ответил так:

— Да, Хаса, это верно, что я вышел из больницы, не успев выздороветь полностью. Врачи сказали, чтобы я берег себя. Но больше этой болезни меня беспокоят люди, которые доверились мне и сдались властям. Сказать, что все эти люди хорошие, будет неправдой. Недельку назад, перед тем как я попал в больницу, для жителей Махкет, подготовленных к отправке, были выделены продукты питания. Председатель сельсовета и руководитель колхоза не выдали их людям, об этом мне сообщил навестивший меня Арса Хусаинов. Пришлось самому ехать разбираться.

Так председатель сельсовета без всякого стеснения заявил мне, что он все продукты раздал кому положено. Но я-то знаю, что Арса никогда меня не обманет. Пришлось усадить обоих председателей и выяснять, что к чему, кто прав, а кто нет. Председатель сельсовета был все-таки виноват, пришлось написать докладную на имя председателя райисполкома и изгнать его с его поста.

Да, случается и такое. Их несколько сот человек, не считая абреков и всяких воришек, сдавшихся вла-

стям, они доверились прежде всего мне. Я не могу, чтобы такое количество людей думало обо мне плохо, Хаса.

Он очень жалел этих людей, по разным причинам оставшихся невыселенными со всеми. До самой отправки их не охраняли; все они взяли с собой в дорогу предметы первой необходимости и столько зерна, сколько смогли. Их всех собрали в Грозном в конце октября тысяча девятьсот сорок четвертого года. И опять власти, несмотря на то что те прихватили с собой кое-что из собственных запасов, выделили им на дорогу продукты и деньги. Кроме того, Умар-Али сам лично помогал подвозить на железную дорогу все имущество выселяемых, которое они брали с собой в дорогу; для этого он выбивал у власти автомашины и гужевого транспорт для выезда из труднодоступных мест. И Умар-Али сам лично проводил их эшелон, поручив хорошо владеющему чеченским языком Николаю Исакову сопровождать их в пути. Большинство из них были чеберлоевцами, которые жили далеко в лесных чащах, ухаживая за скотом.

Я не побоялся бы сказать, что Умар-Али заболел от вида трупов несчастных прятавшихся от власти беглецов, обезображенных зверями и птицами и разбросанных по горам, лесам и ущельям.

Умар-Али знал, как по приказу Сталина и Берии производилось выселение основной массы чеченцев и ингушей в феврале того года. Когда не хватало машин, конвоиры, чтобы уложиться в расписание эшелонов, пешком гнали колонны людей к местам сбора, бросая умерших в дороге. Был приказ до полуночи погрузить всех в вагоны, и его надо было выполнить во что бы то ни стало и отпрапортовать наверх. Умар-Али благодарил Всевышнего, что ему не довелось участвовать тогда в выселении и увидеть эту картину.

Закончилась долго готовившаяся отправка к семьям и родственникам чеченцев и ингушей, не вывезенных по разным причинам в феврале месяце.

Теперь предстояло самое трудное: отлавливать тех, кто не заслуживал снисхождения, не имел надежды на прощение, за кем числились такие преступления, как убийство мирных людей, грабеж магазинов и банков, дезертирство. Бороться с ними было чрезвычайно тяжело, они прекрасно ориентировались на местности и знали каждую тропинку, для них были привычными местные природные условия. Уходя от преследования, они устраивали засады на чекистов и убивали их.

Власти знали, что сын Зелимхана пользуется уважением и авторитетом не только в Чечено-Ингушетии, но и в соседнем Дагестане. Принимая во внимание тот факт, что абреки за одного своего убитого убивали десять чекистов, Умар-Али вызвали в региональный аппарат МГБ и поручили связываться с абреками. Он, как и раньше, посоветовался со мной по этому поводу. Надо сказать правду, я не одобрил это дело. Тогда Умар-Али рассказал мне, что среди этих беглых людей только десять — пятнадцать человек имеют за собой тяжкие преступления; за остальными значатся мелкие преступления или вообще ничего нет, большинство из них являются близкими или далекими родственниками первых.

И еще Умар-Али сказал:

— Врать я не имею права, но если кто-то из тех, за кем тяжкие грехи, пожелает явиться ко мне с повинной, я по мере своих сил и возможностей буду стараться смягчить ему наказание.

Вот такой план он поставил перед собой и вместе со своим верным и неразлучным товарищем Башаровым строго следовал ему. Часто слышно было, что тот или иной абрек явился к Умару-Али с повинной. Проводя эту

смертельно опасную работу, тот нет-нет да получал угрозы от абреков:

— Сколько ты еще собираешься заниматься своей деятельностью? Тридцать пять наших людей ты и так отправил своим коварством в Сибирь. Как ты собираешься жить? Ты никуда от нас не денешься!

Особо усердствовал в этом плане вожак абреков Жунаид Абаев. Один-два раза Умар-Али назначал ему встречу в лесу, но тот не явился. Тогда он позволил Жунаиду прийти к нему домой. Племянник Умара-Али (сын сестры) сообщил ему, что Абаев пришел. Расположившись за столом, чекист и абрек начали свой непростой разговор. Я присутствовал при этом. Племянник принес им поест, «гость» исподлобья смотрел на него. После долгих переговоров стало ясно, что Жунаид Абаев не намерен сдаваться. Он сказал:

— Умар-Али, кем ты собираешься стать, продав наши шкуры? Ты хочешь повышения по службе? Если не так, какое тебе дело до нас?

— Жунаид, — ответил Умар-Али, — ты же хорошо знаешь, что чекистами при моем участии к своим семьям отправлено полных семьдесят три вагона людей, это через семь месяцев после основного выселения. А сколько человек благодаря мне отпустили без суда! С этими людьми не стали бы в военное время церемониться и разбираться, виноваты они или нет. Мне кажется большим достижением, если я сумел уберечь от наказания хоть одного человека.

— Ой, но ведь и твой отец был абреком! Мы же с тобой не можем сказать, что не знаем этого!

Умар-Али от вспыхнувшего негодования заскрежетал зубами:

— Ты же прекрасно знаешь, что он, как ты и твои товарищи, не отнимал у людей, следующих на базар, козу или барашка, а помогал нуждающимся. Я не должен

об этом даже говорить, да и не имею привычки так делать. Если бы ты был нормальным человеком, ты не должен был бы упоминать его имя, поставив его с собой в один ряд. Мы знаем одно: чем бы мы ни занимались сегодня, мы должны умереть. Смерть не страшна, если после нее ты оставляешь о себе добрую память и добрые воспоминания. И, наоборот, смерть страшна, если ты оставляешь о себе дурную славу и плохие воспоминания, — такого еще при жизни можно считать покойником.

Послушай меня, гость: хоть и неудобно мне говорить об этом при Хасане, но у меня сегодня такой возраст, что я должен был иметь свой дом, свою семью. Видишь ли, от рук моего отца, прав он был или неправ, в свое время погибли люди; о двух таких случаях знаю точно. Я не мог обзавестись семьей, хотя мне уже за сорок лет, потому что родственники этих погибших от рук моего отца да и другие люди показывали бы на меня пальцем: «Смотрите, сын Зелимхана, на котором людская кровь, вопреки нашим адатам и не считаясь с родственниками убитых его отцом людей, женился себе на потеху!» Правда, я знаю, что если бы не эта война, родственники убитых моим отцом людей хотели бы женить меня; теперь они высланы. Но я должен независимо от этого вести себя достойно. Я прекрасно понял твою подковырку, догадываюсь и о том, что у тебя на уме и за душой. Не знаю, в кого ты веришь, но я слышал, что верующий в Бога не убьет мирного человека.

У меня к тебе будет одна просьба, и передай ее своим товарищам. Есть среди них, на мой взгляд, трое-четверо, поступающих по совести и справедливо, и они поставили вам, непримиримым, условия, что если вы еще раз убьете хоть одного мирного человека, они (эти трое-четверо) все погибнут, но и вас уничтожат.

Теперь хорошо послушай меня. Хасан в курсе этого разговора, и он одобрил его. Я на этой службе состою еще со времен, когда о выселении никто и не думал. Власть возложила на меня обязанность отделить незаметных в правонарушениях от тех, кто имеет проблемы с законом, и первым помочь обрести мирную жизнь. Эту работу я выполнил. Теперь осталось с вами разобраться, а вас человек двадцать. О том, что я не гоняюсь за повышением по службе, хорошо знают мое начальство и мои подчиненные. Вскоре я успешно закончу решение поставленной передо мной задачи, осталось освободить темных и неграмотных горцев от влияния преступников — врагов государства. После этого я уеду туда же, где находится и мой народ, буду жить среди него и заниматься тем же, что и он. Знаю: я это смогу. Поэтому прошу тебя не упоминать больше имени моего отца. Оставь его. Мне было бы стыдно, если бы он направлял свое оружие на мирных людей, солдат или если бы он захватывал банки и грабил богачей ради личного обогащения.

— Я пришел за тобой! Не пойдешь со мной живым — унесу твою голову! Не думай, что я веду пустые речи! Без тебя я не уйду, и это истинная правда! — ответил Абаев. — Возьми с собой то, что тебе нужно, — ты не скоро вернешься.

— Ты говоришь ненужное. С одной стороны, ты гость, с другой — я на государственной службе. К огромному сожалению, я ограничен тем, что мы находимся сейчас у меня дома!

— Оставь разговоры! — Абаев поменялся в лице и, резко выхватив пистолет, скомандовал: — Иди вперед!

Умар-Али посмотрел на меня и сказал Абаеву:

— Убери свой пистолет. Хотя мы с тобой лопнем тысячу раз, не бывает этому!

Абаев приставил пистолет прямо к голове Умара-Али и закричал снова:

— Я тебе сказал: иди вперед!

Оказывается, за окном стоял и наблюдал за всем происходящим Ваха, родственник Умара-Али. Он разбил окно и выпустил в голову Жунаида все десять пуль из своего револьвера, так что мозги того разбрызгались по всем стенам. Стоящий в дверях Барон, сын Меди, тоже выстрелил пару раз. Абаев ничком рухнул головой вперед под стол. Негодующий Умар-Али подскочил от злости и закричал на Ваху:

— Враг Божий! Что ты натворил? Зачем ты убил его в нашем доме? Он же гость! Зачем ты опозорил нас? Как тебе не стыдно?!

Вдруг Умар-Али вскрикнул и присел:

— О, что это такое?! Кажется, в меня тоже угодила пуля...

Тут же раненого на машине МГБ отвезли в больницу. В тот же день из города прилетел санитарный самолет с врачами, ему сделали операцию, полтора дня врачи боролись за его жизнь. Но спасти Умара-Али не удалось: пуля попала в его единственную почку. Мир почернел для нас и для всех, кто знал Умара-Али.

На второй день его похоронили. Много людей было на этих похоронах, хотя все чеченцы были выселены. Больше тысячи писем пришло на имя сестер Умара-Али с соболезнованиями от людей, которых он освободил.

На похороны пришел и лесник Муртазали, друг Умара-Али. Он открыто пришел в контору МГБ и сказал:

— Пойдемте быстро со мной! Я покажу вам пещеру, в которой они прячутся. Если вы сейчас же не пойдете со мной, дайте мне пару бомб!

В ту же ночь пещера была окружена силами милиции и МГБ. Засевшим там было объявлено:

— Ваш главарь Жунаид Абаев в наших руках! Выходите, или мы вас закидаем бомбами!

Ответа не последовало. В руках чекистов был пособник абреков, которого вычислили и задержали, когда он приходил справиться о Жунаиде Абаеве, вот его и запустили в пещеру с требованием немедленно сдаться. Через некоторое время он вернулся, а вслед за ним из пещеры выползли еще семнадцать бородатых и заросших абреков, которых тут же и арестовали.

Знаю точно, что Солсаева расстреляли, о судьбе остальных я ничего не узнал. Умар-Али говорил, что среди них есть три-четыре невинных человека, и собирался им помочь, если бы остался жить.

Вот так закончил свое повествование старик Хасан.

Зелимхан был известен в Мекке и Медине. Третий рассказ Саида Гумхаджиева

— До установления советской власти, во времена, когда Зелимхан стал абреком, много старцев — чеченцев и ингушей совершали паломничество в святые места, в Мекку, и получали почетные звания — хаджи. Эти люди, совершающие хадж, просили Аллаха в своих молитвах избавить малые народы Чечни и Кавказа от гнета и произвола царской власти.

Мои отец и брат по милости Аллаха, услышавшего их молитвы, ушли из жизни в Мекке при совершении хаджа и похоронены там, как они и мечтали.

Хозяева из числа потомков нашего пророка Мухаммеда, да благословит его Аллах и приветствует, которые сопровождали наших паломников, знали об их бедах и слышали, о чем они просят Аллаха в своих молитвах. И один из самых видных ученых сказал нашим паломникам так:

— Уважаемые! Петухи поздно ночью кукарекают в ожидании рассвета, в надежде ускорить его наступление. Но наступит ли рассвет от того, что петухи кричат? Не просите, уподобляясь им, скорого наступления рассвета, а положитесь на Аллаха, отдайте все в Его руки.

Но еще знайте, что сегодня не только в Чечне и на Кавказе, но и во всей России, в том числе в Петербурге, царская власть и ее ставленники боятся и опасаются вашего земляка Зелимхана, сына Гушмацы. Вы по мере возможности помогайте ему, берегите его. Ставьте его в известность о нарушениях чиновниками законов и ваших прав. Он защитит вас и отомстит виновным в ваших бедах!

Вот такую проповедь прочитал нашим паломникам этот человек, сын мой, — сказал мне Саид, — и это правда!

Он продолжал общаться с нашими паломниками, и видно было, что этот человек — авлия¹, хотя он и не подчеркивал этого.

На вопрос наших людей «А откуда вы знаете Зелимхана?» он ответил так:

— О! Если его знает весь мир, почему не должен знать я? Все, кто дружит с Аллахом, и все, кто понимает немного, должны и обязаны знать этого чеченца. Зелимхан не просто, как зверь, скитается везде в бессмысленном времяпровождении, а совершает богоугодные дела: помогает нуждающимся, добывает им средства к существованию, все остальное время проводит с учеными богословами Чечни и Дагестана и с хаджи, совершившими паломничество в Мекку. Без совета с ними, без их благословения он не делает ни одного шага. Как нам не знать Зелимхана, если всем вашим уважаемым людям он близок и они берегут его, как самих себя?

И напоследок этот ученый-араб сказал:

— Мы осведомлены о том, что Зелимхан много раз и невероятным образом выходил без ущерба для себя из труднейших ситуаций и даже уходил из оцепленной сотнями солдат пещеры. Хотя ничего удивительного в этом нет, потому что ему помогает Сам Аллах, как Он помогал многим обездоленным и сирым! Всевышний видел все это, поэтому Он и покровительствовал ему всегда!

— Вот такие слова о Зелимхане я слышал собственными ушами, — закончил Саид.

¹ Авлия (араб.) — покровитель, святой.

Рассказ автуринского старца Магомеда: последняя встреча Баматгири-Хаджи и Зелимхана

— Баматгири-Хаджи был женат на моей сестре Аругаз, и я довольно часто навещался к своим родственникам. Иногда к ним приходил Зелимхан Харачоевский, он был примерно моего возраста, хотя на вид казался даже моложе меня.

Как-то, за десять дней до ареста Баматгири, я находился, как обычно, у них в гостях. Приехал и Зелимхан, которому все в доме обрадовались. Не успели мы рассесться вокруг стола, накрытого всевозможными кушаньями, как раздался сильный стук в окно.

— Вы дома? — донеслось с улицы.

— Дома! Если будешь заходить, то лучше в дверь, не через окно, — пошутил Хаджи.

Вошел стражник-чеченец (имени его не знаю) и сказал:

— Прошу прощения... Меня прислал русский полковник. Сказали, что у вас находится Зелимхан. Ваш дом окружен, и его необходимо обыскать.

— Имеете право, — ответил Баматгири. — Скажи им, пусть заходят. Ищите, смотрите, никто не против...

В моем присутствии в дом вошли пятеро русских солдат и двое чеченцев. Они осмотрели три смежные комнаты, а потом и комнату Хаджи. Снова попросив прощения у хозяина дома, незваные гости ушли.

Все это время Зелимхан не сдвинулся со своего места, и даже своего разговора за чашкой чая собеседники не прерывали. Правда, я не очень-то удивился случивше-

мусья, потому что знал за Хаджи и более удивительные вещи.

Баматгири сказал гостю:

— Зелимхан, ты приехал издалека. Скажи, что привело тебя ко мне?

Харачоевец тогда ему рассказал:

— Хаджи, Этí Яндаров передал мне сегодня пренеприятнейшее сообщение: из-за меня, говорят, собираются выслать из Чечни и Дагестана десять хаджи¹ и улемов²; говорят, если я сдамся властям, вероятно их и не станут выселять. Как можно допустить, чтобы из-за меня одного пострадали вы все? Если бы ты благословил меня, я сдался бы властям. Вот за этим я и пришел к тебе из Ингушетии.

Затем Зелимхан добавил:

— Я слышал от моего деда Бехо: Ермолов как-то пленил сто чеченских молодцев, достойных мужей, и объявил всему чеченскому народу, что обезглавит их всех, если Бейбулат Таймиев не явится к нему с повинной; если же тот придет к нему, обещал отпустить всех пленников. Таймиев облачился в форму хаджи, совершившего паломничество в Мекку, намотал на голову чалму, прилепил на лицо накладную бороду и явился в ставку Ермолова. Его караульным он доложил, что пришел к Ермолову с важным сообщением от Бейбулата Таймиева. Затем он предстал перед грозным правителем Кавказа и задал ему прямой вопрос:

— Ермол, это правда, что ты обещал отпустить сто плененных чеченцев, если тебе отдадут Бейбулата Таймиева для суда?

¹ Хаджи — почетный титул мусульманина, совершившего хадж, паломничество, связанное с посещением Мекки.

² Улем — представитель сословия богословов у мусульман.

— Да, это чистая правда! Есть такой приказ.

Тут Таймиев снял с головы чалму, бороду и бросил их к ногам Ермолова со словами:

— Я — Бейбулат Таймиев!

Ермолов поначалу растерялся от неожиданности и мужества Таймиева, но, как и обещал, отпустил всех пленников. Невероятно, но вместе с ними был отпущен и сам отважный Бейбулат Таймиев.

— Самое ценное и значимое — это жизнь по ту сторону, загробный мир, ниспосланный нам Создателем, все мы рано или поздно в нем окажемся. Все мы во власти Аллаха! И я никогда не терял надежды, что окажусь в рядах тех, над которыми смиловился Всемогуший Аллах. С твоего позволения я сдамся царской власти, подготовившись к достойной смерти, — закончил свою речь Зелимхан.

Слово взял Баматгири:

— Зелимхан, я вижу, что сегодня из-за тебя власти проявляют по отношению к населению необузданное насилие, сажают людей в тюрьмы, ссылают. Но если все это положить на одну чашу весов, а на другую — ту неоценимую помощь и поддержку, которую ты оказываешь малоимущим и нуждающимся людям, обездоленным и слабым, то второе ценнее. А если учесть, что благодаря тебе царские чиновники, особенно из числа чеченцев и ингушей, в том числе старшины аулов, поубавили свои активность и насилие, прекратили откровенный грабеж населения, то об этом и говорить не приходится. Это правда, что тебе сказал Эти Яндаров, и я об этом знаю. Но учитывая те добрые дела, которые ты совершаешь для всех наших страждущих людей, я не хотел бы, чтобы народ хоть на один день потерял своего защитника и борца против произвола царской власти.

Другое дело, если тебя настигнет роковой час; тут уже никуда не денешься, от того, что предписано Всевыш-

ним, никуда не уйдешь. Ты видел, как только что ушли ни с чем твои преследователи? Ушли потому, что твой час еще не настал.

Одним словом, я не одобряю твое намерение сдаться. Нас, некоторых хаджи и улемов, в любом случае должны сослать. Но ты и не думай о том, что ты виноват в чем-то.

Услышав такое, Зелимхан заметно повеселел и, попросив у Хаджи позволения уйти, встал из-за стола. Баматири проводил его на улицу до калитки и, прежде чем попрощаться, сказал:

— Зелимхан, я ведь знаю, ты же еще о чем-то хотел посоветоваться со мной. Но смотрю, ты собрался уезжать, не коснувшись, не поднимая второй темы.

Зелимхан промолчал. Он только попрощался и тронулся в путь. Хаджи смотрел ему вслед, пока он не скрылся из виду, а затем улыбнулся и сказал мне:

— Вчера ночью у Зелимхана родился сын. Он хотел назвать его именем нашего Али, но ему это показалось неудобным. И он об этом думал. А я вчера ночью сразу же нарек его самого младшего, родившегося последним из детей сына именем Умар-Али. Зелимхан всегда сильно тянется к нам, дорожит нашими отношениями.

Впоследствии я узнал, что Зелимхан мечтал стать отцом еще и третьего сына и назвать его Умаром. Но Хаджи знал, что родившийся у него вчера сын — последний ребенок в его семье, поэтому и назвал мальчика двойным именем, как бы выполняя волю и желание его отца.

Через две недели после этого Баматири выслали из Автуров. С его согласия я тоже взял на себя несуществующую вину и отправился вместе с ним в Калугу, провёл там шесть-семь месяцев, по мере своих сил и возможностей помогая хаджи и улемам в их быте.

Когда меня освободили и я собрался в дорогу домой, провожать меня пришли самые известные и лучшие люди нашего народа, это были шалинец Сугаип-Мулла, ав-

туринец Баматгири-Хаджи, Докку из Давлетгирей-Юрта, Кана-Хаджи с Притеречья, Батал-Хаджи из Ингушетии, Умар-Хаджи из Анди и многие другие. Самый ученый и самый уважаемый среди них, шейх Сугаип-Мулла, хлопал меня по спине и сказал:

— Магомед, ты доедешь до нашей отчизны здоровым и невредимым. Тебе одно поручение от нас — смотри не забудь и выполни его. Наш народ натерпелся всяких бед, да и сейчас терпит. Как окажешься среди него, передай ему наш завет:

— Братья и сестры! Говорите и распространяйте всегда хорошее. Скрывайте плохое, а того же, кто его распространяет, останавливайте и убеждайте не делать этого. Уважайте друг друга, помогайте нуждающимся и обездоленным людям. Избегайте сплетен, не рассказывайте того, чего вы сами не слышали и не видели. Знайте, что точно так же, как вы уважаете друг друга, Аллах уважит вас. Если вы будете сплоченными, власть не будет вас чрезмерно угнетать, но если между вами не будет взаимопонимания и согласия, если Аллах разгневадается на вас, тогда и власть вас задавит!

В заключение Сугаип-Мулла сказал:

— Знайте, что терпение и все хорошее — от Всевышнего, а всякая горячность, вспыльчивость, несправедливость — от шайтана. Смотрите, всегда, как бы там ни было, говорите только правду и ничего кроме правды! Лжи не говорите! Самым любимым и почитаемым качеством людей Аллах считает справедливость. Знайте, что скоро Россия встанет на справедливый путь! А ты, Магомед, доедешь до дома, проживешь много лет. Нет никакого сомнения в том, что твоя и наши могилы будут на Кавказе; обрадуй наших братьев этим известием. Пусть Аллах сделает твою дорогу счастливой!

Сугаип-Мулла еще раз похлопал меня ладонью по спине; я обнялся со всеми, кто пришел меня провожать, и отправился в путь.

— Надо сказать правду: то поручение, тот завет, который шейх Сугаип-Мулла сделал мне от имени всех своих товарищей, я выполнял до сегодняшнего дня и буду это делать впредь, пока не покину этот бранный мир, — с этими словами Магомед закончил свой рассказ.

Растрогавшись от услышанного, я обнял Магомеда как дорогого и близкого друга, шурина Баматгири-Хаджи (в народе его называют еще Овда).

Это было зимой 1961 года. Я познакомился с Магомедом в Аргуне, в переполненном маршрутном автобусе, следовавшем в село Махкеты: он рассказывал пассажирам автобуса о наказе Баматгири-Хаджи, сделанном много лет назад. Путем расспросов я узнал поближе этого старца. Оказывается, он как авторитетный и уважаемый человек посвятил себя богоугодному делу — примиренчеству.

Скончался Магомед в пути, возвращаясь с очередного примирения кровников.

Прощение Зелимхана на имя председателя Государственной думы¹

*Его Высокопревосходительству
Господину Председателю Государственной думы
Чеченского абрека Зелимхана Гушмазукаева*

Прощение

Так как в настоящее время в Государственной думе идет запрос о грабежах и разбоях на Кавказе, то депутатам небезынтересно будет познакомиться с причинами, заставившими меня, одного из самых известных абреков Терской и Дагестанской областей, сделаться абреком.

Всё рассказывать не стоит — это займет слишком много вашего драгоценного времени. Я ограничусь, как сказал, указанием обстоятельств, при которых я ушел в абреки, и кроме того расскажу о двух своих наиболее крупных преступлениях: первое — убийство подполковника Добровольского, старшего помощника начальника Грозненского округа, в 1906 году, и второе — убийство полковника Галаева, начальника Веденского округа, летом минувшего 1908 года.

Чтобы гг. депутаты имели хоть какое-нибудь представление о драме моей жизни, я должен упомянуть в коротких словах о месте моего рождения и о своей семье.

¹ Прощение Зелимхана на имя председателя Государственной думы — из документальной повести Дзахо Гатиева, опубликованной в 1930 году (приводится без изменения стилистики и орфографии).

Родом я из чеченского селения Харачой Веденского округа Терской области. В то время, о котором идет рассказ (1901), семья наша состояла из старика-отца, меня и двух братьев, из которых один был уже взрослым юношей, а другой совсем еще ребенком; кроме того, был у нас еще и столетний дед. Жили мы богато.

Всё, что бывает у зажиточного горца, мы имели: крупный и мелкий рогатый скот, несколько лошадей; мельницу, правда татарскую, но все же она нам давала приличный доход; и имели мы еще богатейшую пасеку, в которой насчитывалось несколько сот ульев. Добра своего было достаточно, чужого мы не искали. Но случилось несчастье: произошла у нас ссора с односельчанами из-за невесты моего брата. В драке был убит мой родственник.

Теперь надо было отомстить кровникам за смерть родственника, выполнить святую для каждого чеченца обязанность. Хорошо зная, что по русским законам кровомщение не допускается и меня за убийство человека, хотя бы и кровника, будут судить по всей строгости закона, я совершил акт кровомщения втайне, ночью накануне рамазана месяца, и без соучастников. Все в ауле вздохнули свободно — канлы должны были окончиться и между сторонами должно было состояться полное примирение. Но стали производить дознание. Начальник участка капитан Х., ныне благополучно управляющий одним из округов Терской области, показал, что он застал нашего врага живым и последний будто бы указал как на виновников своей смерти на меня, моего отца и двух братьев.

Таким образом, было найдено юридическое основание для того, чтобы нас обвинить. Суд нас четверых приговорил в арестантское отделение. На запрос палаты, каким образом покойный ночью мог узнать, кто в него стрелял, тот же начальник участка Х. ответил, что была

светлая, лунная ночь и лица были хорошо замечены умершим. Это была со стороны Х. явная ложь и пристрастное отношение к делу. Во-первых, как и всему народу, ему было известно, что мой отец и два двоюродных брата ни в чем не виноваты, а во-вторых, накануне рамазана месяца луна не светит. Люди говорят, что ему дали взятку наши враги, и я вполне этому верю.

Один из моих братьев умер в тюрьме, а другой умер впоследствии в ссылке. Я бежал из грозненской тюрьмы с единственной целью — отомстить виновнику всех несчастий нашей семьи, капитану Х., но он нашелся. Узнав о том, что я на свободе, он прислал ко мне человека, который сказал, что капитан Х. сознаёт свою ошибку, очень раскаивается, просит у меня прощения и, кроме того, обещает меня никогда не преследовать. Я поверил его рассказу и простил его. Из последующей деятельности этого человека выяснилось, что он очень далек от раскаяния и просто перехитрил меня, перейдя на службу в другое место. Таким образом, из мирного жителя селения Харачой я превратился в абрека Зелимхана из Харачоя, но еще не такого знаменитого, как сейчас.

Теперь я вам, ваше превосходительство, расскажу, за что я убил подполковника Добровольского. В то время Добровольский был старшим помощником начальника Веденского округа и постоянно жил в Ведено.

Естественно, на нем лежала обязанность меня преследовать; но как он это делал!

Прежде всего ставил в Харачое экзекуции, затем всячески давил моих родственников и лиц, имевших, по его мнению или, вернее, по мнению доносивших, какое-нибудь отношение ко мне. Мой старый отец, уже вернувшийся домой, отбыв свой срок наказания, и в особенности брат — самый тихий и добродушный из харачоевцев — подверглись со стороны Доброволь-

ского всевозможным гонениям, аресту на продолжительное время под тем или иным предлогом, штрафам и пр. и пр. мелочам, пересказать которые я сейчас не сумею, но которые тем не менее жизнь делают тягостною, а иногда и невыносимою. Я ходил на свободе, и никто меня не беспокоил — ни казачьи резервы, ни милиционеры. Наконец случилось крупное столкновение, и вот по какому случаю. Добровольский ехал из Ведено в Грозный, а мой брат Солтамурад — ему навстречу. Подполковник остановил тройку и приказал переводчику обыскать брата и отобрать у него оружие. На большой дороге не было до тех пор принято останавливать и обыскивать проезжающих; очевидно, для Солтамурада сделали исключение. Брат сказал, что оружие его — азиатского образца и выдать его он не может, так как повсюду его преследуют кровники. Добровольский встал на тройке с винтовкой в руке. Солтамурад ударил по лошади и ускакал; начальник пустил ему вдогонку несколько пуль, не знаю, с какой целью — напугать или попасть в него. Приехав в Грозный, Добровольский пожаловался начальнику округа, что брат Зелимхана оказал ему вооруженное сопротивление и т.д.; разумеется, при этом умолчал о том, что сам он стрелял в моего брата. Солтамурад, боясь жить дома, скрылся и по моему совету вступил с Добровольским в переговоры через некоторых лиц, обещаясь выдать оружие и, кроме того, уплатить штраф в том размере, который укажет Добровольский, однако с тем условием, чтобы Солтамурад остался жить дома. Но Добровольский и слышать не хотел ни о чем, грозил сгноить брата в тюрьме, повесить, а в мой адрес разразился скверными словами. Тогда мой брат ушел из дома и стал бродить один по горам, боясь присоединением ко мне навсегда опорочить себя и тем лишиться возможности вернуться к мирной жизни. А скитаясь один, он надеялся на то, что либо начальник

смилостивится, либо на его место назначат другого, более доброго. Но надеждам брата не суждено было осуществиться — его поймали в Дагестанской области (при этом он не оказал ни малейшего сопротивления) и посадили в Петровскую тюрьму. Там он пробыл около года и бежал прямо ко мне; с этого момента он сделался уже настоящим абреком. Отец мой еще раньше брата присоединился ко мне, предпочитая жизнь абрека тюремному заключению, которое должно было длиться до тех пор, пока меня не убьют или не поймают. За то, что он заставил моего отца и брата сделаться абреками и обругал меня скверными словами, Добровольский поплатился своей жизнью.

Далее я вам расскажу, ваше превосходительство, за что я убил полковника Галаева. Вскоре после смерти Добровольского Веденский округ был объявлен самостоятельным в административном отношении и нам прислали начальника округа, а именно Галаева. Он оказался человеком деятельным и энергичным, сразу выслал из Веденского округа 500 человек, якобы за воровство, и все они вернулись уже в качестве абреков и наводнили весь Веденский округ. Но потом полковнику пришлось объявить всеобщую амнистию, и они вернулись в свои дома, стали заниматься тем, что делали раньше, до появления Галаева. Впрочем, это к делу не относится, а я это сказал как факт, характеризующий этого администратора. Меры его, направленные против меня, а также против отца и брата, выражались в том, что он приблизил к себе нашего противника Элсанова из Харачоя и стал по его указанию сажать в тюрьму и высылать наших родственников и друзей, а иногда лиц, не имевших к нам совершенно никакого отношения. Я письменно предлагал ему оставить всех этих ни в чем не повинных лиц в покое, а преследовать меня всеми способами, какие он может изобрести: полицией, подкупом, отравлением, чем

только он хочет. Но Галаев находил самым правильным избранный им путь поимки меня с товарищами. Очевидно, борьба с мирными людьми гораздо легче, чем с абреками. Некоторые сосланные им лица находятся в северных губерниях России; быть может, они и умерли. Между ними, например, два моих двоюродных брата по женской линии и два зятя, тоже из другой фамилии, чем я. Посаженные Галаевым в тюрьму до сих пор еще сидят там.

Хозяйства как сосланных, так и заключенных совершенно разорились, жены и дети их живут подаванием добрых людей да тем, что я иногда уделю им из своего добра после удачного набега.

Окончательно убедившись, что Галаев твердо держится своей системы, что он будет ссылать и арестовывать все новых и новых лиц и что разоренные семейства станут молить бога о моей гибели, я решил с ним покончить. Решение свое я выполнил летом истекшего 1908 года.

Все, что изложено в этом прошении, безусловно правда, ибо я стою вне зависимости от кого бы и от чего бы то ни было и лгать мне нет никакой нужды. Голова моя, как говорят, оценена в 8 тысяч рублей; конечно, деньги эти собраны с населения. Отец и брат мой убиты чеченцами во время пленения мной овцевода Месяцева 31 августа 1908 года, и теперь я одиноко скитаюсь по горам и лесам, ожидая с часа на час возмездия за свои и чужие грехи. Я знаю: дело мое кончено, вернуться к мирной жизни мне невозможно, пощады и милости я тоже ни от кого не жду, но для меня было бы большим нравственным удовлетворением, если бы народные представители знали, что я не родился абреком, не родились ими также мой отец, и брат, и другие товарищи.

Большинство из них избирают такую долю вследствие несправедливого отношения властей или под влия-

янием какой-нибудь иной обиды или несчастного стечения обстоятельств. Кто раз встал на этот путь, то он продвигается по нему все глубже в дебри, откуда нет возврата, ибо спасаясь от преследователей, приходится убивать, а чтобы кормиться и одеваться, приходится грабить. А в особенности тому, кто должен поддерживать семейства, отцы которых в ссылке или в заключении.

Все изложенное покорнейше прошу, ваше превосходительство, довести до сведения Думы. Если же вы не найдете возможным, чтобы мое прошение было предметом внимания народных представителей, то покорнейше прошу вас отдать его в какой-нибудь орган печати — быть может, найдутся такие, которые пожелают его напечатать. К сему прилагаю свою именную печать и казенную печать Андреевского сельского правления Хасав-Юртовского округа. Администрация Терской и Дагестанской областей знает, что всякое письмо, снабженное этими знаками, идет от меня.

*Зелимхан Гушмазукаев,
15 января 1909 г., Терская область*

Баматгирей-Хаджи (слева),
абрик Зелимхан,
Али Митаев (в середине).
Аул Ахтуры. 1904 г.

На этом фото Зелимхан (стоит с кинжалом) и чеченские Шейхи и религиозные деятели: Бамат-Гирей Хаджи Митаев, Мани Шейх, Докку Шейх, Деди Шейх и многие другие. Фото сделано после первой Русской революции 1905 года. Лучшие представители Чеченского народа собрались для принятия важного решения, касающегося будущего Чечни!

Зелимхан (сидит) с товарищами

Воскресенье, 13 октября 1932 г.

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

Цена всего номера 10 копеек. «Искры» — 11 коп.,
в пересылку — 12 коп.

ИСКРЫ

№ 40.

Иллюстрированный художественно-литературный и фотокорреспондентский журнал с карикатурами.

№ 40.

Издательство «Искусство» (Москва) в содружестве с «Учредительским Комитетом».

Абонемента: 12 календарных месяцев — 10 руб. 50 коп., 6 месяцев — 5 руб. 50 коп., 3 месяца — 3 руб. 50 коп., 1 месяц — 1 руб. 50 коп. Доставка по почте «Искры» — по 11 руб. 50 коп. в год, по 1 руб. 50 коп. в месяц. Доставка по почте «Искры» — по 11 руб. 50 коп. в год, по 1 руб. 50 коп. в месяц. Доставка по почте «Искры» — по 11 руб. 50 коп. в год, по 1 руб. 50 коп. в месяц.

Смерть абрека.

На снимке из архива Школы Ученого Искусства (Москва) — группа солдат, стоящих над телом убитого абрика. В центре — солдат, стоящий над телом убитого абрика. В центре — солдат, стоящий над телом убитого абрика.

Снимок из архива Школы Ученого Искусства (Москва) — группа солдат, стоящих над телом убитого абрика. В центре — солдат, стоящий над телом убитого абрика. В центре — солдат, стоящий над телом убитого абрика.

Снимок из архива Школы Ученого Искусства (Москва) — группа солдат, стоящих над телом убитого абрика. В центре — солдат, стоящий над телом убитого абрика.

Дочери Зелимхана Меди (слева) и Энисат (справа)

Так же слева Меди и справа Энисат

Сын Зелимхана Харачаевского Умар-Али (по середине)

Вырезка из газеты "Советский Экран", анонсирующая фильм об известном чеченском абреке Зелюкхане, "воевавшем против царского самодержавия"

Оглавление

Долгий и тернистый путь к мечте	4
Зелимхан Харачоевский в воспоминаниях Мусы Бакарова	8
Предисловие от автора	19
Рассказывает Саид, сын Гумхаджи	24
Встреча Зелимхана с Лусу Султановым, состоявшаяся в дни его побега из тюрьмы, и их беседа	34
Лусу задает Зелимхану вопросы	40
Вторая часть моей беседы с Саидом Гумхаджиевым	57
Зелимхан Харачоевский приводит Зелимхану из Гельдыгена второй пример	82
Беседа с дочерью Зелимхана Меди	87
Рассказ старца Шабазы, сына Суаипа из селения Махкеты	94
Рассказ старца Дики из Сельментаузена о Зелимхане	104
Рассказ Адольфа Миллера	110
Как познакомились Тапа Чермоев и Зелимхан. Рассказ Исала из Новых Атагов	117
Вторая часть рассказа Дики из Новых Атагов	148
Рассказ Бехо из Ачхой-Мартана	167
Второй рассказ дочери Зелимхана Меди	195
Рассказ аварца Али о Зелимхане	212
Вторая часть рассказа Шабазы, сына Суаипа	230
Рассказ жителя Аксая Ахмеда Баширова	240
О Магомед Зелимханове рассказал Хасан Джафаров	254
Хасан Джафаров о сыне Зелимхана Умаре-Али	264

Зелимхан был известен в Мекке и Медине. Третий рассказ Саида Гумхаджиева	275
Рассказ автуринского старца Магомеда: последняя встреча Баматгири-Хаджи и Зелимхана	277
Прошение Зелимхана на имя председателя Государственной думы	283

Муса Бакаров

Воспоминания об Абреке Зелимхане

Перевод с чеченского Хаваж Цинцаев

Редактор Таус Серганова

Рисунки для обложки Рустам Яхиханов

